7-й годъ изданія.



ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 мая — 7 іюня.

№ 5—6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914



Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью-Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адіарѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

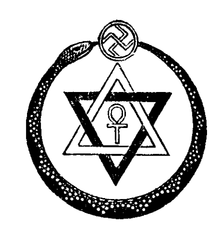
1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющихъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто, какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его—какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

7-й годъ изданія.



ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

7 мая — 7 іюня.

№ 5—6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914



Спб. Городская Типографія, Садовая 55, уголъ Вознесенскаго.

Печ. разр. 7 ноября 1913 г. за С.-Петерб. Градон., Помощн. его, *камергеръ Лысогорскій.*

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ изданіе „Тайной Доктрины“ Е. П. Блаватской **откладывается**. Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину“ и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволятъ сообщить Редакціи свои точные адреса.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати пять первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“ и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. Законы высшей жизни. № 5. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

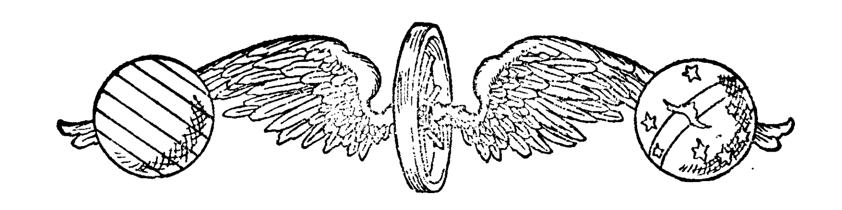
Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ

майской—іюньской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU № DE MAI.

Pages.



Строеніе Космоса.

Лекціи **А. Безантъ**.

(*Окончаніе*).

Гл. IV. Символизмъ.

Символизмъ—это общій языкъ всѣхъ религій. Подъ этимъ подразумѣваются нѣкоторыя общепринятыя формы, которыя вызываютъ у всякаго посвященнаго въ нихъ опредѣленную идею. Вы можете точно такимъ же образомъ составить идеографическій языкъ, который каждый будетъ читать на своемъ нарѣчіи. Можете придать каждому ариѳметическому числу извѣстное значеніе, и если выразить это словами, слова эти будутъ различны на разныхъ языкахъ. Во всѣ времена у людей, изучающихъ религію, существовалъ общій языкъ, на которомъ они могли сообщаться другъ съ другомъ. Къ какой бы національности ни принадлежалъ человѣкъ, какой бы видъ религіи ни былъ распространенъ экзотерически въ странѣ,—разъ онъ видѣлъ извѣстный символъ, онъ понималъ его значеніе. Этимъ символомъ его посвященные собратья сообщали ему знаніе такое же опредѣленное и точное, какъ если бы оно было произнесено на его родномъ языкѣ.

Такое единство религіозныхъ символовъ служитъ лучшимъ доказательствомъ основнаго единства религій. Когда на далекомъ Западѣ вы встрѣчаете тотъ же символъ, какъ и въ индусскомъ храмѣ, и онъ же повторяется на современныхъ христіанскихъ церквахъ и соборахъ, и вы встрѣчаете опять таки его же и въ Азіи, и въ Америкѣ, и на многихъ островахъ Тихаго океана,—тогда вы понимаете, что всѣ народы, начертавшіе этотъ символъ, имѣли одни и тѣ же понятія, одинаковые способы для ихъ выраженія, знали одну и ту же истину, поклонялись одной и той же идеѣ. Изученіе символизма позволитъ почерпнуть изъ прошлаго то, что утерялось въ настоящемъ. Раскрытіе какой-нибудь вели-

кой истины позволитъ намъ укрѣпить и нашу мысль. Въ древнихъ книгахъ, написанныхъ великими мудрецами и божественными наставниками, мы найдемъ скрытую ими тайну духовнаго знанія. Они сдѣлали это, чтобъ охранить эту тайну отъ всѣхъ перемѣнъ и случайностей жизни, и человѣкъ, достигшій извѣстной стадіи духовнаго развитія, могъ всегда имѣть подъ рукой доступное ему знаніе. Такимъ образомъ то, что хранилось вѣками во мракѣ, опять появится на свѣтъ для поученія міра. Мы особенно нуждаемся въ этомъ теперь. Мы живемъ въ циклѣ мрака, въ той Kalijuga, когда все духовное принижено, темныя силы торжествуютъ свою побѣду и ослѣпляютъ внутреннее зрѣніе человѣка. Въ болѣе счастливыя времена зрѣніе это свѣтло и ясно.

Когда приближался этотъ циклъ, мудрецы вынуждены были скрывать въ символахъ и подъ покровомъ миѳовъ тѣ истины, которыя должны были храниться для будущихъ поколѣній. Истины эти скрыты не только въ томъ, что мы называемъ символомъ, внѣшнимъ знакомъ, но облекались и въ форму аллегорій, басенъ, миѳовъ и всякихъ обрядовъ. Повсюду въ нихъ скрыта была духовная истина, и время отъ времени появляется человѣкъ, способный видѣтъ эту истину во внѣшнемъ символѣ миѳа или обряда. Провозглашеніемъ этой истины онъ укрѣпитъ вѣру человѣка въ реальность всего духовнаго и въ туманѣ мрака укажетъ ему путь къ свѣту. Символъ не только сохраняетъ истину въ вѣкахъ, но служитъ и вѣчнымъ свидѣтелемъ существованія этой истины. Назначеніе символа—скрывать ее, но она должна по временамъ являться на свѣтъ, чтобы человѣкъ снова увѣровалъ въ нее. Теософы и работаютъ въ наши дни по волѣ тѣхъ божественныхъ Наставниковъ, которые создали эти символы и отдали ихъ на храненіе различнымъ религіямъ міра.

Когда истина утеряна, и исчезаетъ вѣра въ нее, необходимо, чтобы кто-нибудь истолковалъ смыслъ символовъ. Разумность объясненія сама говоритъ за себя, и люди чувствуютъ очевидность ея существованія, когда она выведена, если можно такъ выразиться, на свѣтъ изъ тайниковъ.

И вѣра растетъ тогда, вѣрующіе поднимаютъ голову, ибо самое раскрытіе истины подтверждаетъ реальность символа. Люди опять начинаютъ вѣрить въ истину, когда она мелькнетъ передъ ними подобно свѣту потайного фонаря. Значеніе символа состоитъ не только въ томъ, что онъ скрыветъ истину, указывая ее однимъ мудрецамъ, но и въ томъ, что онъ утверждаетъ передъ міромъ реальность духовной истины.

Потому-то нѣкоторые изъ насъ и настаиваютъ на сохраненіи обрядовъ, даже если намъ и непонятенъ ихъ смыслъ. Знаю, что много людей считаютъ обряды препятствіемъ къ прогрессу и предразсудками. Они видятъ въ обрядѣ одно препятствіе, упуская изъ виду его сокровенный смыслъ. Часто древній памятникъ вѣщаетъ намъ о прошломъ народа, а вы, желая выиграть десять минутъ времени, хотите снести это зданіе, чтобы провести черезъ него желѣзную дорогу по прямой линіи! Но иногда разумнѣе потерять десять минутъ—столько времени теряется даромъ!—чѣмъ разрушить памятникъ и вырвать изъ памяти народа самое воспоминаніе о какомъ нибудь-событіи.

Въ писаніяхъ духовныхъ мудрецовъ точно также хранится смыслъ обрядовъ, непонятныхъ теперь для многихъ, и сила ихъ не уничтожится, когда освѣтится ихъ истинное значеніе. Если обряды индуизма были бы изгнаны изъ Индіи, что доказывало бы индусскому народу непреложность духовной истины? Но хранятся еще символы и обряды; путемъ знанія мы находимъ подтвержденіе древняго ученія и черезъ символы проникаемъ въ умъ и сердце народа.

Я приведу въ примѣръ одинъ символъ, который распространенъ во всемъ мірѣ, во всѣхъ религіяхъ, хотя видъ его нѣсколько и видоизмѣненъ у разныхъ народовъ,—я говорю объ извѣстномъ всѣмъ символѣ креста. Съ нимъ соединено у большинства представленіе объ одной изъ самыхъ новѣйшихъ религій. Но это одинъ изъ древнѣйшихъ символовъ; онъ съ незапамятныхъ временъ дошелъ до насъ съ Востока. На какую глубину ни производились бы раскопки, къ какой бы сѣдой древности ни относились развалины вырытаго города, въ Америкѣ, въ Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ—повсюду вы найдете крестъ. Новѣйшими изслѣдованіями открыты въ Европѣ мѣста, гдѣ сохранились остатки цивилизацій, исчезнувшихъ задолго то того, какъ у людей могло получиться представленіе о Римской Имперіи; а цивилизаціи эти существовали цѣлые вѣка, прежде чѣмъ пришли въ упадокъ. Раскопки, сдѣланныя на еще большей глубинѣ, обнаружили слѣды цивилизацій, отъ которыхъ насъ отдѣляютъ цѣлыя тысячелѣтія, на поверхности земли не осталось отъ нихъ никакихъ слѣдовъ,—но и тутъ на глиняныхъ сосудахъ, сохранившихся послѣ того, какъ истлѣли и самыя кости создавшаго ихъ народа, вы увидите изображеніе креста. Сосуды эти найдены возлѣ кучекъ праха, который разсыпается, какъ только разрыта могила, и крестъ этотъ, изображенный на сосудахъ, содержащихъ прахъ покойниковъ, указываетъ на свя-

щенное значеніе этого символа. Въ глубочайшей древности, повсюду, гдѣ жили люди пятой расы,—вездѣ находятъ символическій крестъ. Изъ древнихъ писаній мы узнаемъ, что кругъ, позднѣе означавшій кругъ горизонта, вначалѣ былъ символомъ Вишну, т. е. времени. Кругъ же, это —символъ безконечнаго времени, а крестъ, на которомъ покоятся всѣ Боги, всѣ Риши, всѣ свѣтила небесныя, изображалъ собою все, что существуетъ въ мірѣ проявленій. Пойдемъ еще дальше, во времена, предшествующія рожденію пятой расы; отъ нихъ не осталось ничего, кромѣ разбросанныхъ кое-гдѣ камней, на которыхъ опять-таки высѣченъ знакъ креста. Значеніе этихъ камней знаютъ лишь посвященные.

Возьмемъ четвертую расу людей, погибшую отъ страшной катастрофы; отъ нея остались лишь сѣмена, изъ которыхъ вышла пятая раса,—и у нихъ символъ креста считался такимъ же священнымъ, какъ и у людей пятой расы.

Символъ этотъ можно такимъ образомъ считать всемірнымъ, и ни одна изъ позднѣйшихъ религій не должна его присваивать исключительно себѣ. Крестъ часто былъ запечатлѣнъ на груди посвященныхъ и вовсе не составлялъ неотъемлемой собственности одной изъ самыхъ современныхъ и экзотерическихъ религій.

Что же такое представляетъ изъ себя крестъ въ основѣ своей? На древнѣйшихъ изображеніяхъ онъ заключенъ въ кругѣ. Позднѣе кругъ отбрасывается и, лишившись его, крестъ теряетъ свое высокое значеніе. Крестъ въ высшемъ своемъ смыслѣ всегда служилъ символомъ Духа; изъ сферы духовной онъ спустился до внѣшняго проявленія и служилъ символомъ звѣздъ, которыя являются видимымъ образомъ тѣхъ великихъ умовъ, которыми движется Космосъ. Значеніе этого символа еще болѣе падаетъ впослѣдствіи, доходитъ до человѣка и получаетъ уже смыслъ фаллическій, запятнанный нечистыми человѣческими мыслями.

Разсмотримъ теперь кругъ. Въ первичномъ своемъ значеніи онъ изображалъ то безграничное существованіе, которое, проявляясь, ограничиваетъ себя. Сперва это кругъ свѣта, который окружаетъ безграничный мракъ. Кругъ свѣта представляетъ изъ себя начало проявленія Космоса.

Изучая свѣтъ, мы разсматривали сперва свѣтъ безформенный; форма проявляется позднѣе, какъ видимая сторона проявленія. Первое значеніе круга—это проявленіе, ограниченіе, начало всѣхъ вещей. На слѣдующей стадіи появляется крестъ, раздѣляющій кругъ; это тотъ огонь, который, исходя отъ центра, образуетъ два діаметра, вызываетъ дѣятельную жизнь внутри этого круга

вселенной и дѣлаетъ возможнымъ появленіе проявленій, постепенно исходящихъ изъ центра. Сначала появилась одна линія креста, та, которую проводитъ свѣтъ Логоса по обоимъ направленіямъ отъ центра къ окружности. Это тотъ свѣтъ, о которомъ я упоминала во второй лекціи, какъ объ исходящемъ изъ двойственнаго Логоса. Онъ-то, идя къ окружности, и дѣлитъ кругъ сперва на двѣ, а потомъ на четыре части. Эта-то линія свѣта, исходящая изъ точки и переходящая во внѣшнее по четыремъ направленіямъ, и чертитъ крестъ въ проявленіи, символъ дѣленія на Духъ и Матерію [1]).

Исходя изъ этого послѣдняго дѣленія, мы видимъ какъ далѣе происходитъ весь Космосъ, символомъ чего будетъ уже вращеніе креста, послѣ чего крестъ уже не представляетъ изъ себя двухъ прямыхъ линій, но къ каждому концу его прикрѣплена теперь часть круга въ проявленіи, и вы получаете древнюю свастику, заключающую въ себѣ не только идею раздѣленія, но и вращенія. Въ свастикѣ съ повернутыми линіями есть уже намекъ на кругъ, въ то же время, какъ и на крестъ, но это не опредѣленный и установившійся кругъ, а кругъ вращающійся; это уже сила, рождающая жизнь.

Въ связи съ этимъ находится и символъ деревяннаго бруса для добыванія огня; тутъ углубленіе, въ которое онъ вставляется, замѣняетъ кругъ, а вертящійся посредствомъ веревки брусъ чертитъ крестъ, и вращаясь, зажигаетъ священный огонь. Это и есть Агни, богъ огня, символъ той жизни, которая порождаетъ міръ. Вы видите такимъ образомъ, что кругъ и брусъ изображаютъ половину креста, другой половиной котораго является веревка, дополняющая крестъ и заставляющая его вращаться. Передъ вами полное изображеніе Второго Логоса, при раздѣленіи котораго становится возможнымь дальнѣйшее проявленіе.

Затѣмъ идетъ вращеніе, порождающее теплоту. Я, помните, обращала ваше вниманіе на эту теплоту, какъ на результатъ дѣйствія огня. Когда сіяніе свѣта переходитъ въ огонь, тогда рождается богъ огня, причина дальнѣйшаго проявленія. Прослѣдите его, и всюду вы увидите въ немъ символъ Бога, проявленнаго Бога, міровую силу, творящую и рождающую. Высшимъ смысломъ этого символа будетъ Богъ, рождающій Космосъ. Въ низшемъ смыслѣ это дѣтородной органъ, которому поклонялись въ разныхъ видахъ, унижая его истинный смыслъ.

---

[1]) Ученикъ, предающійся медитаціи, можетъ созерцать точку, линію, крестъ, свастику и изучать ихъ отношеніе къ третьему Логосу.

Слѣпой глазъ матеріалиста видитъ лишь фаллическое значеніе и непристойное толкованіе въ томъ, что въ высшемъ смыслѣ имѣетъ начало въ Логосѣ, проявляющемся въ мірѣ вещественномъ. Мы постоянно находимъ крестъ въ рукахъ боговъ, на древнихъ изваяніяхъ; только форма креста мѣняется, согласно типу, принятому въ каждой религіи. Символическій языкъ имѣетъ тутъ и другое примѣненіе, такъ какъ по формѣ креста мы можемъ судить о степени религіознаго развитія народа.

Возьмемъ для примѣра Египетъ. Тамъ вы увидите крестъ и кругъ въ другомъ видѣ. Это уже не крестъ съ двумя равными концами, начертанный въ кругѣ, символизирующемъ время. Онъ превратился въ букву Т съ однимъ концомъ внизу; крестъ не вписанъ въ кругъ, а самый кругъ покоится наверху буквы ☥. Тутъ кругъ означаетъ не время, а служитъ символомъ женскаго начала. Подобный крестъ нарисованъ на фрескахъ въ пирамидахъ, въ рукахъ боговъ, которые держатъ его. Крестъ служитъ тутъ символомъ человѣческой жизни. Когда настанетъ время душѣ вернуться въ лежащую мумію, появляется богъ, держащій въ рукахъ такой тау съ кругомъ—крестъ жизни. Богъ прикасается этимъ крестомъ къ устамъ муміи, и душа возвращается въ тѣло, воскрешая его къ новой жизни.

Послѣ того, что мы видѣли, какъ крестъ въ Египтѣ постепенно утеривалъ свое высокое значеніе, прослѣдимъ этотъ символъ въ той формѣ, какую онъ принялъ въ Индіи, гдѣ мы находимъ его въ рукахъ одного изъ боговъ. Вы увидите, что символъ этотъ имѣетъ тутъ еще болѣе тонкій и прекрасный смыслъ. Посмотрите, какъ иногда въ храмахъ изображенъ Шива Магадева въ образѣ Маха-Іога, великаго аскета. Онъ сжегъ на огнѣ Tapas'а всю низменную сторону своего существа и сталъ чистымъ огнемъ; все остальное исчезло. Маха-Іогъ держитъ въ поднятой рукѣ веревку, имѣющую форму не круга, а уже овала. Онъ держитъ ее между большимъ и другими пальцами руки, причемъ эта послѣдняя изображаетъ крестъ, на которомъ покоится овалъ. Каково же значеніе этого символа, ставшаго позднѣе изображеніемъ прозводительной силы, жизни, въ рукахъ великаго Іога, главы Аскетовъ? Развѣ Іогъ не отрѣшился отъ производительной дѣятельности и не изображаютъ ли его часто въ дѣвственномъ образѣ Кумары, отказывающимся отъ творенія и ничего не имѣющимъ общаго съ физическимъ проявленіемъ? Здѣсь символъ имѣетъ еще болѣе высокій смыслъ. Овалъ въ рукахъ великаго аскета для всякаго, кому знакомъ языкъ символовъ, уже не имѣетъ того значенія, какое ему было придано впослѣдствіи.

Овалъ представляетъ изъ себя третье духовное око, то, что открылось при помощи Tapas'a уму аскета, когда онъ достигъ извѣстной ступени и подчинилъ свои низшія чувства. Рука, держащая крестъ, означаетъ распятіе низшихъ страстей своей природы, посредствомъ котораго Іогъ только и можетъ достигнуть духовной жизни. И Богъ, этотъ великій Іогъ, держитъ руку поднятой, чтобы показать, что всѣ страсти его распяты, а подавленіе низшихъ сторонъ природы даетъ возможность развиться высшимъ. Крестъ такимъ образомъ открываетъ тѣ врата, черезъ которыя проикаетъ свѣтъ духа. Тогда раскрывается третье око, око Шивы, знакомое всякому индусу, если не по смыслу, то хоть по имени. Какъ же проявилось это третье око?

Припомните древнее сказаніе о томъ, какъ Шива сидѣлъ, погруженный въ Tapas,a индусскій богъ любви пытался пронзить его своими стрѣлами. Но лобъ Шивы открылся, и изъ третьяго ока изошелъ свѣтъ, лучъ котораго испепелилъ бога-искусителя.

Теперь, когда вы войдете въ храмъ великаго бога, гдѣ онъ изображенъ въ образѣ Маха-Іога, и увидите веревку въ рукѣ его, вы поймете ея сокровенный смыслъ. Вы можетъ пойти еще дальше и извлечь изъ этого поученіе; вы поймете, что человѣкъ обладаетъ силой, которая можетъ быть направлена на низшую или на высшую жизнь,—для созданія новыхъ формъ, или-же на развитіе въ себѣ силъ духовныхъ, но никогда не на обѣ одновременно.

Потому-то и требовалось отъ аскета безбрачіе; оно служило необходимымъ подготовленіемъ къ раскрытію третьяго ока. Всегда понятіе объ аскетизмѣ включало въ себя и понятіе объ обсолютной физической чистотѣ.

Вы можете направить теченіе жизни вверхъ, въ область Духа, или внизъ, въ область матеріи. Если вы ищете проявленія, вы не можете одновременно подняться до могучей производительной энергіи сферы духовной.

И когда Шива поднимаетъ крестъ съ веревкой, это означаетъ, что третье око открылось, жизнь сосредоточилась въ головѣ, въ области высшей. Отверзлось третье око аскета, и побѣда Духа обезпечена.

Поищемъ теперь смыслъ другого символа, въ которомъ матерія и Духъ слиты воедино. Передъ нами уже не крестъ съ оваломъ, а два переплетенные треугольника, которые указываютъ, что Духъ и матерія не раздѣлены, и указываютъ на ихъ сліяніе во всевозможныхъ проявленіяхъ въ мірѣ явленій. Треугольникъ,

обращенный остріемъ вверхъ, означаетъ огонь или Духъ, а тотъ, который обращенъ внизъ, изображаетъ воду или матерію; они слиты воедино. Это и есть символъ сліянія Духа съ матеріей въ мірѣ проявленій. Суть заключается въ томъ, что сліяніе это продолжается все время, пока длится проявленіе. Этотъ двойной треугольникъ обыкновенно служитъ символомъ двухъ индусскихъ боговъ, Шивы и Вишну, если ихъ разсматривать, какъ два аспекта Единаго. Треугольникъ, поднятый остріемъ вверхъ—это Магадева, огонь. Богъ, движущійся по водамъ Нарайана, изображается треугольникомъ, обращеннымъ внизъ. Онъ изображаетъ бога, превращающагося въ матерію и дающаго возможность возникновенія явленій.

Тутъ опять получается символъ двойственности, такъ какъ оба бога изображены, какъ Единое въ своей сущности и двойственное въ своихъ проявленіяхъ, подъ видомъ огня и воды, положительнаго и отрицательнаго, мужского и женскаго начала. Это поможетъ уяснить многимъ изъ васъ, на что намекаютъ Писанія, и вы поймете внутреннее сродство двухъ великихъ боговъ Индіи.

Туть кстати будетъ припомнить одно сказаніе, которое уничтожаетъ въ корнѣ всѣ несогласія, существующія между различными современными сектами, т. е. скорѣе сравнительно позднѣйшими. Изъ имени боговъ создаютъ себѣ преграды, тогда какъ это должно бы было служить источникомъ ихъ единенія. Вспомните, какъ поклонникъ Шивы ненавидѣлъ своего сосѣда, который поклонялся Вишну; оба исполнены антагонизма, а не истинно религіознымъ духомъ; и все это потому, что избрали предметомъ поклоненія различные образы Бога.

Однажды, когда этотъ поклонникъ Шивы, со злобой въ сердцѣ на поклонника Вишну, склонился передъ Магадевой, изображеніе божества внезапно измѣнилось на его глазахъ. Передъ нимъ стоялъ Шива, какъ бы раздѣлившійся надвое: одна сторона сохраняла образъ Магадевы, а другая приняла видъ Вишну, и обѣ слитыя половины улыбались ему.

Если бы въ наше время вникали въ смыслъ этого сказанія, не существовало бы раздоровъ между сектами, которыя всѣ поклоняются Единому Богу въ разныхъ видахъ; вражда между братьями стала бы невозможной.

Изучая эти символы, мы пришли такимъ образомъ къ сознанію въ нихъ божественнаго смысла, который скрывается за этой внѣшней ихъ формой.

Весь ходъ мыслей привелъ меня къ весьма конкретному символу. Я выбираю его нарочно, чтобы прослѣдить всю его эволюцію и показать вамъ, какъ свойственная развитному уму абстрактная идея вытекаетъ изъ самого конкретнаго символа. Этотъ послѣдній необходимъ, чтобы уяснить человѣку невѣжественному какое нибудь ралигіозное понятіе. Позвольте мнѣ немного отвлечься отъ вопроса и слегка коснуться тѣхъ разногласій, которыя терзаютъ современную Индію.

На Западѣ обыкновенно ей ставятъ въ упрекъ ея идолопоклонство, и тѣ, кто бывали тутъ, горько смѣются надъ ея идолами и религіозными обрядами, даже не пытаясь вникнуть въ ихъ смыслъ и спросить у вѣрующихъ, что они означаютъ. Эти пріѣзжіе смотрѣли на все со стороны, съ предвзятымъ взглядомъ иностранца и, возвращаясь домой, распускали слухъ о бѣдныхъ идолопоклонникахъ индусахъ. Они увѣряли, что необходимо укрѣпить въ нихъ духовную вѣру и поднять ихъ съ того низкаго уровня, на которомъ они находятся. Вопросъ объ идолопоклонствѣ весьма важенъ, ибо въ немъ заключается и другой существенный вопросъ: нужно ли въ вопросахъ вѣры приспособляться къ невѣжественнымъ умамъ? Какимъ образомъ религія, доступная людямъ, стоящимъ на низкой ступени развитія, можетъ стать предметомъ уваженія людей развитыхъ, стремящихся къ свѣту? Это задача трудная. То, что нужно для просвѣщенія человѣка неученаго, не можетъ удовлетворить философа и глубокаго мыслителя. Символизмъ, говорящій уму перваго, будетъ отталкивать послѣдняго. Если вы будете утверждать, что религія должна быть одна и та же для всѣхъ людей, тогда передъ вами представятся два рѣшенія: или религія будетъ одна для всѣхъ, и тогда вы должны низвести ее до уровня самаго неразвитаго ума и пониманія. Философъ долженъ спуститься до уровня всякаго землепашца или ребенка, и его высокія стремленія должны сократиться до предѣловъ того, что понятно всякому невѣждѣ. Или же у каждаго человѣка будетъ своя религія, и тогда вы должны допустить различіе представленій, согласно умственному развитію человѣка. Для философа религія будетъ носить характеръ философскій, для ребенка—дѣтскій,—и не будетъ ея униженіемъ, а только подготовкой ребенка къ будущей эволюціи, которая подниметъ его на высочайшія вершины религіознаго сознанія.

На западѣ былъ принятъ другой методъ. Тамъ пытались упростить религію до того, чтобы „всякій разносчикъ“ способенъ былъ понять ее. Въ Англіи подъ словомъ „разносчикъ“ понима-

ютъ человѣка, стоящаго на самомъ низкомъ уровнѣ развитія; среди васъ это былъ бы парія. При мнѣ какъ-то разъ говорили, что теософія не можетъ принести пользу человѣчеству, такъ какъ она выше пониманія всякаго разносчика. Какъ же такое пониженіе умственной стороны религіи отразилось на европейской мысли? Получилось то, что умъ народа поднялся выше религіи; наблюдается полный разладъ между интеллектомъ и религіей. Величайшіе умы не признаютъ религіи, которая не отвѣчаетъ ихъ высокимъ стремленіямъ и не даетъ пищи духовной сторонѣ ихъ личности. Этой цѣной куплено униженіе божественнаго идеала, но онъ сталъ доступенъ умамъ невѣждъ.

Индія шла другимъ путемъ. Здѣсь всякому извѣстно, что люди находятся на разныхъ ступеняхъ эволюціи, и то, что представляется истиной крестьянину въ полѣ, то не кажется истиной Брахману, предающемуся медитаціи. Оба имѣютъ свои права въ религіозномъ мірѣ, въ обоихъ заключается возможность большей или меньшей эволюціи Духа. Каждому поэтому нужна та пища, которая способствуетъ его эволюціи.

Вы не можете питать дѣтскій умъ пищей, которая необходима взрослому, точно также, какъ и тѣлу его нужна другая пища, чѣмъ та, которая будетъ поддерживать его въ зрѣломъ возрастѣ. Но такой взглядъ допускаетъ идолопоклонство. Это значитъ, что вы желаете сохранить высшую духовность, рискуя быть непонятыми тѣми, кто не желаетъ вникнуть въ смыслъ внѣшняго образа. Самый идолъ имѣетъ разное значеніе, смотря по тому, какой смыслъ придаетъ ему вѣрующій. Идолъ крестьянина, это самая элементарная форма, которой онъ поклоняется, которую онъ кропитъ водой, возлагая на нее цвѣтокъ и звоня передъ ней въ колоколъ. Для Брахмана было бы униженіемъ поклоняться такому божеству. Поклоненіе же крестьянина передъ этимъ идоломъ, пробуждая въ немъ вѣру и любовь, откроетъ ему путь къ жизни духовной. Если вы будете излагать передъ нимъ отвлеченныя идеи Брахмана, онъ будетъ стоять съ разинутымъ ртомъ, не понимая, что это значитъ. Въ сердцѣ его не возникнетъ никакого колебанія жизни духовной. Оставьте этому человѣку его идолъ, и дайте пробудиться въ немъ первому трепету духовнаго стремленія. Съ этого начнется его духовная эволюція, она покажетъ себя; черезъ рядъ существованій онъ поднимется все выше и выше, пока Душа, начавшая со звона колокола передъ неотесаннымъ чурбаномъ, не предстанетъ предъ лицомъ Бога и, погрузившись въ вѣчное Его сіяніе, не найдетъ себѣ обители у подно-

жія Лотоса Магадевы. Этого можно достигнуть, если признать, что Душа подготовляется къ этому цѣлымъ рядомъ существованій.

Если вамъ предстоитъ одна жизнь, за которой слѣдуетъ вѣчное пребываніе на такъ называемыхъ небесахъ, вы должны спѣшить, такъ какъ иначе душа ваша на небѣ можетъ очутиться въ совершенно непонятномъ ей состояніи.

Чтобы показать вамъ, какъ можно использовать идолопоклонство, я приведу опять знакомый вамъ примѣръ: изображеніе Магадевы на своей колесницѣ Nandi, на быкѣ. Когда наступаетъ праздникъ, изображеніе бога ставится на его колесницу и возится по улицамъ города. Это видятъ люди, находящіеся на разныхъ стадіяхъ эволюціи, и въ каждомъ умѣ возникаетъ особое представленіе. Возьмемъ снова толкованіе, которое приводятъ Chhândogyopanishad'ы [1]). Тамъ говорится, что Брахманъ сидитъ на быкѣ, но я беру болѣе знакомый образъ Магадевы на Nandi. Что это значитъ съ точки зрѣнія народнаго представленія? Я буду приводить тексты. Богъ олицетворяетъ собой небо, въ которомъ теологи видятъ только внѣшній образъ небеснаго свода, символъ величія и пространства. Какой болѣе внушительный символъ, чѣмъ сводъ небесный съ его солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, можно выбрать, чтобы дать понятіе о безконечности и безпредѣльной жизни уму ограниченному?

Такому человѣку, если онъ имѣетъ малѣйшее понятіе о символахъ, богъ всегда будетъ представляться вверху на небесахъ, быкъ, на которомъ онъ ѣдетъ, будетъ символомъ міра, а ноги быка, каждая изъ которыхъ носитъ особое названіе, укажутъ ему путь, по которому движется вселенная. Одна нога будетъ Агни, или огонь, другая Вайю—богъ вѣтра, великое дыханіе Господа на языкѣ возвышенномъ, третья—солнце, сіяющее и освѣщающее міръ, а четвертая—четыре стороны неба.

Неразвитой умъ увидитъ въ этомъ символѣ всѣ эти понятія, если кто-нибудь объяснитъ ему идею склоненнаго надъ нимъ, на подобіе свода небеснаго, Божественнаго Провидѣнія, которое покоится на проявленномъ мірѣ. Солнце, огонь, вѣтеръ и страны свѣта представятся ему подъ видомъ четырехъ ногъ быка, которыя несутъ бога впередъ, поддерживаютъ и направляютъ всю жизнь проявленнаго міра. Многіе изъ васъ захотятъ отыскать въ

---

[1]) Ch. III sec. XVIII. 1.

этомъ болѣе тонкій смыслъ, и вы поймете его, если покланяетесь Духомъ. Для васъ богъ будетъ тогда человѣческимъ разумомъ, а Богъ, ѣдущій на колесницѣ—разумомъ, пребывающимъ въ тѣлѣ. Ноги быка не утратятъ смысла, ибо одна будетъ означать рѣчь, другая—дыханіе, третья—зрѣніе, четвертая—слухъ. Шанкарачарія говоритъ, что подобно тому, какъ ноги быка везутъ его, куда ему угодно, такъ и разумъ достигаетъ чего хочетъ посредствомъ рѣчи, дыханія, зрѣнія и слуха. Чувства эти приводятъ тѣло и заключенную въ немъ Душу въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ. Черезъ эти четыре ноги быка, т. е. черезъ чувства человѣка, проникаетъ такимъ образомъ въ Душу то знаніе, которое она пришла искать въ этомъ мірѣ проявленій.

И, когда идолъ проѣзжаетъ по улицамъ, вы понимаете его смыслъ, и онъ напоминаетъ вамъ о воплотившейся Душѣ. Въ этомъ заключается еще болѣе глубокій смыслъ, но на него нѣтъ прямыхъ указаній. Но я могу помочь вамъ разъяснить этотъ смыслъ.

Представимъ себѣ, что богъ изображаетъ самую Божественную Сущность, тотъ Духъ, котораго мы ищемъ, высшее проявленіе,—назовите его Брахманомъ, Шивой, Вишну, какъ угодно,—признайте только то Единое Все, нераздѣльное, которое подразумѣвается подъ этимъ именемъ и изображено идоломъ. Что означаютъ тогда ноги быка? Они будутъ означать тѣ состоянія сознанія, посредствомъ которыхъ Душа можетъ подняться до своего Творца. Это тѣ стадіи, по которымъ Душа все ближе и ближе подходитъ къ всемірному Духу, пока не сольется съ нимъ воедино. Одна изъ ногъ—это состоянія бдѣнія, когда Душа движется и живетъ днемъ; другая нога—это состояніе Svapna, о которомъ мы говорили вчера. Это вторая ступень на пути Души къ Божеству. Третья нога—состояніе Sushupti, она еще ступенью ближе къ Богу, и послѣдняя представляетъ собой Turiya, то состояніе, по выходѣ изъ котораго Душа сливается съ Богомъ. Вотъ какую высочайшую концепцію духовной философіи выражаетъ этотъ символъ для развитого ума. И когда въ Мадурскомъ храмѣ я прохожу мимо изображенія священнаго быка, въ моемъ внѣшнемъ сознаніи снова возникаетъ воспоминаніе о знакомомъ мнѣ высокомъ толкованіи этого символа. Быкъ для меня уже не простая, высѣченная изъ камня статуя, но голосъ, напоминающій мнѣ ученіе о состояніяхъ сознанія и о томъ высшемъ пути, который приводитъ къ Богу.

Идолъ представляетъ вамъ то понятіе, которое вы сами вкладываете въ него. Если въ васъ самихъ нѣтъ духовной жизни, которая придаетъ идолу реальное значеніе, вы не имѣете права смѣяться надъ идолопоклонствомъ. Оно для васъ пустое слово только потому, что пустота эта въ васъ самихъ.

Обратимся теперь къ Пуранамъ, которыя полны самыхъ сложныхъ и непонятныхъ истинъ. Для разъясненія ихъ прочтите, какъ Блаватская разбираетъ въ своей *Тайной Доктринѣ* одинъ изъ миѳовъ. Метода ея разбора дастъ вамъ ключъ къ разгадкѣ многихъ другихъ тайнъ. Я привожу только одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые Блаватская беретъ изъ Пураническихъ писаній. Я возьму сказаніе о Марутахъ [1]). Я не буду разбирать его подробно, вы сами можете прочесть это сказаніе о богахъ вѣтра и дѣтяхъ Ревущаго Рудры, которые изображаютъ изъ себя силу вѣтра и голосъ явленій природы. Прежде всего это означаетъ, что во всякой силѣ природы кроется разумъ, и всѣ явленія связаны съ нимъ. Очевидно, что въ простѣйшемъ смыслѣ эти Маруты ничто иное, какъ отдѣльныя существа, которыя завѣдуютъ извѣстными формами проявленій. Если вы понимаете языкъ и свойство этихъ существъ, вамъ становятся понятны и тѣ явленія, которыми они управляютъ. Маруты не могли стать предметомъ поклоненія человѣка развитого. Это только силы, которыми онъ управляетъ по желанію. Ни одинъ Риши не поклоняется Марутамъ; онъ повелѣваетъ ими. Все же они существа реальныя, имѣющія въ Космосѣ свое мѣсто среди девъ, которые составляютъ духовную сторону всякаго наблюдаемаго вами явленія.

Если вы позабудете эту основную истину оккультизма и, изучая явленія природы, будете смотрѣть на нихъ, какъ на таковыя, и не видѣть за ними Духа-повелителя, вы по своей винѣ остаетесь слѣпыми при наблюденіи природы. Тогда матерія одержитъ побѣду надъ Духомъ, ибо скроетъ Духъ не только отъ физическаго зрѣнія, но и отъ того Духа, который заключенъ въ самомъ человѣкѣ.

Маруты въ низшемъ значеніи являются существами, связанными съ міромъ атмосферическимъ; они непосредственно вызываютъ вѣтеръ и подчинены развитой и очищенной волѣ человѣка. Они имѣютъ и другое значеніе, когда являются уже не отдѣленными существами въ Космосѣ, а подъ видомъ дѣтей Рудры, того

---

[1]) The secret Doctrine ii, 631. etc и 648 etc.

Рудры, который снова появляется въ образѣ Шивы и Маха-Іога. Что же означаютъ эти дѣти Іога, дѣвственнаго аскета? Тутъ они уже означаютъ его чувства, являются символами тѣхъ силъ, которыя онъ обуздалъ въ себѣ. Съ этой точки зрѣнія это враги человѣка, и вначалѣ онъ борется съ ними. Поднимаясь въ высшую область, эти дѣти низшей природы аскета, эти страсти, которыя онъ долженъ былъ подчинить себѣ, становятся уже дѣтьми его высшей природы, разъ низшая подчинилась очищенной волѣ аскета. Въ немъ самомъ заключены всѣ силы, посредствомъ которыхъ онъ воздѣйствуетъ на міръ внѣшній.

Вы читаете дальше, какъ Индра пытается ихъ уничтожить, такъ какъ долженъ родиться ребенокъ, которому суждено уничтожить самого Индру. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Индра изображаетъ низшее проявленіе природы, носителя грома, бога, неба, это символъ проявленнаго вещественнаго міра. И такъ какъ ребенокъ, который родится, долженъ его уничтожить (слова Марутъ), Индра бросаетъ громовую стрѣлу, которая разсѣкаетъ зародышъ въ чревѣ на семь частей, причемъ каждая дѣлится еще на семь. Тутъ низшее помѣшало развитію высшаго и обратило въ низшія формы тѣ силы, изъ которыхъ должна была вырасти развитая и очищенная воля.

Собравъ постепенно всѣ эти символы, разбросанные въ Пуранахъ, вы увидите, что изъ понятія о Марутахъ можно извлечь весьма полезныя указанія, которыя послужатъ вамъ руководствомъ при переходѣ вашихъ низшихъ силъ въ высшія и превращеніи Камы, которая творитъ физически, въ желаніе, служащее въ Духѣ источникомъ всякаго прогресса и праведной жизни.

Я упоминаю объ этомъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы изучить этотъ вопросъ. Если вы хотите идти далеко въ этомъ изученіи, вы должны обратиться къ великому, посланному намъ учителю— Е. П. Блаватской. Но читайте ее какъ слѣдуетъ, изучая въ то же время и ту науку, которую ей было дано преподать намъ. Знакомясь съ ея толкованіями, вы получаете ключъ къ дальнѣйшему знанію и можете оказать міру неоцѣненную услугу. Вы можете приложить къ чтенію вашихъ священныхъ книгъ точное знаніе, какого не было у нея; можете читать ихъ въ оригиналѣ, по санскритски,—языкъ, которымъ Блаватская не владѣла въ совершенствѣ, и на этомъ языкѣ боговъ узнаете сокровенный смыслъ Писаній, освѣщая ихъ тѣмъ свѣтомъ, который она дала вамъ въ руки. Вы можете потомъ повѣдать это міру и продолжать то дѣло, которое ей было дано начать, но не кончить.

Тѣ, кто послали ее, надѣялись, что разъ будетъ данъ толчекъ, найдутся въ Индіи люди, которые устремятся къ свѣту и, взявъ свѣточъ изъ рукъ ея, понесутъ его передъ собой, извлекая изъ Священныхъ Писаній необходимое для міра духовное знаніе. Если найдется здѣсь хоть одинъ человѣкъ, котораго это вдохновитъ и подвинетъ на изученіе, я скажу, что жизнь ея здѣсь не пропала даромъ. Наградой ей послужитъ малѣйшій толчокъ, который пробудитъ духовную жизнь міра.

Я могу подобнымъ же образомъ разъяснить вамъ и другіе символы, указать вамъ еще на многое другое.

Разсмотримъ самый простой на взглядъ символъ—шнуръ Брахмана. Что онъ изображаетъ собой? Каково должно быть его значеніе? Это символъ троякой природы человѣка, низшей, средней и высшей. Онъ служитъ символомъ тѣхъ трехъ плановъ сознанія, о которыхъ я говорила вчера. Это символъ трехъ состояній Atm'ы, о которыхъ я тоже упоминала. Онъ служитъ кромѣ того символомъ тѣла, рѣчи и ума. Вникните въ это и подумайте, что означаетъ ношеніе этого шнура? Всякому извѣстно, кто его носитъ, и символъ этотъ представляется человѣку священнымъ или презрѣннымъ, смотря по тому, видитъ ли онъ въ немъ реальный смыслъ, или же ложь.

По отношенію къ тѣлу, рѣчи и уму, шнуръ означаетъ подчиненіе ихъ; если на шнурѣ завязаны узлы, это означаетъ, что человѣкъ овладѣлъ тѣломъ, рѣчью и умомъ своимъ. Вы представляете себѣ, что человѣкъ, носящій шнуръ, вполнѣ владѣетъ собой, ни тѣло, ни чувства не имѣютъ надъ ними власти; онъ никогда не оскорбитъ словами ничьего слуха, онъ говоритъ только тогда, когда ему есть что сказать, и оно достойно быть высказаннымъ. Никогда не произноситъ онъ недобраго слова, ибо Брахманъ—другъ всего живого, и рѣчь его должна не вредить, а помогать людямъ. Шнуръ означаетъ, что человѣкъ овладѣлъ не только тѣломъ и рѣчью, но и умомъ своимъ. Онъ связалъ умъ этой тройной веревкой съ узлами, чтобы онъ служилъ всему, что есть въ немъ наивысшаго и помогалъ бы тому народу, къ которому принадлежитъ Брахманъ. Онъ не имѣетъ права на личное существованіе, онъ живетъ не для себя, а для народа. Если онъ будетъ преслѣдовать цѣли личныя, онъ не настоящій Брахманъ, даже если онъ носитъ внѣшній знакъ своей касты,—тройной шнуръ, произноситъ священное имя, подчиняется всѣмъ правиламъ своей касты. Только если онъ живетъ не для себя, а для міра, онъ будетъ настоящимъ Брахманомъ, духовнымъ служителемъ міра.

Онъ вышелъ изъ устъ Брахмы, чтобы провозглашать среди людей Божественную истину. Вотъ въ чемъ состоитъ значеніе Брахмана, я вижу и когда шнуръ этотъ, я спрашиваю себя, имѣетъ ли человѣкъ право носить его, или же совершаетъ кощунство, нося его только для вида, въ силу обычая, сохранившагося съ древнихъ временъ.

Паденіе сверху внизъ—это худшее изъ паденій, это отравленіе міра, ибо такое паденіе отравляетъ въ человѣкѣ духовную жизнь. Слова эти могутъ показаться вамъ строгими, но они отъ того же Духа, на которомъ основаны древнія Писанія.

Въ Ману, въ Махабаратѣ, во многихъ Пуранахъ высказываются тѣ же мысли, и если онѣ кажутся въ наши дни горькой ироніей, то это только потому, что я въ новомъ мірѣ говорю древнія слова, и противорѣчіе между предписаніями и поступками черезчуръ уже разительно.

Но если истинны предписанія, я, отверженная среди васъ, признавая ихъ, не предъявляю къ вамъ никакихъ требованій. Я не имѣю на это никакого права въ моемъ теперешнемъ положеніи, я только свидѣтельствую передъ вами, что признаю касту, выражающую святость Брахмана. И если Индіи суждено возродиться, то возрожденіе это осуществится черезъ касту, которая является символомъ ея прошлаго и несетъ въ себѣ обѣтъ для будущаго, каково бы ни было настоящее.

Когда же мнѣ предлагаютъ приступить къ реформамъ, я отвѣчаю: „я готова служить и помогать вамъ, понуждая васъ къ этому, если вы этого желаете, но во главѣ реформъ пусть станетъ та духовная каста, которая имѣетъ на это право, чтобы обновленіе совершилось безъ разрушенія, безъ потрясенія тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется жизнь народа“.

Мои слова могутъ показаться вамъ несправедливыми по отношенію къ вамъ; вы лично не виноваты въ паденіи страны; но вы, отдѣльныя личности, составляете часть великой націи и участвовали вмѣстѣ съ ней въ ея паденіи.

Что же мнѣ сказать вамъ, братья Брахманы, вамъ, которыхъ я должна бы звать отцами? И если я не называю васъ такъ, это потому, что знаю многое, что неизвѣстно вамъ. Я, отверженная, должна была бы какъ ученица сидѣть у ногъ вашихъ, но я не могу сдѣлать этого, ибо вы не обладаете тѣмъ знаніемъ, какого въ правѣ требовать ученикъ отъ своего учителя, когда склоняется передъ нимъ.

Я взываю къ вамъ, члены духовной касты, чтобы вы признали ея паденіе и подняли бы ее. Если я обращаюсь къ вамъ со словами горькой укоризны, это потому, что въ рукахъ вашихъ будущее этихъ людей. И если вы пали вмѣстѣ съ народомъ, у васъ все же осталось довольно силы, чтобы начать путь восхожденія.

Если цѣли можно достигнуть только трудами многихъ поколѣній, то почему бы вамъ не начать этого сегодня же. Я отлично понимаю, что нельзя ничего сдѣлать въ одну минуту, и вашему шнуру суждено оставаться еще нѣсколько времени пустымъ знакомъ, лишеннымъ значенія, и чѣмъ благороднѣе вы сами, тѣмъ болѣе вы чувствуете эту иронію. Вы понимаете смыслъ символа и сознаете, какъ низко онъ палъ. Я не упрекаю васъ. Кто я, чтобы смѣть это дѣлать? Я только питаю надежду, что въ комъ-нибудь изъ васъ зародится желаніе вести болѣе высокую жизнь. Я буду метать громы и молніи, напоминая вамъ о горечи униженія, и быть можетъ люди сознаютъ возможность восхожденія на болѣе высокую ступень. Я бы хотѣла, чтобы каждый изъ васъ, сознавая и чувствуя свое паденіе, не сбросилъ бы съ себя священнаго шнура, но оправдалъ бы его ношеніе, стараясь очистить свою жизнь. Начать съ малаго—это уже сдѣлать первый шагъ по пути восхожденія. Могущественной кастѣ предстоитъ еще столько новыхъ жизней и воплощеній, что она еще можетъ дожить до возстановленія своихъ славныхъ традицій.

Пусть же каждый беретъ свою чашу Кармы и мужественно несетъ ее передъ собой, какъ это дѣлаютъ мужественные люди. Не будемъ жаловаться на тяжесть своей Кармы,—мы сами создали ее такой своимъ прошлымъ. Выпьемъ ее до дна, какъ бы горька она ни была! Пусть горечь ея очиститъ нашу душу, и мы почерпнемъ въ ней силу измѣнить себя. Съ этого и начнется духовное возрожденіе народа.

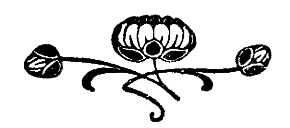
Когда же мы вернемся на землю при новомъ рожденіи,—а это совершится скоро, если мы желаемъ помочь своему народу,—мы увидимъ, что все здѣсь хоть немного улучшилось. И когда у тѣхъ кто носитъ тройной шнуръ, мысль не будетъ расходиться съ дѣломъ, тогда мы получимъ возможность работать единодушно и, пройдя цѣлый рядъ существованій, поднимемъ за собой народъ, павшій вмѣстѣ съ нами.

Послѣднія слова мои къ вамъ здѣсь будутъ звучать не упрекомъ,—я выскажу въ нихъ нашу общую скорбь и стремленіе поднять Индусскую націю. Мы отвѣтственны за нее. Начнемъ же дѣло

преобразованія, и пусть поколѣніе за поколѣніемъ работаетъ, пока Индія не поднимется постепенно и не станетъ тамъ, гдѣ она должна быть—у подножія Великихъ Боговъ.

Она и будетъ тамъ, если не сейчасъ, то со временемъ, свѣтъ отъ подножія Лотоса осіяетъ ее, весь міръ будетъ поклоняться ей и сознаетъ, что она поистинѣ Духъ въ тѣлѣ всего человѣчества!

Пер. **С. Татариновой.**

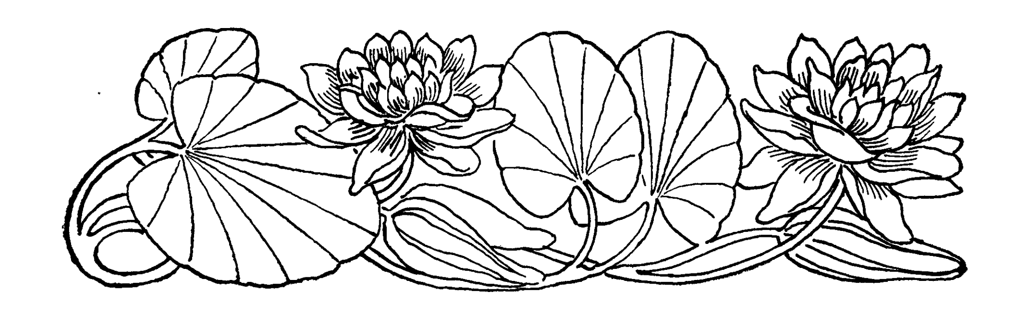


Премудрость свѣтла и неувядающа и легко созерцается любящими ее, и обрѣтается ищущими ея; она даже упреждаетъ желающихъ познать ее. Съ ранняго утра ищущій ея не утомится, ибо найдетъ ее сидящею у дверей своихъ. Помышлять о ней есть уже совершенство разума, и бодрствующій ради нея скоро освободится отъ заботъ; ибо она сама обходитъ и ищетъ достойныхъ ея, и благосклонно является имъ на путяхъ, и при всякой мысли встрѣчается съ ними. Начало ея есть искреннѣйшее желаніе ученія, а забота объ ученіи—любовь, любовь же храненіе законовъ ея, а наблюденіе законовъ—залогъ безсмертія.

Ибо премудрость подвижнѣе всякаго движенія и по чистотѣ своей сквозь все проходитъ и проникаетъ. Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя.

Изреченія изъ Книги Премудрости Соломона.





Орфическіе гимны.

X. Природѣ *(возжиганіе ароматовъ).*

О Природа, богиня всематерь, о многотворящая матерь,
О владыка, небесная, старшая, демонъ ты многосоздатель;
Всевладычица, непобѣдимая, властная, вся ты сіяешь,
Всевластитель ты, вѣчно въ движеніи, вѣчная, демонъ всевышній,
Древнесущая, перворожденная, бдящая, свѣтоноситель,
Знаменитая ты, безудержная, смертна и вмѣстѣ безсмертна,
Ты танцуешь стопами безшумными ногъ твоихъ, бѣлыхъ какъ
кости,
Ты святая, боговъ устроитель, себѣ и супругъ и родитель.
Величайшая, ты—всѣмъ намъ общая, ты лишь одна недѣлима,
Многомудрая, вся ты цвѣтущая, вся ты кудрявая, дѣва,
Съ многимъ смѣшана, славная, властная, многодовольная, демонъ,
Госпожа, жизнедатель, кормящая, свѣтлая, о Справедливость!
Знаменитый Харитъ убѣдитель, вседатель, о всѣхъ—попечитель,
Ты эѳирная, также земная, и также надъ моремъ царица,
Ты питаешь всѣхъ, низшимъ горька ты, зато покорившимся—
сладость,
Плодоносная, роста помощница, ты искупитель всѣмъ зрѣлымъ,
Всѣмъ родитель, всѣмъ мать, воспитатель и каждому также
кормилецъ.
О блаженная, многосѣмянная, вѣчный помощникъ рожденью,
Вся—порывъ, красоты созидатель, ты скульпторъ и многосо-
здатель,
Все умѣешь, родитель движенія, вѣчная, демонъ могучій,
Многоопытна ты, многомудрая, распространенная всюду,

Въ вѣчномъ вихрѣ вращаешь ты быстрою, сильной своей тетивою;
Закругленная, возобновляешься ты измѣненіемъ формы;
Благотронная, многопочетная, должное все завершаешь,
Скиптроносная, глухогремящая сверху, о ты, всевластитель,
Не дрожащая, рокомъ отмѣчена, властная, Божья ты воля;
Жизнь ты вѣчная, огнедышащая, вѣчное ты провидѣнье;
Ты—есть все, ты творишь всю вселенную, все создаешь ты собою.
Но богиня, тебя умоляемъ мы, дай намъ счастливые годы;
Дай намъ миръ, дай намъ ростъ и развитіе, также пошли намъ
здоровье.

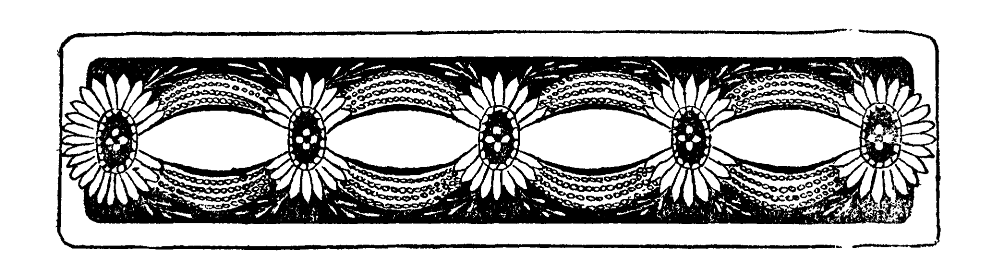
XI. Пану (*разныя возжиганія*).

(Всему)

Пастыря Пана зову. Въ космосѣ—Все ты всесильный,
Неба владыка, морей, также земли всевладыка,
Также безсмертный огонь: пѣснь есть такая о Панѣ.
Шествуй, блаженный, танцуй, быстрый, временъ соправитель;
О козлоногій, Бакхей, о вдохновенный, пещерный;
Пѣснью веселой поешь ты средь гармоніи міра
Смертнымъ ты страхъ создаешь, воображенья помощникъ;
Въ пастбищахъ и у ручьевъ ты пастухамъ покровитель,
Эхо другъ, нимфамъ танцоръ, о дальновидный охотникъ,
Все ты рождаешь, отецъ, многопочетный ты демонъ,
О космократоръ, ростунъ, Фосфоръ, Пэанъ плодоносный;
Мститель, любитель пещеръ, *истинный Зевсъ*, о рогатый.
Только тобою цвѣтетъ почва земли безконечной,
Неутомимыхъ морей дышатъ глубокія воды,
И океанъ окружилъ волнами землю въ объятьи;
Пищи воздушной ты часть, жизни блестящая искра,
Также ты съ высшихъ вершинъ легкаго пламени око.
Шествуетъ такъ чрезъ тебя Божія многосторонность;
Все измѣняешь вокругъ, движешь своимъ провидѣньемъ
Родъ и людей и звѣрей, также и космосъ безсмертный.
Но къ возліяньямъ, благой, шествуй, танцоръ вдохновенный,
Къ таинствамъ жизни святымъ шествуй, ихъ сопровождая,
И ниспошли ты къ землѣ жало желанія Пана.

Перев. съ греч. **Н. Павлинова.**





Пути сновидѣній.

I.

Мы обыкновенно съ полу-улыбкой говоримъ о своихъ сновидѣніяхъ. Объясненія предоставляемъ ученымъ спеціалистамъ, а толкованія—старымъ нянюшкамъ. Намъ же остается только равнодушно проходить мимо того богатаго матеріала, который даютъ сны. А между тѣмъ, помимо такъ понятной всѣмъ цѣнности сна, какъ отдыха, помимо удовольствія погрузиться въ забвеніе, успокоить на время какую-нибудь боль, потому что

„Сонъ облегчаетъ страданье и горечь небрежности,
Сонъ утѣшаетъ въ минуты душевныхъ ударовъ",

какъ говоритъ сновидящій и мечтательный Роденбахъ, помимо всего этого—сновидѣнія бываютъ необыкновенно увлекательны, ихъ интересно наблюдать, и пути отъ этихъ наблюденій идутъ въ самыя разнообразныя стороны.

Кто недостаточно пристально и внимательно наблюдалъ свои сны, тотъ можетъ сказать, что во снѣ онъ видитъ безсвязный вздоръ, не имѣющій никакого смысла и представляющій собой причудливое сочетаніе обрывковъ ранѣе полученныхъ впечатлѣній.

Очень часто, конечно, такъ и бываетъ, и сны оказываются болѣе или менѣе совершеннымъ воспроизведеніемъ ряда несвязанныхъ между собою картинъ и невозможныхъ превращеній, вызванныхъ безсмысленной автоматической дѣятельностью мозга. Позитивная наука, имѣя дѣло съ однимъ физическимъ проводникомъ, обыкновенно разсматриваетъ сновидѣніе, какъ автоматическую дѣятельность мозга при отсутствіи воспріятія, причемъ выдвигаетъ и физіологическіе, и психологическіе факторы для выясненія этой дѣятельности и даетъ множество интересныхъ и цѣнныхъ наблюденій. Оккультная наука, поскольку дѣло касается

одного физическаго проводника, можетъ пользоваться для своихъ изслѣдованій всѣми добытыми наукой данными. Но, какъ извѣстно, въ оккультизмѣ существуетъ ученіе о нѣсколькихъ проводникахъ. Вотъ почему *объясненія происхожденія сновидѣній* въ оккультизмѣ не могутъ лежать всѣ въ одной и той же плоскости. Оккультизмъ, кромѣ физическаго механизма, приносящагося въ сновидѣнія впечатлѣнія трехмѣрнаго міра, разсматриваетъ еще и эфирный, и астральный механизмы, съ помощью которыхъ нашему высшему сознанію во время сна также передаются впечатлѣнія соотвѣтствующихъ плановъ. Принявъ эту теорію нѣсколькихъ проводниковъ, хотя бы какъ гипотезу, для объясненія происхожденія сновидѣній, мы можемъ отбросить многія натянутыя объясненія, какъ ненужныя, и найти то направленіе, въ которомъ могутъ лежать объясненія того, что всегда казалось необъяснимымъ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что автоматическая работа мозга, какъ бы пережевывающаго впечатлѣнія трехмѣрнаго міра, прежде всего приковываетъ къ себѣ вниманіе. Мнѣ, напримѣръ, наблюдая свои сны, пришлось постоянно сталкиваться съ причудливой игрой ассоціацій, создающей свои комбинаціи самымъ неожиданнымъ образомъ, выдвигая всевозможные психическіе элементы, въ которыхъ играетъ роль и недавность, и привычность, и живость, и интересность, и неожиданность, и сходство въ эмоціональномъ тонѣ. На моихъ снахъ очень часто можно было прослѣдитъ, какъ какое-нибудь мелкое, не имѣющее значенія впечатлѣніе, данное днемъ мозгу, неожиданно ночью выступаетъ на первый планъ и начинаетъ создавать вокругъ себя, съ помощью ассоціацій образовъ, цѣлыя картины, давая настоящіе образцы механическаго мышленія. Поистинѣ непонятенъ выборъ мозгомъ того или иного впечатлѣнія, чтобы изъ него ткать свою исторію, и поистинѣ несомнѣнно, что все отпечатлѣвается въ мозгу и остается въ немъ,—знаемъ ли мы про то, или нѣтъ. Несомнѣнно и то, что если принять теорію нѣсколькихъ проводниковъ, то нужно будетъ признать, что и всѣ впечатлѣнія, приносимыя другими проводниками, точно такъ же должны отпечатлѣваться въ сознаніи человѣка, если онъ способенъ на нихъ отзываться, то-есть если у него въ достаточной мѣрѣ развиты эфирные и астральные центры. Вотъ почему оккультистъ не можетъ ограничиться одними физіологическими и психологическими объясненіями, пытаясь обнаружить происхожденіе сновидѣній. Мы знаемъ, что подобныя объясненія исчерпываютъ далеко не все. Наряду со снами, въ которыхъ отрази-

лись впечатлѣнія трехмѣрнаго міра, мы видимъ совсѣмъ иные сны. Въ нихъ ассоціаціи замѣняются символическими связными картинами, какъ бы подчиненными творческому замыслу, представляющими собою законченное цѣлое; красивая смѣна образовъ растолковываетъ намъ нашу же собственную жизнь, иногда резюмируетъ прошлое, иногда предсказываетъ психологическій тонъ наступающихъ событій; иногда изображаетъ эти грядущія событія буквально въ тѣхъ самыхъ образахъ, какіе имъ суждено принять на себя въ реальной жизни; иногда даетъ отвѣты на заданные на ночь вопросы, иногда приноситъ неожиданныя идеи, связанныя съ какими-нибудь открытіями въ той или иной области, иногда даетъ возможность общенія съ другими и т. д. Всякій, кто видѣлъ сны подобнаго рода, знаетъ, что между этими снами и тѣми автоматически-ассоціаціонными снами, о которыхъ уже упоминалось, существуетъ *разница*. Каждый сновидецъ чувствуетъ эту разницу, говоритъ о бо̀льшей интенсивности, живости сновъ символически - вѣщаго типа, но въ общемъ не можетъ объяснить, какимъ образомъ онъ отличаетъ „особенные" сны отъ „обыкновенныхъ".

Мы можемъ сдѣлать предположеніе, что механическіе сны, отражающіе впечатлѣнія физическаго міра, зависятъ отъ дѣятельности одного физическаго проводника. Другіе же сны, болѣе живые, символическіе, творческіе, вѣщіе—вызываются также привходящимъ дѣйствіемъ другихъ проводниковъ. Причемъ иногда получается причудливое сочетаніе оставившихъ слѣдъ въ человѣческомъ сознаніи впечатлѣній всѣхъ свойственныхъ человѣческой жизни измѣреній.

Мнѣ хотѣлось только указать на пунктъ расхожденія оккультныхъ и позитивно-научныхъ объясненій происхожденія сновидѣній и перейти къ вопросу о *техникѣ воспріятія событій во снѣ,* которая не зависитъ отъ принятія той или другой точки зрѣнія на сновидѣнія, но свойственна вообще всякому сну.

Если не разсматривать качества и происхожденія сновидѣнія, если не разбирать вопроса о томъ, какой сонъ мы только что видѣли—символическій или случайный, вѣщій или отраженіе услышанныхъ словъ и выпитой чашки чернаго кофе—все же останется матеріалъ, интересный для насъ въ видѣнномъ нами снѣ. На основаніи наблюденій надъ собственными своими снами (если ихъ систематически записывать), а также на основаніи опроса людей, видящихъ сны,—можно указать нѣсколько признаковъ, характеризующихъ способъ воспріятія событій во снѣ.

Каждый можетъ поискать этихъ признаковъ въ своихъ сновидѣніяхъ. Возможно, что не у всѣхъ они есть, но несомнѣнно то, что они есть у достаточно большого количества людей. Я говорю о способѣ воспріятія событій во снѣ и о томъ, каковы отличія воспріятія событій во снѣ отъ воспріятія событій въ реальной жизни.

Хотя въ снахъ мы большею частью воспринимаемъ образы отъ лица своего „я", но бываетъ, что мы *воспринимаемъ образы безъ перваго лица*. Въ этихъ случаяхъ событіе совершается помимо основного дѣйствующаго лица, то-есть въ образахъ, видимыхъ нами во снѣ, мы можемъ не видѣть себя и все же знать о значеніи этихъ образовъ, какъ - будто нѣкто посвящаетъ насъ въ ходъ событій несмотря на наше кажущееся отсутствіе, или какъ-будто мы незримо для другихъ дѣйствующихъ лицъ сна присутствуемъ при совершающихся событіяхъ.

Напримѣръ, я вижу во снѣ двоихъ людей, посѣщающихъ знакомый домъ и, вернувшись, разсказывающихъ мнѣ объ этомъ посѣщеніи. Но самый визитъ ихъ, всѣ ихъ разговоры съ людьми, къ которымъ они пріѣхали, обстановку, которую они тамъ застали, невыраженное настроеніе встрѣтившихъ ихъ хозяевъ, слегка удивившихся ихъ неожиданному пріѣзду, запахъ отъ волосъ таинственной дѣвочки, сидѣвшей за столомъ вмѣстѣ съ хозяевами и пріѣхавшими къ нимъ гостями,—все это я вижу и ощущаю такъ ясно и въ такихъ образахъ, какъ будто лично присутствую при этомъ, хотя во снѣ извѣстно, что меня тамъ нѣтъ. Такихъ сновъ можно привести сколько угодно. Иногда бываютъ случаи чтенія книги во снѣ. Каждое прочитанное во снѣ слово принимаетъ образъ и поэтому скоро чтеніе превращается въ оживленное дѣйствіе съ неизвѣстными вамъ участниками, совершающееся передъ вашимъ воспріятіемъ.

Во снѣ мы иногда можемъ видѣть предметъ и спереди, и сзади, и вмѣстѣ съ тѣмъ изнутри; мы можемъ знать, что думаетъ и чувствуетъ видимый нами во снѣ человѣкъ, хотя бы онъ ничего не говорилъ намъ объ этомъ. Эта *способность видѣть предметы со всѣхъ сторонъ во снѣ* напоминаетъ приводимый Ледбитеромъ примѣръ описанія астральнаго зрѣнія: „.... Если вы посмотрите на *заднюю* крышку отъ часовъ астрально, вы увидите циферблатъ правильно и всѣ колесики отдѣльно, и ничто не будетъ лежать одно на другомъ". Во снѣ передъ нами нѣчто въ этомъ родѣ. Мы, напримѣръ, видимъ себя, какъ дѣйствующее лицо въ картинѣ, видимъ свое лицо, свою одежду, всѣ свои движенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ со стороны всю картину вмѣ-

стѣ съ собой. Я, напримѣръ, вижу, что иду по корридору и знакомая дама идетъ мнѣ *навстрѣчу*, совершенно такъ, какъ бы это могло быть въ реальной жизни. Но при этомъ я вижу и себя *enface*, то-есть такъ, какъ бы я видѣла себя, если бы шла сама себѣ навстрѣчу, и одновременно съ этимъ я вижу окна комнатъ, выходящихъ *сбоку* въ корридоръ, по которому я иду, и мебель, стоящую въ этихъ боковыхъ комнатахъ. Во снѣ все это кажется совершенно яснымъ и въ порядкѣ вещей и, проснувшись, нужно спеціально сосредоточить мысль на этомъ, чтобы увидѣть, что здѣсь передъ нами способъ воспріятія не совсѣмъ такой, къ какому мы привыкли въ бодрствующей жизни. Любой изъ нашихъ знакомыхъ разскажетъ намъ образчики своихъ сновъ съ подобной техникой воспріятія.

Эта способность высшаго зрѣнія представляетъ собой одну изъ характернѣйшихъ особенностей сновидѣній, вмѣстѣ со способностью знать, что думаетъ и чувствуетъ другой человѣкъ во снѣ.

Затѣмъ мы можемъ отмѣтить, что *воспріятіе времени и пространства во снѣ* совершенно иное, чѣмъ въ дѣйствительной жизни. Во снѣ смѣшиваются моменты времени, и сонъ отличается необычайной скоростью по сравненію съ дѣйствительной жизнью, такъ какъ во снѣ происходитъ фиктивное отожествленіе скорой смѣны идей со скорой смѣной событій [1]). Но такъ какъ во снѣ идеи играютъ роль событій, то чувство интенсивности переживанія остается въ насъ, какъ нѣкое данное намъ впечатлѣніе. Эту интенсивность увеличиваютъ пространственныя воспріятія во снѣ, такъ какъ всякое направленіе мысли по мѣсту вызываетъ абсолютное перенесеніе въ мыслимую мѣстность.

Невѣдомое во снѣ, то, чего мы не знаемъ и не предвидимъ, если даже и можемъ читать мысли и чувства другихъ, это—*превращенія*. Въ снахъ нашихъ мы сами и все окружающее можетъ превращаться. Мы можемъ превращаться мгновенно и во что угодно: въ животное, въ предметъ или въ другого человѣка, или одновременно находиться въ образѣ нѣсколькихъ людей. Мы можемъ держать въ рукахъ ребенка, который тутъ же превратится въ птичку, или букетъ цвѣтовъ, который превращается въ раскрытый зонтикъ. Сны изобилуютъ примѣрами превращеній. Очень интересную характеристику сновидѣнія вообще, съ превращеніями въ частности, даетъ Достоевскій [2]). Вотъ эта характеристика:

---

[1]) Вундтъ доказываетъ, что быстрѣйшая мысль длится 1/8 секунды, значитъ въ одну минуту могутъ смѣнить другъ друга 480 представленій.

[2]) „Идіотъ". Часть третья, глава X, стр. 488.

„Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные; пробудясь, вы припоминаете ихъ ясно и удивляетесь странному факту. Вы помните прежде всего, что разумъ не оставлялъ васъ во все продолженіе вашего сновидѣнія, вспоминаете даже, что вы дѣйствовали чрезвычайно хитро и логично во все это долгое-долгое время, когда васъ окружали убійцы, когда они съ вами хитрили, скрывали свое намѣреніе, обращались съ вами дружески, тогда какъ у нихъ уже было на-готовѣ оружіе, и они лишь ждали какого-то знака; вы вспоминаете, какъ хитро вы ихъ, наконецъ, обманули, спрятались отъ нихъ; потомъ вы догадались, что они наизусть знаютъ весь вашъ обманъ и не показываютъ вамъ только вида, что знаютъ, гдѣ вы спрятались; но вы схитрили и обманули ихъ опять, все это вы припоминаете ясно. Но почему же въ то самое время разумъ вашъ могъ помириться съ такими очевидными нелѣпостями и невозможностями, которыми, между прочимъ, былъ сплошь наполненъ вашъ сонъ? Одинъ изъ вашихъ убійцъ въ вашихъ глазахъ обратился въ женщину, а изъ женщины въ маленькаго, хитраго, гадкаго карлика,— и вы все это допустили тотчасъ же, какъ совершившійся фактъ, почти безъ малѣйшаго недоумѣнія, и именно въ то самое время, когда, съ другой стороны, вашъ разумъ былъ въ сильнѣйшемъ напряженіи, выказывалъ чрезвычайную силу, хитрость, догадку, логику? Почему тоже, пробудясь отъ сна и совершенно уже войдя въ дѣйствительность, вы чувствуете почти каждый разъ, а иногда съ необыкновенной силой, впечатлѣніе, что вы оставляете вмѣстѣ со сномъ что-то для васъ неразгаданное. Вы усмѣхаетесь нелѣпости вашего сна и чувствуете въ то же время, что въ сплетеніи этихъ нелѣпостей заключается какая-то мысль, но мысль уже дѣйствительная, нѣчто принадлежащее къ вашей настоящей жизни, нѣчто существующее и всегда существовавшее въ вашемъ сердцѣ; вамъ какъ будто было сказано вашимъ сномъ что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатлѣніе ваше сильно, оно радостное или мучительное, но въ чемъ оно заключается и что было сказано вамъ,—вы не можете ни понять, ни припомнить.

Точно то же было и послѣ этихъ писемъ [1])".

Итакъ, мы отмѣчаемъ пока: возможность безличнаго воспріятія, высшаго зрѣнія, новаго ощущенія пространства и времени и невѣроятныхъ превращеній во снѣ.

---

[1]) Письма Настасьи Филипповны къ Аглаѣ.

Вглядываясь въ эти признаки, мы замѣчаемъ, что они подводятъ насъ къ тому, что называется сверхнормальными состояніями сознанія. Человѣкъ можетъ испытывать безличное воспріятіе, находясь въ состояніи повышенной духовной дѣятельности. Объ этомъ говорятъ свидѣтельства мистиковъ, испытывавшихъ такое расширеніе сознанія, при которомъ они познавали какъ бы помимо себя, помимо своей личности. Ясновидящій видитъ то, что происходитъ гдѣ-нибудь на разстояніи, но самъ можетъ не принимать въ этомъ участія. Относительно высшаго зрѣнія и способности читать чужія мысли и ощущенія мы можемъ сказать то же. Не въ состояніи сна, а въ реальной жизни, относительно реально существующихъ событій мы имѣемъ свидѣтельства ясновидящихъ, умѣющихъ читать чужія мысли и чувства, воспринимающихъ то, что обычно не воспринимается, но все же фактически происходитъ въ томъ же мірѣ, въ которомъ мы живемъ. Что касается вопроса о воспріятіи пространства и времени, то идеалистическая философія доказываетъ намъ, что „при расширеніи сознанія отодвигается идея времени, мы видимъ ея полную условность и замѣчаемъ, что временемъ обозначаются характеристики высшаго пространства сравнительно съ даннымъ, и что по мѣрѣ расширенія и повышенія сознанія и формъ воспріятія увеличиваются признаки пространства и уменьшаются признаки времени“. Что касается превращеній, то мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ ними и въ жизни. Только въ жизни превращенія происходятъ по извѣстнымъ намъ физическимъ и физіологическимъ законамъ (если нѣкоторые изъ законовъ этихъ намъ неизвѣстны, но превращеніе на лицо, тогда намъ кажется, что передъ нами явленіе „чудесное“). Во снѣ же превращенія происходятъ по какимъ то инымъ, непонятнымъ намъ линіямъ и потому имѣютъ видъ фантастическій, невѣроятный и чудесный.

Пропасти между воспріятіемъ во снѣ и воспріятіемъ въ жизни нѣтъ, хотя на первый взглядъ и кажется, что разница громадна. Различіе здѣсь въ степени, а не по существу, и интенсивность нашихъ воспріятій въ жизни приближаетъ ихъ къ типу воспріятій въ сновидѣніяхъ. То, что въ жизни дается съ великимъ трудомъ или какъ исключительный даръ, то въ видѣ искаженныхъ *отраженій* мы часто видимъ въ сновидѣніяхъ. Въ снахъ намъ часто бываетъ дана техника подхода къ сверхнормальнымъ состояніямъ сознанія, изрѣдка данъ смыслъ переживаній этихъ состояній и еще рѣже—самыя эти переживанія. Сны выводятъ насъ изъ границъ трехмѣрнаго міра, они дѣлаютъ наши окосте-

нѣвшія понятія гибче и какъ бы служатъ подготовительнымъ періодомъ для перехода въ новыя области. Поэтому, повышая интенсивность, усиливая остроту, пластичность и текучесть *образовъ*, явно одушевляя ихъ до крайнихъ предѣловъ, они сгущаютъ то, что кроется за образами, тренируютъ нашу душу къ воспріятію непосредственному, гдѣ смѣна образовъ уже не нужна, быть можетъ... Сны быстрѣе, чѣмъ жизнь, учатъ тому, что образъ подхватывается для выраженія той или иной идеи, того или иного чувства, иногда неточно, искаженно, какъ въ творчествѣ, такъ и въ жизни. Жизнь медленно, тяжело и страшно учитъ насъ этой смѣнѣ образовъ, которая кажется измѣной, исчезновеніемъ или искаженіемъ. Сны фантастической и невнятной скороговоркой нашептываютъ намъ о томъ же. И жизнь, и сновидѣнія повышаютъ нашу чуткость къ образу, обостряютъ любовь къ нему, подчеркивая его живость, текучесть и перемѣнность. Они научаютъ насъ искать то общее, что скрыто за двумя образами, изъ которыхъ одинъ перешелъ въ другой, а затѣмъ и за многими образами, чередующимися по одной линіи. Они говорятъ намъ о томъ, что если мы истинно любимъ образъ, то любимъ и всѣ превращенія, которому онъ подверженъ, а, слѣдовательно, любимъ то неизмѣнное и устойчивое, что кроется за нимъ, что возможно даже безъ него, какъ это ни невѣроятно и ни странно.

Намъ нужна жизнь образовъ, и мы жаждемъ проникновеннаго пониманія ихъ смѣны. Жизнь и сонъ говорятъ объ этой смѣнѣ. Творчество, отражающее жизнь, можетъ отражать и сонъ; это—одинъ изъ путей сновидѣній въ искусство.

Повышенная интенсивность впечатлѣній сновидѣнія заставляетъ искать такихъ способовъ передачи этихъ впечатлѣній, при которыхъ слово не играло бы единственной и всеохватывающей роли. Вѣдь, когда мы говоримъ между собой, находясь въ живомъ общеніи, мы убѣждаемъ другъ друга не только словами, но и невысказанными и невыразимыми эманаціями нашихъ чувствъ и мыслей, которыя мы непосредственно другъ отъ друга воспринимаемъ, и которыми мы дѣйствуемъ другъ на друга гораздо сильнѣе, чѣмъ словами.

Когда же приходится общаться посредствомъ писанныхъ словъ, роль слова по необходимости становится единственной. Возникаютъ различныя точки зрѣнія на слово и на его возможности. Отсюда исканіе въ словѣ просвѣтовъ въ вѣчность (символизмъ), или отношеніе къ слову, какъ къ незыблемой твердынѣ (акмеизмъ), или взглядъ на него, какъ на нѣчто такое, что ка-

ждый можетъ создавать для себя (футуризмъ), или какъ на магическій звуковой пріемъ (Бальмонтъ: поэзія какъ волшебство). Всѣ эти теченія, за исключеніемъ футуристическаго, стремятся къ усиленію выразительности, передаваемаго впечатлѣнія.

Но наибольшая выразительность можетъ быть достигнута сочетаніемъ искусствъ, сочетаніемъ не случайнымъ и механическимъ, а повинующимся какимъ-нибудь законамъ. Все больше и больше голосовъ раздается въ пользу слиянія искусствъ. Новыя формы искусства несомнѣнно будутъ стремиться къ этому слиянію. Одна изъ такихъ формъ невольно возникаетъ въ связи съ переживаніями сновидѣній. Повидимому она наиболѣе пригодна пока для сценическихъ постановокъ. Идея ея состоитъ въ томъ, чтобы сообразовать законы сценическаго воспріятія не съ законами, дѣйствующими у насъ на физическомъ планѣ, а съ тѣми проявленіями неизвѣстныхъ намъ законовъ, которыя всѣмъ намъ болѣе или менѣе знакомы по сновидѣніямъ. Пьеса будетъ какъ сонъ. Она будетъ вестись отъ одного лица или съ точки зрѣнія одного лица. Каждый зритель будетъ воспринимать пьесу не черезъ автора, вмѣстѣ съ которымъ мы обычно должны обсуждать характеры и поступки дѣйствующихъ лицъ,—такъ какъ, вѣдь, обыкновенно въ пьесѣ ведетъ насъ авторъ, показывающій намъ со стороны то, что онъ желаетъ намъ показать въ своихъ герояхъ, благодаря чему мы и глядимъ на нихъ со стороны, какъ зрители и судьи—нѣтъ, здѣсь мы будемъ воспринимать пьесу вмѣстѣ съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и такимъ образомъ каждый зритель можетъ оказаться дѣйствующимъ лицомъ въ той мѣрѣ, въ какой, напримѣръ, *чужое* лирическое стихотвореніе можетъ служить выраженіемъ *нашихъ* собственныхъ переживаній. Всѣ событія пьесы- сна (мнѣ представляется пока именно сонъ, который привидѣлся человѣку) нужно подвести къ тому, чтобы мы могли ихъ воспринимать такъ, какъ будто мы бы сами видѣли этотъ сонъ. Поэтому на сценѣ должно быть лицо, которому видится сонъ. Оно будетъ все время на сценѣ, всѣ событія, совершающіяся здѣсь, будутъ идти черезъ него. Если же это лицо и сойдетъ временно со сцены, все же событія, хотя бы и совершающіяся безъ него, будутъ какъ бы извѣстны ему (способность безличнаго воспріятія во снѣ). Образы во снѣ будутъ говорить сами за себя своей смѣной. Здѣсь большой просторъ всему фантастическому (превращенія, пониманіе и знаніе безъ словъ, отсутствіе необходимости считаться съ пространствомъ и временемъ). Словъ со сцены не будетъ раздаваться, хотя нѣкоторые

отдѣльные, какъ бы откуда то извнѣ идущіе звуки могутъ иногда слышаться со сцены, какъ мы иногда слышимъ ихъ во снѣ. И, какъ во снѣ, мы (то есть наше высшее сознаніе) констатируемъ то, что видимъ о себѣ и о другихъ, и потомъ можемъ это пересказать, такъ и здѣсь должно быть констатировано видимое (все, или то, чего нельзя выразить смѣной образовъ). Нуженъ особый артистъ, который будетъ завѣдывать словомъ въ пьесѣ. Онъ будетъ скрытъ (ибо во снѣ это нѣчто, не имѣющее образа, не лицо, а сознаніе), голосъ его долженъ быть выдержанъ въ опредѣленныхъ тонахъ. Реальность его словамъ будетъ придавать совершающаяся одновременно на сценѣ смѣна образовъ, а проникновенность должна достигаться съ помощью формы, въ которую облечены эти слова (по преимуществу поэтической), а, главное, съ помощью музыки, одухотворяющей ихъ, при чемъ артистъ одинаково долженъ считаться съ художественными требованіями и чтенія, и музыки (не мелодекламація, а музыкальное чтеніе).

Конечно, никакихъ сценическихъ средствъ недостаточно для постановки хотя бы одного сна въ томъ видѣ, какъ онъ намъ приснился. Сонъ мы должны создать, внести въ него творческую мысль, сдѣлать его символически-осмысленнымъ. Можемъ также воспользоваться сномъ, приснившимся намъ или кому-нибудь другому, упростивъ его. Мы должны сдѣлать такъ, чтобы каждому зрителю приснился одинъ и тотъ же связный или безсвязный, вѣщій или обыденный, фантастическій или реалистическій сонъ. Записывать такіе сны нужно тремя записями параллельно. Одна запись для обозначенія того, что говоритъ или поетъ артистъ, вѣдающій словами. Другая—для обозначенія совершающихся на сценѣ образовъ (изъ этой второй записи черпаютъ намеки не только актеры, находящіеся на сценѣ, но также и художники, пишущіе декораціи). Третья—музыкальная запись, тѣсно связанная съ первой.

Значеніе должно лежать въ смѣнѣ образовъ, въ ихъ выборѣ, въ ихъ изображеніи и въ выразительности ихъ истолкованія съ помощью чтенія, въ которомъ поэзія сочетается съ музыкой въ одно цѣлое.

Прилагаемыя попытки, лишенныя музыки, красокъ, огней и движенія, ни мало не претендуютъ на то, чтобы дать искомое впечатлѣніе. Это просто записи, смутные, отдаленные намеки на тему для *астрализма* или сочетанія искусствъ, стремящихся изобразить сверхнормальныя переживанія.

II. Сны Ясодхары [1]).

Первый Сонъ.

1-я запись.

Улица древняго индійскаго города. Видны городскія ворота. Ясодхара идетъ по улицѣ. Внезапно появляется большой бѣлый быкъ съ широко-разставленными вѣтвистыми рогами. У него на лбу сверкаетъ яркій драгоцѣнный камень. Быкъ идетъ навстрѣчу къ Ясодхарѣ, по направленію къ воротамъ. Люди, появляющіеся тутъ и тамъ на улицѣ, пытаются остановить быка, но не могутъ и отступаютъ безсильно. Изъ храма Индры раздается голосъ: „Если вы его не остановите, слава этого города погибнетъ"! (Эти слова должны быть произнесены необычайно, такъ, чтобы впечатлѣніе отъ нихъ получалось пронизывающее. Какъ эти слова, такъ и всю сцену должна сопровождать музыка). Ясодхара съ громкимъ рыданьемъ бросается къ быку, обвиваетъ руками его шею, борется съ нимъ и кричитъ людямъ: „Заприте ворота, заприте ворота"! Люди кидаются къ воротамъ, но быкъ издаетъ мычанье, легкимъ движеньемъ высвобождаетъ изъ рукъ Ясодхары свою голову, бросается къ воротамъ, сбиваетъ съ ногъ сторожей и исчезаетъ. (Вся сцена должна быть проникнута страннымъ колоритомъ фантастической красоты. Движенія людей должны быть нереальны, какъ движенія во снѣ, когда человѣкъ хочетъ бѣжать, но точно какая-то сила его останавливаетъ).

2-я запись.

Казалось, счастье цвѣтетъ блистая,
Печали нѣтъ.
Она заснула, благословляя
Подлунный свѣтъ.
И новой жизни родникъ глубокій
Ужъ бился въ ней.
О, міръ пѣвучій, о, міръ широкій,
Игра огней.

---

[1]) По „Свѣту Азіи" *Эдвина Арнольда.*

Ясодхара —жена царевича Сиддартхи, Гаутамы Будды. Любовь связывала Ясодхару и Сиддартху въ продолженіе многихъ воплощеній. Сны эти Ясодхара видѣла въ ту самую ночь, въ которую Будда долженъ былъ покинуть своихъ близкихъ и свой родной городъ, чтобы отправиться въ поиски за ключемъ къ спасенію человѣчества.

Но тѣнь Событій уже скользила,
И въ снѣ глухомъ
Ея коснулась, ее укрыла,
Своимъ концомъ.
Какъ будто кто-то неотвратимый
Ужъ подалъ знакъ,
И не измѣнишь Судьбы незримой
Ничѣмъ, никакъ.
Нависъ, спустился, какъ пологъ низкій,
Тяжелый гнетъ,
И мнится: кто-то безмѣрно близкій
Къ другимъ уйдетъ.
Есть силъ великихъ, неудержимыхъ
Напоръ слѣпой,
Событій вѣщихъ, невыразимыхъ
Полетъ живой....
Крыло полета коснулось спящихъ
Ея очей.
Гдѣ радость быстрыхъ, струей звенящихъ
Веселыхъ дней?
Но противъ чьей-то великой воли
Напрасенъ стонъ.
Принесъ терзанья жестокой боли
Нездѣшній сонъ.

Второй Сонъ.

1-я запись.

Живописный индійскій городъ, изображенный въ видѣ красивой панорамы. На городскихъ воротахъ развивается знамя Индры. Съ неба спускаются четыре Существа, чудесныя, прекрасныя, съ ярко-горящими глазами; они похожи на властителей земли. Ихъ окружаетъ толпа легкихъ духовъ. Четыре Существа размѣщаются надъ городомъ. Ясодхара находится все время на переднемъ планѣ. Когда Существа спускаются и останавливаются надъ городомъ, знамя Индры падаетъ, и тогда поднимается другое, чудесное, фантастическое знамя. Всѣ складки его, переливаясь, сверкаютъ огнемъ рубиновъ и серебряными нитями. На знамени начертаны „новыя слова“ и „великія изреченія“, приносящія людямъ радость. (Эти слова и эту радость нельзя, конечно, изобразить съ помощью знамени, но ихъ можно отчасти представить въ движеніяхъ появляющихся людей; главнымъ же образомъ, всю эту сцену должна сопровождать музыка, выражающая настроеніе откровенія и всеобщей радости). Проносится вѣтеръ, раскрывающій и колеблющій складки знамени, и чудесные цвѣты, небывалой окраски, массами падаютъ на землю. На фонѣ музыки звучитъ чей-то голосъ: „Время близко! Время близко!“

2-я запись.

Съ умирающимъ сердцемъ смотрѣла и знала она:
Знамя свѣта горитъ не напрасно.
Чья-то радость зажглась, для кого-то настала весна,
И все то, что свершилось,—прекрасно.
Знаки новой надежды, цѣной ея горестныхъ мукъ,
Вознеслись и надъ міромъ взвивались.
Сколько чьихъ-то воздѣтыхъ, трепещущихъ радостью рукъ.
Чьи-то тайныя грезы сбывались.
И всеобщую тихую, свѣтлую, ясную вѣсть
Ея сердце во снѣ ощущало,
И не знало—за что, если радость завѣтная есть,
Ея сердце во снѣ умирало?..

Третій Сонъ.

1-я запись.

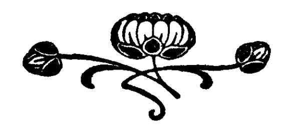
Спальня Ясодхары во дворцѣ Витрамванъ. Пурпурный и голубой занавѣсъ, вышитый золотомъ. Фантастическая роскошь убранства. Ясодхара въ испугѣ вбѣгаетъ въ комнату. Она ищетъ Сиддартху, но вмѣсто него находитъ его несмятую подушку и одежду на постели. Она схватываетъ поясъ Сиддартхи, опоясывается имъ, но поясъ превращается въ змѣю и жалитъ ее. Запястья на ея ногахъ—падаютъ. Кольца раскрываются и спадаютъ. Жасмины выпадаютъ изъ ея волосъ и превращаются въ пыль. Ложе падаетъ. Пурпурная занавѣсъ раздергивается. Раздается ревъ бѣлаго быка. Гдѣ-то вдали взвивается вышитое знамя... И снова раздается крикъ: „Время близко! Время близко"! (Музыка, сопровождающая эту сцену, насквозь проникнута мистическимъ ощущеніемъ шаткости всего, что имѣетъ форму).

2-я запись.

Нѣтъ его, нѣтъ его! Платье лежитъ на постели...
Нѣтъ его, нѣтъ!
Жасминовъ бѣлыхъ цвѣты, точно пыль, облетѣли...
Гаснетъ мой свѣтъ.
Поясъ жемчужный блеститъ... вотъ онъ вьется, согнулся...
Это—змѣя!
Что это? Жалитъ меня. Кто ко мнѣ прикоснулся?
Брежу-ли я?
Кольца, запястья, застежки—все прахомъ распалось.
Смышится звонъ.

Ложе мое подо мной затряслось, зашаталось...
Чей это стонъ?
Кто это дернулъ навѣсъ легкихъ шелковыхъ складокъ?
Пологъ упалъ.
Странно подумать,—здѣсь нѣкогда отдыхъ былъ сладокъ.
Быкъ промычалъ!
Знамя взвилось, шелестящее яркое знамя!
Слишкомъ свѣтло.
Голосъ опять, обжигающій сердце, какъ пламя:
„Время пришло!"
Нѣтъ его, нѣтъ! Онъ ушелъ. Я къ нему не взываю
Горестно вновь.
Рушится все, но я помню, я вижу, я знаю
Только любовь.
Пусть, какъ жасминъ, разсыпаюсь я пылью мгновенной,
Знаю одно:
Наша любовь сохранится навѣкъ неизмѣнной.
Такъ суждено.

М. Станюковичъ.



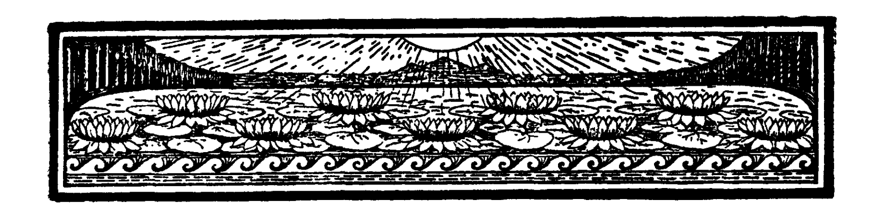
Въ лукавую душу не войдетъ премудрость и не будетъ обитать въ тѣлѣ порабощенномъ грѣху.

Духъ Господень наполняетъ вселенную и, какъ всеобъемлющій, знаетъ всякое слово. Посему никто, говорящій неправду, не утаится, и не минетъ его обличительный судъ.

Хранитесь отъ безполезнаго ропота и берегитесь отъ злорѣчія языка, ибо и тайное слово не пройдетъ даромъ, и клевещущія уста убиваютъ душу.

Изреченія изъ Книги Премудрости Соломона.





Самоѳракійскія Мистеріи.

...Кто посвященъ въ **мистеріи Кабировъ** на Самоѳракіи, заимствованныя отъ Пеласговъ, понимаетъ, что я говорю...

Геродотъ, II, 51.

Весь міръ поклонялся Кабирамъ—„Великимъ богамъ", олицетворявшимъ космическую тайну. Ученіе Атлантовъ о Единомъ, въ проявленности—троичномъ и семеричномъ, хранилось въ Самоѳракійскихъ Мистеріяхъ. Не говорится о точномъ числѣ Кабировъ. Иные упоминаютъ *одного* Кабира, другіе—*двухъ*, называя ихъ Діоскурами, братьями близнецами—сынами Божьими. Чаще говорится о *трехъ* Кабирахъ, *четырехъ* или больше. Финикіяне называли Кабирами *семь* божествъ и восьмого—Эсмуна.

Какъ эзотерическое ученіе, оно ни числа, ни именъ боговъ не оглашало. Поэтому—большое несогласіе относительно числа, и именъ Кабировъ. „Ихъ имена мистичны".

Вѣчный религіозный мотивъ жертвы и искупленія, мученія, смерти и воскресенія сына Божія повторяется и въ ученіи о Кабирѣ. Кабиръ, черезъ котораго все проявилось, сотворившій вселенную своею жертвой, гибнетъ подъ ударами своихъ братьевъ, воскресаетъ и торжествуетъ. Во всѣхъ Мистеріяхъ повторяется то же. Страдалецъ богъ въ Орфическихъ Мистеріяхъ —*Діонисъ*.
въ Египетскихъ —*Озирисъ*.
въ Фригійскихъ —*Аттисъ*.
въ Ассирійскихъ —*Адонисъ*.
въ Самоѳракійскихъ—*Кабиръ*.

. . . .

Отцы Церкви, говоря о Самоѳракійскихъ Мистеріяхъ, разсказываютъ о двухъ братьяхъ, убивающихъ третьяго, младшаго своего брата. „Они покрываютъ голову мертваго пурпурной тканью и обвиваютъ его багряницей, несутъ его на щитѣ и хоронятъ. И

вотъ—мистеріи!"—прибавляетъ Климентъ Александрійскій (Рѣчь 2): „Онѣ заключаются въ убійствѣ и погребеніи. И жрецы ихъ—называются они анактотелесты—придумываютъ чудеса, соединенныя съ этой отвратительной исторіей". *Чудесами* авторъ называетъ, конечно, воскресеніе. Разсказъ этотъ подтверждается древнѣйшими памятниками. На этрусскихъ зеркалахъ, т. е. на оборотной сторонѣ дисковъ этихъ ручныхъ зеркалъ, есть рисунки. Убійство младшаго Кабира изображено такъ: на обнаженнаго юношу съ двухъ сторонъ нападаютъ двое нагихъ, крылатыхъ мужчинъ, съ повязками на головахъ, какія носились посвященными въ мистеріи. Сверху—звѣзда и полумѣсяцъ показываютъ, что убійство происходитъ ночью. Внизу—цвѣтокъ, символъ грядущаго воскресенія Кабира. На зеркалахъ часто повторяется слѣдующее изображеніе: Гермесъ магическимъ жезломъ воскрешаетъ Кабира.

Типична также сцена торжества послѣ страданій и смерти воскресшаго Кабира и его свадьбы: Кабиръ стоитъ со своею возлюбленною, по обѣимъ сторонамъ примиренные братья смотрятъ на него съ участіемъ и любовью.[1]) Но кто эта женщина?

Во всѣхъ Мистеріяхъ Страдалецъ—богъ любимъ Великой Матерью боговъ, своею матерью—супругой:

Діонисъ—*Персефоной*.
Озирисъ—*Изидой*.
Аттисъ—*Кибелой*.
Адонисъ—*Астартой*.
Кабиръ—*Кабиріей*.

Тайная Доктрина объясняетъ бракъ этотъ, какъ вѣчный и таинственный союзъ Матеріи и Духа, союзъ Земли и Неба.

„Первые боги—небо и земля, которые въ Египтѣ суть Серапись и Изида, у Финикіянъ—Тоаутесъ и Астарта, въ Лаціумѣ—Сатурнъ и Ойсъ. Ибо Земля и Небо, *какъ учатъ Самоѳракійскія Мистеріи*, суть Великіе Боги подъ разными именами. Это—Душа и Тѣло"[2]). Это „кровосмѣшеніе"—древній мотивъ, унаслѣдованный отъ Атлантовъ. Онъ звучитъ также очень отчетливо въ Индіи.

Итакъ, мы знаемъ *пять* Кабировъ: Кабирія, ея три сына и Гермесъ, воскрешающій волшебнымъ жезломъ. Въ Самофракійскихъ Мистеріяхъ Гермесъ называется Кадмиломъ или Кадмомъ, что въ эзотеризмѣ значитъ—архитипъ человѣчества, Адамъ Кадмонъ.

---

[1]) *Gerhard*. Etrusk. Spiegel, III, 269.
[2]) *Варронъ*. О Латинск. языкѣ IV. 17.

Это число пять подтверждается и археологіей. Въ Беотіи, близъ Ѳивъ, при раскопкахъ Кабиріона—святилища Кабировъ—найдена разбитая ваза со слѣдующимъ рисункомъ: справа красивый, бородатый, увѣнчанный мужчина полулежитъ на ложѣ. Надъ нимъ надпись: *Кабиръ*. Налѣво—прекрасный, нагой юноша, дѣлающій возліяніе изъ кувшинчика въ большой кратеръ. Надпись: *Пайсъ*, т. е. мальчикъ. Дальше, налѣво, мальчикъ въ каррикатурной маскѣ, нагой, со сжатыми кулаками. Надпись: *Пратолаосъ*, т. е. Первонародъ или Первый человѣкъ, что обозначаетъ—Кадмилъ, Гермесъ, или Адамъ Кадмонъ. Далѣе—прекрасная женщина, положившая руку на плечо мужчины. Надпись: *Кратейя*, т. е. Могучая, Владычица, Властная. Мужчина рядомъ съ нею—въ каррикатурной маскѣ. Надпись: *Митосъ*, т. е. Сѣмя [1]). Такъ въ орфическихъ мистеріяхъ иногда назывался производитель, первопричина. Вспомнивъ слова Плинія, что въ Самоѳракійскихъ Мистеріяхъ особеннымъ почетомъ окружались Афродита, Фаэтонъ и Потосъ (Н. N. 36. 4), мы рисуемъ Самоѳракійскую іерархію въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. *Кабирія* (Мать, Майя, Афродита, Кратейя).

3 сына II. { *Кабиръ* (Зевсъ, Митосъ, Фаэтонъ, Свѣтъ).
Кабиръ (Эросъ, Потосъ, Любовь).
Кабиръ (Діонисъ, Агнецъ).

III. *Кадмилъ* (Гермесъ, Адамъ Кадмонъ).

I.—Матерія. II.—Проявленная Троица. III.—Человѣчество.

Человѣчество, какъ великое послѣдствіе жертвы третьяго Логоса—Кабира, должно воскресить убитаго Агнца, должно вновь возсоединить растерзаннаго бога, придти къ первоначальному Единству.

Въ Самоѳракійскихъ Мистеріяхъ преподавалась эта Древняя Мудрость, хранящая тайну созданія вселенной. Трудно понятная простому человѣку, она посвященному постепенно раскрывалась все глубже и создавала изъ него высоко развитого ученаго и философа.

Въ извѣстномъ аспектѣ, Кабиры—это маги, силою своей воплощающіе сверхприродное въ мірѣ; одухотворяющіе, оживляющіе тяжелую природу и трансформирующіе ее по пути безконечной эволюціи. Они въ природѣ проявляютъ всѣ божественныя возможности, они таинственной, волшебной цѣпью соединяютъ земное съ небеснымъ, создаютъ единый и безконечный кругъ силою воли, мысли, любви и молитвы.

---

[1]) Записки Имп. Русск. Археологическ. Общества. III. (1888). *Щукаревъ*: Святилище Кабировъ близъ Ѳивъ.

Магія, теургія издревле тѣсно связаны съ религіей. Тайна духовной власти и дѣйствія молитвы, притягивающей духовныя силы въ матерію, были извѣстны въ храмахъ и преподавались въ Мистеріяхъ. Посвященный учился необходимости пройти самому всѣ ступени Іерархіи, стать самому *Кабиромъ*, что по финикійски значитъ „*Великимъ*". Символъ этой цѣпи боговъ, этого Братства, есть цѣпь семи Планетъ, ихъ движущійся и звучащій союзъ.

Самоѳракійскіе жрецы носятъ также имя Кабировъ. По аналогіи съ высшими планами,—и среди нихъ есть одинъ главный царь, а всѣ другіе суть лишь отдѣльныя его силы, слуги, чины Іерархіи [1]). Іерархія эта не ограничивалась пятью высшими сущностями. Всѣ великіе посвященные, учителя, ученики, сильные маги чтились въ этихъ Мистеріяхъ подъ именемъ Кабировъ, Корибантовъ, Куретовъ, Идэйскихъ Дактилей, Тельхиновъ. Всѣ они считались великими цѣлителями, кузнецами, хранителями огня и металловъ, геніями, слугами Реи, Великой Матери боговъ. Число ихъ колеблется отъ 11 до 53, или доходитъ до 100. Среди нихъ есть какъ мужчины, такъ и женщины, и раздѣляются они на *правыхъ* и на *лѣвыхъ*. Эти лѣвые суть враги человѣчества, волшебники, черные маги. Ихъ больше, чѣмъ правыхъ, но правые сильнѣе, и свои знанія правые употребляютъ, чтобы разрушать чары и магію лѣвыхъ. Правыхъ называютъ Спасителями и Освободителями (Αναλύοντες) [2]).

Посвященными въ Самоѳракійскія Мистеріи считались: Діоскуры—*Касторъ* и *Поллуксъ, Гераклъ, Язонъ* и *Орфей*. Эти герои, Аргонавты, по дорогѣ за золотымъ руномъ были застигнуты бурей. Орфей, бывшій одинъ посвященный въ Мистеріи Кабировъ, обратился съ молитвой къ Великимъ Богамъ, и на мачтахъ зажглись типичные огни, предсказывающіе тихую погоду. Арго пристало къ острову Самоѳракіи, и получившіе тамъ посвященіе герои принесли въ даръ Кабирамъ свои чаши (Орфей: Аргонавтіи 465). *Одиссей* также былъ посвященнымъ въ эти Мистеріи. Ино-Левкотея, богиня изъ Кабирійской Іерархіи, волшебной повязкой посвященныхъ спасаетъ Одиссея изъ моря (Одиссея, V. 339). *Агамемнонъ* былъ тоже посвященнымъ. Во время бунта въ войскѣ,

---

[1]) Самое глубокое сочиненіе о Кабирахъ, это: *F. W. J. Schelling,* Ueber die Gottheiten von Samothrace. Штутгартъ, 1815. Лучшая диссертація о Кабирахъ: *Neuhäuser*. Cadmilus sive de Cabirorum culti ac mysteriis. Лейпцигъ 1857. Собраніе цитатъ о мистеріяхъ: *Lobeck*. Aglaophamus. Samothracia. 1829.

[2]) Académie des Inscriptions. t. XXIII. 1756. *Fréret*: Recherches.

онъ выходитъ къ нему въ пурпурной повязкѣ и поясѣ, въ которыхъ онъ принималъ посвященіе, и которые поэтому при опасностяхъ служили ему талисманомъ[1]). Кромѣ этихъ древнѣйшихъ героевъ, посвященными въ мистеріи Кабировъ считались: *Кадмъ*, основатель Ѳивъ, и его жена *Гармонія*, *Эней, Пиѳагоръ, Геродотъ, Филиппъ* и *Олимпіада*—родители Александра Македонскаго. Римъ далъ Самоѳракіи автономію, и римляне часто принимали посвященіе въ Мистеріи Кабировъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многія найденныя на островѣ надписи съ римскими именами. *Цицеронъ, Марцеллъ* и многіе императоры: Неронъ, Антонинъ Пій, Фаустина, Мокринъ, Гордіанъ, Клавдій были посвящены въ Самоѳракійскія Мистеріи. Сохранились монеты, на которыхъ императоры и императрицы изображены съ аттрибутами Кабировъ. На монетахъ Кабировъ большую роль играютъ: *молотокъ,* двѣ *пятиконечныхъ звѣзды,* два *треугольника* подъ этими звѣздами, принимаемые за коническія шапочки Діоскуровъ, горящій *факелъ, передникъ.*

Какъ совершался обрядъ посвященія въ Мистеріи Кабировъ? Сохранились извѣстія, что высшіе жрецы Самоѳракіи назывались *Сàи.* Жрецы очистители, исповѣдывавшіе посвящаемыхъ, принимавшіе ихъ покаяніе и очищавшіе ихъ физически и духовно, назывались *Кòи.* Ночью, при свѣтѣ факеловъ, посвящаемаго сажали на возвышеніе, въ видѣ трона, которое окружалось всѣми присутствующими, держащимися за руки и съ пѣніемъ кружащимися вокругъ трона въ хороводѣ. Затѣмъ новопосвященный, въ пурпурной повязкѣ, съ пурпурнымъ поясомъ, съ желѣзнымъ кольцомъ на пальцѣ, (*Samothracia ferrea*: Лукрецій, VI. 1042) былъ допускаемъ къ драматическому представленію. Драма изображала, вѣроятно, страданія, смерть и воскресеніе Кабира.

Несомнѣнное отношеніе къ обрядамъ посвященія въ Самоѳракійскія Мистеріи имѣетъ рисунокъ на одной древней вазѣ. [2]) Въ центрѣ картины—герма изображаетъ юнаго Бакха-Плутона. Справа дерево, у дерева Орфей въ вѣнкѣ изъ тополя, въ плащѣ и сандаліяхъ; въ рукѣ его лира, другой рукой онъ останавливаетъ Цербера, бросающагося на вступающихъ въ Аидъ. Въ Аидъ идетъ нагой юноша, со шляпой, переброшенной на спину, съ плащемъ и двумя копьями въ лѣвой рукѣ. За юношей идетъ старикъ въ плащѣ поверхъ хитона и съ кривой палкою въ рукѣ. Юноша ука-

---

[1]) *Схоліи къ Аполлонію Родосскому* I. 917: „И Одиссей, и Агамемнонъ были, говорятъ, посвященными въ Самоѳракійскія Мистеріи"...

[2]) Académie des Inscriptions nouvelle série, t. XXI. *Panofka.*

зываетъ правой рукой на Орфея, какъ бы спрашивая, можно ли взять его лиру. Старикъ повидимому позволяетъ. За Орфеемъ, направо, подъ миртовымъ деревомъ Евридика.

На верхнемъ планѣ картины, справа, сидитъ Афродита. Голова ея украшена повязкой, тѣло покрыто прозрачной одеждой. Въ лѣвой ея рукѣ вѣеръ, правой она придерживаетъ лебедя, садящагося на ея колѣни. Предъ Афродитой крылатый Эротъ съ мистической повязкою въ рукѣ. Налѣво отъ него, Гермесъ съ волшебнымъ жезломъ. Онъ удерживаетъ рукой собаку. За Гермесомъ—Панъ, безбородый, прекрасный юноша, съ повязкою на головѣ и со свирѣлью въ рукахъ. На другой сторонѣ вазы, въ центрѣ картины, юноша, тотъ же самый, что и на первой картинѣ. Онъ увѣнчанъ повязкой въ знакъ посвященія въ мистеріи. Въ его лѣвой рукѣ два *копья*, правую онъ протягиваетъ съ чашей къ молодой женщинѣ, наливающей ему какой-то напитокъ. Справа отъ посвященнаго стоитъ другой нагой юноша съ копьемъ въ лѣвой рухѣ. Правой онъ протягиваетъ посвященному три мистическія повязки. Надъ посвященнымъ паритъ крылатый геній, Гермафродитъ, держа гирлянду розъ и повязку для посвященія.

Т. Панофка признаетъ въ этихъ картинахъ изображеніе посвященія въ Самоѳракійскія Мистеріи. Есть и много другихъ вазъ, на которыхъ представлено посвященіе. Таково изображеніе двухъ нагихъ юношей, одного съ чашею и съ аттрибутами очищенія, а другого съ двумя *копьями* [1]) въ рукѣ, идущихъ къ трону съ сидящей на немъ женщиной въ богатомъ покрывалѣ (Персефоной). Богиня кладетъ руку на плечо юноши съ копьями и какъ бы беретъ его подъ свою охрану. Это тоже сцена очищенія и посвященія. Юные посвящаемые, мисты, узнаются на подобныхъ рисункахъ по характернымъ каплямъ воды на тѣлѣ и мистическимъ повязкамъ на головахъ (кредемнонъ), а также и по двумъ звѣздамъ надъ ихъ головами. Изъ этой картины видно, что въ Самоѳракійскихъ Мистеріяхъ очищеніе совершалось *водой*, что подтверждаютъ и небольшіе храмики, изображаемые рядомъ, такъ называемыя крестильни.

Для людей, понимающихъ эзотерическій смыслъ мистерій ясно, о чемъ учили въ храмахъ, въ чемъ заключалось посвященіе, какія тайны излагались мистомъ. Но академическимъ ученымъ это не ясно. И много остроумныхъ предположеній дѣлаютъ

---

[1]) Интересно это копье, играющее роль и въ Кельтскихъ посвященіяхъ напримѣръ Парсифаля.

они, и всегда противорѣчатъ другъ другу. Одинъ лишь Нейгейзеръ въ своей латинской диссертаціи интуитивно доходитъ до предположенія, что въ Самоѳракійскихъ Мистеріяхъ учили о *перевоплощеніи* души, но за это онъ и удостоенъ отъ другихъ ученыхъ презрѣнія и молчанія.

Единственная русская книга о Кабирахъ (*Новосадскій.* Культъ Кабировъ въ древней Греціи. Варшава, 1891)—очень полезная и обстоятельная книга, дающая богатый матеріалъ и указанія, но, къ сожалѣнію, слишкомъ осторожная въ выводахъ и потому понятная лишь въ свѣтѣ Теософіи.

Н. Павлинова.



Не ускоряйте смерти заблужденіями вашей жизни и не привлекайте къ себѣ погибели дѣлами рукъ вашихъ.

Богъ не сотворилъ смерти, и не радуется погибели живущихъ, ибо Онъ создалъ все для бытія, и все въ мірѣ спасительно, и нѣтъ пагубнаго яда, нѣтъ и царства ада на землѣ.

Праведность безсмертна, а неправда причиняетъ смерть.

Изреченія изъ Книги Премудрости Соломона.





Письмо о музыкѣ.

Когда, въ началѣ Марта, мы уѣзжали изъ Риги съ Анной Алексѣевной Каменской, послѣ ея лекцій о духовной красотѣ и воспитаніи и моего доклада о музыкальныхъ методахъ, и когда провожавшіе насъ сестры и братья теософы простились съ нами въ вагонѣ, старушка, сидѣвшая въ томъ же купэ, гдѣ было мое мѣсто, спросила меня: „Эти милые люди все родственники Ваши?“ „Нѣтъ“, отвѣтила я. „И среди нихъ даже есть лица, съ которыми я познакомилась всего дня два тому назадъ“. „Почему же они такъ ласково прощались съ Вами?“ удивлялась старушка.

Мнѣ очень не хотѣлось разговаривать съ ней, потому что хотѣлось отдыхать и молчать послѣ лекціи, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе и, ожидая дальнѣйшихъ разспросовъ, я сказала, что мы сестры и братья по духу, потому что мы теософы.

„А что дѣлаютъ теософы?“ продолжала спрашивать старушка и, отвѣтивъ ей, что они стараются одухотворить жизнь и всѣмъ служить, проявляя активную любовь, мнѣ стало очень совѣстно за свое нежеланіе разговаривать и, чтобы исправить свою ошибку, я начала объяснять моей спутницѣ основы теософіи и кончила тѣмъ, что прочла ей цѣлую маленькую теософическую лекцію, открывшую ей совершенно новые горизонты, о которыхъ она до сихъ поръ не имѣла понятія. Это оказалось очень кстати, потому что старушка была невѣрующая и, не представляя себѣ возможности загробнаго существованія, старенькая и больная, съ тоской отсчитывала послѣдніе дни своей угасающей жизни, думая, что потомъ „все будетъ кончено“.

„Неужели я опять буду жить, опять буду молода и здорова!“ Радостно воскликнула она, узнавъ о законѣ перевоплощенія и кармы.

„Конечно“, отвѣтила я „И мы съ Вами, можетъ быть, опять встрѣтимся въ другой, болѣе счастливой, свѣтлой и свободной жизни, такъ же какъ завтра утромъ, отдохнувъ и проснувшись, въ этомъ же купэ, мы опять увидимся, но уже не ночью, при свѣтѣ электричества, а днемъ, когда будетъ свѣтить солнце“.

„Какъ все это хорошо!“ сказала старушка и, глубоко вздохнувъ, добавила: „И поэтому можно теперь спокойно заснуть, не правда ли?“... Пожелавъ мнѣ доброй ночи, она улеглась на своемъ диванѣ и тихо задремала. А я на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ причудливому шуму катящихся по рельсамъ колесъ, шуму, переходившему въ странную и сложную музыку, стала думать о томъ, какіе разнообразнѣйшіе случаи помочь людямъ и послужить имъ встрѣчаются на жизненномъ пути теософа, если только онъ самъ, по своей внутренней лѣни, не пропускаетъ ихъ. И мнѣ представилось, что эти случаи похожи на отдѣльныя музыкальныя фразы большой и сложной сонаты жизни, которая только тогда хорошо будетъ звучать, если всѣ детали ея будутъ хорошо поняты и сыграны исполняющимъ ее музыкантомъ. Думая о добровѣстныхъ музыкантахъ, мнѣ вспомнился одинъ старый товарищъ мой, скрипачъ, большой философъ, ставившій музыку выше всего на свѣтѣ и поэтому раздѣлявшій людей на двѣ категоріи, смотря по ихъ отношенію къ музыкѣ: на „музыкантовъ“ и „любителей“, причемъ любителей онъ также подраздѣлялъ, произнося слово любители съ различными удареніями: „лю*би*тели“, „люби*те*ли“ и „любите*ля*“.

Музыкантами онъ считалъ тѣхъ людей, которые наиболѣе добросовѣстно относились къ музыкѣ, отдаваясь ей вполнѣ, и стремились достигнуть въ ней высшихъ ступеней совершенства, чего не дѣлали лю*би*тели, увлекаясь другими, менѣе цѣнными вещами. А люби*те*ли, по его мнѣнію, считали музыку только забавой, которой они отдавались стихійно и безъ разбора. Въ послѣдней же категоріи, къ которой причислялись любите*ля*, были тѣ люди, которые вовсе не понимали музыки и только, подражая другимъ, собирались „поиграть квартетики“, совершенно другъ друга не слушая и громко отбивая ногами каждый свой собственный тактъ.

Товарищъ мой самъ былъ очень хорошій скрипачъ и добросовѣстный музыкантъ. Чрезвычайно строгій къ себѣ и очень снисходительный къ любителямъ всѣхъ категорій, онъ никогда не отказывался играть съ ними, когда они звали его „помузицировать“, и, всегда одинаково добродушно улыбаясь, разсказывалъ, что

идетъ играть съ люб*и*телями, или же, что игралъ съ люби*те*лями Когда же онъ сообщалъ, что его зовутъ участвовать съ ними въ квартетѣ любите*ля*, онъ обыкновенно добавлялъ, понизивъ голосъ и прикрывая ротъ рукой: „въ квартетѣ Крылова"... Но, такъ какъ въ этихъ словахъ не было и тѣни насмѣшки, но тонко звучалъ добродушнѣйшій юморъ, можно было быть спокойнымъ, что этотъ „соловей" ихъ не осудитъ и не покинетъ, но научитъ ихъ музыкѣ и поможетъ имъ сыграться.

Вспоминая объ этомъ миломъ человѣкѣ и сравнивая музыкальную эволюціонную лѣстницу съ лѣстницей эволюціи жизни, думалось, что люди, умѣющіе быть строгими къ себѣ и добрыми со всѣми, понемножечку приближаются къ той ступени, на которой стоитъ истинный музыкантъ, который сумѣетъ каждаго научить и всѣмъ сумѣетъ послужить и всѣхъ порадовать своимъ искусствомъ, благодаря пріобрѣтеннымъ имъ музыкальнымъ знаніямъ и выработанной неустаннымъ трудомъ техникѣ; и думалось, что человѣку, желающему слѣдовать по тому же активному пути служенія въ искусствѣ жизни, необходимо также работать и надъ собой, и надъ развитіемъ „техники своей любви", безъ которой служеніе невозможно, потому что только умѣя любить возможно всѣхъ радовать и всѣмъ дѣйствительно служить. Работа развитія „техники любви" требуетъ такого же труда, такого же усилія и напряженія, отъ котораго въ началѣ нерѣдко болитъ и ноетъ сердце, какъ и развитіе музыкальной техники, отъ которой у начинающаго музыканта часто ноютъ и болятъ руки.

„Вытерпите эту боль, не бросая труднаго пассажа, пока она не замретъ, и тогда пассажъ начнетъ удаваться и Вы достигнете нѣкотораго успѣха", говорилъ мнѣ мой учитель, зная, что развитіе скрипичной техники основано на преодолѣваніи разныхъ препятствій,—не только сопротивленія тяжести смычка и напряженія натянутыхъ на скрипкѣ струнъ, но и собственной лѣни, нежеланія поработать надъ трудными пассажами и желанія играть только легкія и пріятныя вещи.

Такую же трудную и важную работу совершаетъ человѣкъ въ искусствѣ жизни, преодолѣвая разныя жизненныя затрудненія и сопротивляясь своей собственной лѣни. А преодолѣвая свое пристрастіе, онъ постепенно дѣлаетъ успѣхи въ развитіи „техники своей любви", любви ко всѣмъ безъ исключенія, не „за что-нибудь" но „несмотря ни на что", потому что только безпристрастная любовь можетъ дать человѣку то спокойствіе, ту свободу, которыми обладаетъ музыкантъ виртуозъ, для котораго больше не

существуетъ ни труднаго, ни скучнаго, такъ какъ онъ не только можетъ все преодолѣть, но и все одухотворить, являясь свободнымъ проводникомъ величія и красоты музыкальной идеи.

Артистъ достигаетъ виртуозности, т. е. совершенной музыкальности и совершенной свободы исполненія, только работой и постояннымъ вниманіемъ, съ начала и до конца, къ каждой музыкальной фразѣ, и своимъ любовнымъ отношеніемъ и уваженіемъ къ каждой нотѣ, изъ которыхъ создаются эти фразы, составляющія самую музыку. Такое же вниманіе, участіе и благоволеніе къ каждому живому существу является, въ искусствѣ жизни, основой той свободы всеобъемлющей любви человѣка, черезъ которую на землѣ можетъ воцариться миръ и осуществиться Величайшая Музыка Славы Того, Который равно любитъ всѣхъ дѣтей Своихъ.

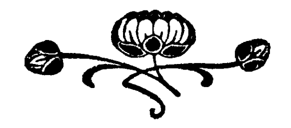
Вѣрнымъ слугамъ Его, стремящимся одинаково любить всѣхъ дѣтей Господина своего, устами Альсіона Учитель говоритъ: „*Ты долженъ быть настолько проникнутъ страстнымъ желаніемъ служенія, чтобы всегда быть на стражѣ и не пропускать случая служить не только человѣку, но и животнымъ и растеніямъ. Ты долженъ проявлять эту готовность въ малыхъ вещахъ, ежедневно, чтобы это вошло у тебя въ привычку и ты не могъ бы пройти мимо, когда встрѣтится рѣдкій случай совершить что-нибудь великое. Ибо, если ты стремишься соединиться съ Богомъ, это не должно быть ради тебя самого, а ради того, чтобы стать проводникомъ, черезъ который Его любовь могла бы изливаться на ближнихъ твоихъ.* (Альсіонъ: „У ногъ Учителя“, стр. 75—76).

Подобно тому, какъ въ основѣ музыкальнаго искусства лежитъ не только любовь къ музыкѣ, но и вниманіе къ каждой музыкальной нотѣ, такъ и основа искусства жизни также есть вниманіе, которое человѣкъ долженъ постоянно развивать и упражнять, чтобы, умѣя любить, онъ также умѣлъ „распознавать“ различные тембры голосовъ жизни, черезъ которые выражаются всѣ радости и печали, всѣ страданія живыхъ существъ.

Поблѣднѣвшее лицо огорченнаго человѣка, взъерошенныя перышки больной птички, опущенная головка цвѣтка, увядающаго отъ недостатка влаги, взывая къ сочуствію и состраданію человѣка, могутъ быть замѣчены имъ только если онъ внимателенъ, если онъ умѣетъ распознавать, т. е. видѣть, слышать, понимать и помнить. И если, распознавая, онъ умѣетъ чувствовать и любить, онъ сумѣетъ найти пути и найти способы прекратить эти страданія и послужить искусству жизни, претворяя ея печали въ радости.

Работѣ развитія зрительнаго и слухового вниманія, мысли, памяти и наблюдательности ученика посвящены тѣ музыкальныя методы, о которыхъ я говорила въ миломъ старинномъ рыцарскомъ городѣ Ригѣ, откуда все дальше и дальше въ эту ночь увозилъ насъ поѣздъ, все сложнѣе и сложнѣе разыгрывая тяжелыми колесами своими по желѣзнымъ рельсамъ причудливую музыку, таинственно разливающуюся въ тишинѣ ночи, среди покрытыхъ снѣгомъ, дремлющихъ при лунномъ свѣтѣ, лѣсовъ. И, слушая ее въ полумракѣ нашего купэ, въ которомъ на диванѣ мирно спала моя старушка, „моя" потому, что я уже любила ее, мнѣ вспоминались ласковые сестры и братья-теософы и милый братъ художникъ, который такъ глубоко, истиннымъ художественнымъ чувствомъ понялъ значеніе и цѣль моихъ работъ и, думая о немъ, я жалѣла, что такъ мало успѣла ему разсказать о нихъ. Но мы условились, что я пришлю ему мои работы и опишу ихъ въ письмахъ. Навѣрное онъ мнѣ позволитъ ихъ помѣстить въ нашемъ „Вѣстникѣ", чтобы онѣ могли послужить и другимъ лицамъ, интересующимся работой развитія вниманія путемъ изученія объединенной музыки красокъ, звуковъ, чиселъ, движеній, формъ, качествъ и настроеній,—музыки, звучащей во всемъ окружающемъ насъ мірѣ и отражающей принципы болѣе высокихъ плановъ мірозданія.

А. Унковская.



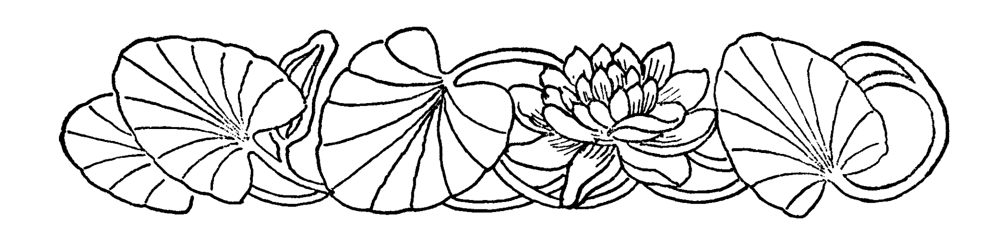
Господь премудростью основалъ землю, небеса утвердилъ разумомъ Своимъ.

Книга Притчей Соломоновыхъ.

Господь, распростершій небо, основавшій землю и образовавшій духъ человѣка—внутри его.

(Пр. Захаріи).





Развитіе оккультныхъ силъ.

Ч. Ледбитеръ.

Огненный Змѣй — (Огонь Кундалини *).

„Огненный змѣй“ (называемый по-санскритски Кундалини) есть проявленіе на физическомъ планѣ одной изъ великихъ міровыхъ силъ — одной изъ силъ Логоса. То, что мы называемъ электричествомъ, есть проявленіе одной изъ Его силъ, и эта сила можетъ принимать различныя формы, такія, какъ теплота, свѣтъ и движеніе. Другая Его сила есть жизненная сила — иногда называемая праной. Можно сказать, пожалуй, что жизненная сила и электричество суть какъ бы низшіе концы двухъ Его потоковъ.

Этотъ огненный змѣй можетъ считаться низшимъ концомъ другого Его тока, проявленіемъ на физическомъ планѣ нѣкотораго изъ многочисленныхъ аспектовъ Его силы. Подобно пранѣ, онъ существуетъ на всѣхъ планахъ, о которыхъ мы что-либо знаемъ; но то, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, есть его выраженіе въ эфирной матеріи. Онъ не переходитъ ни въ жизненную силу, ни въ электричество и, повидимому, онъ не можетъ находиться подъ воздѣйствіемъ этихъ энергій. Я наблюдалъ, какъ вводилось въ человѣческое тѣло электричество съ напряженіемъ въ милліонъ съ четвертью вольтъ. Когда человѣкъ протягивалъ свою руку къ стѣнѣ, огромное пламя истекало изъ его пальцевъ и тѣмъ не менѣе, онъ ни испытывалъ ничего необычнаго и не былъ обожженъ, если только онъ случайно не касался какого нибудь внѣшняго предмета. Но даже и такое безмѣрное количество электричества не пробуждало „огненнаго змѣя“.

---

*) См. для дополненій „Вѣстн. Теос.“, 1912 г. № 2 и № 3, ст. „Центры силъ“.

Въ *„Голосѣ безмолвія“* эта сила называется „Огненной силой“ и „Матерью міра“. Есть много смысла во всѣхъ этихъ странныхъ именахъ, ибо эта сила по истинѣ подобна жидкому огню въ своемъ теченіи по тѣлу. Направленіе, по которому она должна двигаться, есть спираль, немного сходная съ кольцами змѣи. Она называется матерью міра, потому что черезъ нее могутъ быть оживлены наши различные проводники, такъ что высшіе міры послѣдовательно могутъ открыться передъ нами.

У обыкновеннаго человѣка она спитъ непробужденная, и человѣкъ не предполагаетъ о ее существованіи въ теченіе всей своей жизни. Безъ сомнѣнія, гораздо лучше оставаться этой силѣ непробужденной, пока человѣкъ не дойдетъ до опредѣленнаго нравственнаго развитія, пока его воля не будетъ достаточно сильна, чтобы сдерживать ее и мысли достаточно чисты, чтобы получить возможность стать лицомъ къ лицу съ ея пробужденіемъ безъ вреда для себя. Никто не долженъ производить опытовъ съ нею безъ точныхъ наставленій Учителя, вполнѣ понимающаго предметъ, ибо опасности, связанныя съ нею, очень реальны и чрезвычайно серьезны. Нѣкоторыя изъ нихъ чисто физическія. Безконтрольное движеніе ея часто производитъ интенсивную физическую боль и она можетъ буквально разорвать сосуды и даже разрушить физическую жизнь. Это, однако, меньшее изъ возможныхъ золъ: она можетъ нанести вредъ не временнаго характера одному изъ высшихъ проводниковъ.

Однако очень обычное дѣйствіе преждевременнаго ея пробужденія состоитъ въ томъ, что она въ тѣлѣ устремляется къ низу, вмѣсто того, чтобы подниматься, и это возбуждаетъ самыя нежелатетьныя страсти, она возбуждаетъ ихъ и усиливаетъ до такой степени, что человѣкъ теряетъ возможность сопротивляться имъ, ибо передъ такою силой онъ безпомощенъ, какъ передъ пастью акулы. Такой человѣкъ становится сатиромъ, развращеннымъ извергомъ, ибо овладѣвшая имъ сила не пропорціональна обыкновенной силѣ сопротивленія въ человѣкѣ. Возможно, что онъ достигнетъ нѣкоторыхъ сверхъестественныхъ силъ, но послѣднія таковы, что онѣ приведутъ его въ соприкосновеніе съ низшими формами эволюціи, съ которыми человѣчеству не предназначено имѣть сношеній. Чтобы освободиться отъ этого ужаснаго рабства, нужно пройти болѣе чѣмъ черезъ одно воплощеніе. Я не преувеличиваю ужаса этого явленія. Къ сожалѣнію, это можетъ случиться съ человѣкомъ, дѣлающимъ извѣстные опыты по наслышкѣ. Ко мнѣ обращались за совѣтомъ люди, съ которыми уже

приключалось это страшное явленіе, и я видѣлъ собственными глазами, что случалось съ ними. Есть школы черной магіи, намѣренно употребляющія эту силу, для того, чтобы благодаря ей могли быть оживлены тѣ низшіе центры силъ, которыя никогда не употребляются послѣдователями благого закона.

Даже исключая эту величайшую изъ опасностей, преждевременное раскрытіе этой силы имѣетъ многія иныя непріятныя возможности. Она усиливаетъ все въ человѣческой природѣ и достигаетъ низшихъ и злыхъ качествъ скорѣе, чѣмъ хорошихъ. Напримѣръ, въ ментальномъ тѣлѣ очень легко возбуждается честолюбіе и скоро увеличивается до совершенно невѣроятной степени. Подобнымъ образомъ, принося съ собою большую интенсивность интеллекта, въ то же самое время, она можетъ развить ненормальную сатанинскую гордость, совершенно непостижимую обыкновенному человѣку. Немудро человѣку думать, что онъ сможетъ легко бороться съ этой силой, могущей пробудиться въ его тѣлѣ. Конечно, непосвященный можетъ попробовать пробудить ее, но если бы это случилось, что очень нежелательно, ему слѣдуетъ немедленно обратиться за совѣтомъ къ свѣдующему человѣку; я вполнѣ намѣренно воздерживаюсь отъ объясненій, какъ совершается это пробужденіе, отъ указанія порядка, въ которомъ эта сила (если она пробуждена) проходитъ черезъ различные центры. Этого нельзя дѣлать иначе какъ по слову Учителя, который будетъ бодрствовать надъ своимъ ученикомъ во время различныхъ стадій опыта.

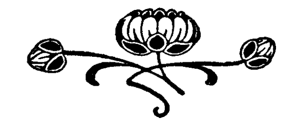
Я въ особенности предупреждаю всѣхъ изучащихъ оккультизмъ не дѣлать какихъ либо попытокъ въ направленіи пробужденія этихъ ужасныхъ силъ. Я самъ видѣлъ многіе случаи страшныхъ послѣдствій, которыя происходили отъ невѣжественнаго обращенія съ этими очень серьезными вещами. Эта сила есть страшная реальность, одинъ изъ великихъ основныхъ фактовъ природы. Это не есть вещь, съ которой можно шутить или которою можно легко овладѣть. Производить опыты съ нею, безъ необходимаго подготовленія, болѣе опасно, чѣмъ для ребенка игра съ нитроглицериномъ. Вѣрно сказано въ *Хатта-іога-прадипика:* „Она даруетъ свободу іогу и рабство глупцамъ“ (iii 107).

Такъ часто кажется начинающимъ что, именно, для нихъ будетъ сдѣлано особое исключеніе изъ законовъ природы, и нѣкое особое вмѣшательство Провидѣнія спасетъ ихъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго безумія. Конечно ничего такого не случится и человѣкъ, своевольно вызывающій взрывъ, почти навѣр-

няка станетъ его первой жертвой. Начинающіе были бы спасены отъ многихъ страданій и ошибокъ, если бы они постарались понять, что во всѣхъ вещахъ, связанныхъ съ оккультизмомъ нужно буквально понимать смыслъ нашихъ предупрежденій. Ибо по отношенію къ великимъ законамъ природы нѣтъ привиллегированныхъ. Всякій хочетъ производить опыты; всякій убѣжденъ, что онъ совершенно готовъ для самаго высокаго обученія и для всякаго рода развитія и никто не хочетъ терпѣливо работать надъ улучшеніемъ характера и посвящать свое время и силы общему благу, терпѣливо дожидаясь часа, когда Учитель ему скажетъ, что онъ готовъ. Вѣчная истина заключается въ словахъ Христа:

„Ищите же прежде всего царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ".

Пер. **В. Лалетинъ.**



„Куда пойду отъ Духа Твоего и отъ Лица Твоего куда убѣгу?

„Взойду-ли на небо—Ты тамъ; сойду-ли въ преисподнюю—и тамъ Ты.

„Возьму-ли крылья зари и переселюсь на край моря,—

„И тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя"...

(Псалтирь).





Изъ дневника теософа.

---

13 марта, С.-Петербургъ.

Вчера педагогическій кружокъ разрабатывалъ проектъ идеальной школьной дачи и поставилъ на первую очередь слѣдующіе вопросы на обсужденіе:

1. Подготовка персонала.
2. Основные принципы работы.
3. Постановка физическаго, умственнаго и этико-религіознаго воспитанія.

Рѣшено разослать проектъ во всѣ отдѣлы.

15 марта, С.-Петербургъ.

Вчера было наше послѣднее (въ этомъ сезонѣ) Публичное Собраніе. П. И. Тимофеевскій сдѣлалъ сообщеніе „О Теософіи, о Теософическомъ движеніи и Теософическомъ Обществѣ". Корефферентами выступали В. Г. Розенталь („Личность и творчество Е. Блаватской"), Ц. Л. Гельмбольдтъ („Работа Г. Олькотта") и я („Творчество и личность А. Безантъ"). Въ заключеніе, докладчикъ сказалъ нѣсколько словъ на тему: „Что несетъ новаго міру Теософія".

Собраніе было очень удачное, и въ залѣ чувствовались интересъ и удовлетвореніе.

Сегодня П. И. Тимофеевскій ѣдетъ читать въ Москву.

19 марта, С.-Петербургъ.

Вчера былъ вечеръ, посвященный памяти А. П. Философовой. Устраивало его Женское Общество. Была музыка, читались доклады и стихотворенія. Выступали Н. Манассеина, А. Милюкова, А. Тыркова, Щепкина-Куперникъ, С. Лаврентьева, А. Кони и я.

Особенно интересна была рѣчь А. Кони, читавшаго свои воспоминанія объ А. П. Философовой. Онъ говорилъ съ уваженіемъ о Теософіи, увлекавшей Анну Павловну своей широкой терпимостью, и сдѣлалъ нѣсколько прелестныхъ опредѣленій.

Въ своей рѣчи я говорила о рождающемся духовномъ сознаніи, нотой котораго будетъ дѣятельная любовь.

22 марта, Калуга.

Двадцатаго марта я пріѣхала въ Калугу, въ милый бѣлый домикъ на Воскресенской. Вчера, на Открытомъ Собраніи Отдѣла, я сдѣлала докладъ на тему: „Путь внутренняго совершенствованія человѣка". Залъ былъ полонъ и слушалъ чрезвычайно внимательно. Послѣ доклада были оживленныя пренія.

Сегодня собирается Правленіе, а позже общее собраніе Отдѣла.

Завтра, рано утромъ, я уѣзжаю въ Петербургъ.

23 марта, Вязьма. (По дорогѣ въ Петербургъ).

Вчера Собраніе Отдѣла прошло очень оживленно. У насъ все время шла задушевная бесѣда. По просьбѣ членовъ я разсказала о работѣ Общества за текущій сезонъ и о своихъ поѣздкахъ. По окончаніи моего доклада, гр. С. Н. Толстая спѣла нѣсколько вещей изъ своего прелестнаго репертуара.

Пользуясь досугомъ въ вагонѣ, я пробѣгаю послѣдніе книги и журналы. Прочла статью о Теософіи священника Адамова въ Калужскомъ клерикальномъ органѣ. Систему онъ излагаетъ хорошо, но комментаріи его, и въ особенности выводы, крайне слабы. Какъ будто человѣчество ничего не сдѣлало за всѣ эти вѣка пламеннаго исканія, какъ будто сознаніе его не выросло, и оно все еще нуждается въ „жидкой пищѣ младенца"...

30 марта, Ялта.

Ярко голубое море, по которому бѣгаютъ бѣлые барашки и свѣтло-голубое небо, по которому скользятъ быстрыя, легкія облака.

Все зеленѣетъ. Магнолія цвѣтетъ. Вѣтеръ слегка покачиваетъ задумчивые кипарисы...

Вчера вечеромъ мы [1]) пріѣхали въ Ялту.

---

[1]) Меня сопровождаетъ нашъ харьковскій членъ В. А. Молокина.

Сегодня приходятъ со всѣхъ сторонъ поздравительныя телеграммы и привѣтствія, а Отдѣлъ Ялтинскій еще не можетъ начать работу. Возникли затрудненія съ властями. Въ Ялтѣ особенные свои порядки и много строгостей. Мы едва успѣли пріѣхать, какъ уже пришли за паспортомъ. Кромѣ того, сегодня ожидаютъ Государя и по этому случаю весь городъ въ цвѣтахъ и флагахъ. Властямъ сейчасъ не до насъ, нѣтъ времени вникнуть въ нашъ уставъ и работу. Думаютъ, очевидно, что мы открываемъ не Отдѣлы уже существующаго Всероссійскаго Общества, а новое Общество, для котораго требуется особое разрѣшеніе Главноначальствующаго. Будемъ вести переговоры для выясненія дѣла и будемъ надѣяться, что скоро все уладится и мы офиціально откроемъ на Пасхѣ Отдѣлъ.

31 марта, Ялта.

Вчера, въ виду неожиданнаго осложненія съ администраціей, мы рѣшили не собираться совсѣмъ, а завтра я буду у Главноначальствующаго г. Думбадзе, чтобы лично выяснить ему характеръ и значеніе теософической работы.

Вечеромъ произошелъ комическій инцидентъ: предсѣдательница Ялтинскаго Отдѣла, Софія Владиміровна Татаринова, и я, мы были въ гостяхъ у Е. В. Родзевичъ, у которой гоститъ В. А. Молокина. Мы пили мирно чай и бесѣдовали о работѣ, когда пришла полиція съ заявленіемъ, чтобы „собраніе немедленно расходилось“. Мы отъ души смѣялись, и „собраніе (С. В. Т. и я!) разошлось“ среди дружнаго смѣха. Забавные моменты войдутъ со временемъ въ исторію Р. Т. О-ва!

1 апрѣля, Ялта.

Вчера мы были на Дарсанѣ съ котораго такой чудный видъ на Ялту и море, а сегодня рано утромъ мы[1]) отправились къ Главноначальствующему, г. Думбадзе, въ Ливадію. Оказалось что онъ ничего не зналъ о нашемъ дѣлѣ, и при насъ, по телефону, вытребовалъ всѣ нужныя свѣдѣнія о сдѣланныхъ нами формальностяхъ. Узнавъ, что отъ Совѣта Р. Т. О-ва заявленіе давно сдѣлано и что соотвѣтствующая бумага отъ С.-Петербургскаго Градоначальника получена, онъ намъ заявилъ, что онъ никакихъ препятствій намъ дѣлать не намѣренъ и что мы можемъ спокойно работать. Такимъ образомъ, всѣ недоразумѣнія разсѣиваются, и 7-ого, на Пасху, мы торжественно откроемъ Отдѣлъ.

---

[1]) Е. В. Радзевичъ и я.

Сейчасъ отдыхаю на террасѣ и смотрю на голубое море, на которомъ сегодня лежатъ такія серебристыя тѣни. Вѣтеръ утихъ. Вдали медленно плывутъ парусныя лодки татарскихъ рыбаковъ.

Домъ С. В. Татариновой, въ которомъ я, счастливая гостья, построенъ въ татарскомъ стилѣ и весь украшенъ форфоровыми фресками и голубовато-синими узорами. Съ террасы видъ прямо на бухту. Садъ съ кипарисовой аллеей и интимными пихтами уже весь въ цвѣту. Очаровательный уголокъ для теософической работы.

Здѣсь будетъ собираться Ялтинскій Отдѣлъ.

2 апрѣля, Ялта.

Лежу на террасѣ, на самомъ припекѣ и наслаждаюсь чуднымъ отдыхомъ среди пихтъ и кипарисовъ, подъ южнымъ небомъ Крыма.

На столѣ передо мною благоухаетъ первая расцвѣтшая роза...

Сегодня утромъ съ первымъ пароходомъ уѣхала В. А. Молокина, а мы (С. В. Татаринова и я), ѣздили въ Ливадію, чтобы подать письменное заявленіе Главноначальствующему.

С. В. Татаринова, предсѣдательница открывающагося Отдѣла, полна энтузіазма и энергіи. Знаніе языковъ, огромная работоспособность, широкій умъ и безпредѣльная доброта обѣщаютъ въ ея лицѣ выдающагося работника новаго центра.

Погода такая лучезарная сегодня, что за горой Магаби ясно вырисовывается снѣжная вершина Ай-Петри. Море подобно зеркалу, но въ воздухѣ еще носятся дуновенія тающихъ снѣговъ.

3 апрѣля, Ялта.

Сегодня хмурое небо. Солнце скрылось за туманомъ, и горъ не видно.

Въ воздухѣ ни дуновенія.

Мы бесѣдуемъ о предстоящей работѣ и стараемся всесторонне продумать лучшіе методы популяризаціи теософическихъ ученій и углубленія въ нихъ.

4 апрѣля, Ялта.

Торжественно проходитъ страстная недѣля. Съ ранняго утра раздается благовѣсть, и колокольный звонъ несется далеко по окрестнымъ холмамъ. Все готовится къ Пасхѣ, и предпраздничная суета замѣтна на улицахъ и въ домахъ. Природа также какъ будто готовится къ празднику, и всюду, на кустикахъ и деревьяхъ,

раскрываются почки и цвѣты. Уже расцвѣли всѣ плодовыя деревья, распускаются розы и нарциссы, а незабудки и Анютины глазки давно выглядываютъ изъ зеленаго газона. Въ воздухѣ, нагрѣтомъ солнцемъ, носятся ароматы пихты и горныхъ травъ. Отъ моря идетъ прохладная воздушная струя. На морѣ сегодня штиль.

Каждый день приходятъ коллективныя письма теософическихъ кружковъ, и я все время въ курсѣ работы. Радостно читать эти милыя привѣты, съ которыми сплетается такъ много глубокихъ думъ и такъ много любви...

Мы готовимся къ открытію Отдѣла. Софія Владиміровна Татаринова читаетъ мнѣ слово Іоанна Дамаскина, которое читается на пасхальной заутрени и которое символически даетъ всю картину эволюціи. Оно такъ хорошо, такъ проникнуто свѣтомъ и такъ прекрасно иллюстрируетъ наше міровоззрѣніе, что мы рѣшили его прочитать на нашемъ торжествѣ.

Сегодня вечеромъ пріѣзжаетъ Ц. Л. Гельмбольдтъ, мой коредакторъ по „Вѣстнику" и казначей Общества. Она будетъ также присутствовать при открытіи Отдѣла.

5 апрѣля, Ялта.

Пріѣхала Ц. Л. Гельмбольдтъ и привезла первый № „Извѣстій Р. Т. О-ва". Радостно читать этотъ новорожденный журналъ, свидѣтельствующій воочію о ростѣ теософическаго движенія и о дружной работѣ отдѣловъ.

6 апрѣля, Ялта.

Прекрасна была Пасхальная ночь... Мы провели день въ Алупкѣ, въ чудномъ Воронцовскомъ паркѣ, среди Ливанскихъ кедровъ, пальмъ и кипарисовъ, на скалистомъ берегу, омываемомъ голубыми волнами Чернаго моря. Вернулись мы поздно и насъ встрѣтила Ялта въ своемъ ночномъ убранствѣ. Тысячи огней сверкали полукругомъ надъ бухтой, и въ каждомъ саду, въ каждомъ домѣ радостно вспыхивалъ огонекъ. Прохладный, тихій вечеръ незамѣтно смѣнился ночью и все готовилось къ заутренѣ...

Сегодня солнце озаряетъ Пасхальное утро и море серебрится тысячью искрами въ его горячихъ лучахъ. По небу плывутъ облака, и вѣтеръ играетъ въ листвѣ большой магноліи у моего окна. Вся комната въ цвѣтахъ, и на окнѣ, въ большомъ пучкѣ розовыхъ незабудокъ, поставленныхъ мнѣ милой дочерью хозяйки дома, я вижу надпись: „Христосъ Воскресе!"

Передо мною раскрытая книга стихотвореній А. Хомякова. Многія окрашены глубокимъ теософическимъ настроеніемъ. Хороши заключительныя строфы „Труженика“:

...„Иду свершать въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!“...

7 апрѣля, Ялта.

Сегодня открывается нашъ отдѣлъ въ Ялтѣ.

8 апрѣля, Ялта.

Вчера, въ 4 часа былъ открытъ 6-ой Отдѣлъ Р. Т. О-ва, Ялтинскій.

Собрались члены (16 человѣкъ) и около 10 приглашенныхъ гостей.

Объявивъ I Собраніе Ялтинскаго Отдѣла открытымъ, я передала слово Е. В. Родзевичъ, которая привѣтствовала новый Отдѣлъ отъ имени Кіева, и Ц. Л. Гельмбольдтъ, которая говорила отъ имени Петербургскихъ членовъ. Затѣмъ секретарь, В. И. Потѣхинъ, прочелъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ. Я сказала рѣчь о значеніи Теософической работы и о миссіи человѣка, комментируя слова Китайскаго мудреца Конфуція; „Если человѣкъ не считаетъ себя призваннымъ къ исполненію посольства, миссіи, онъ не можетъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ“.

Послѣ моей рѣчи, предсѣдательница Ялтинскаго Отдѣла, С. В. Татаринова прочитала слово Іоанна Дамаскина (изъ Пасхальной заутрени), которое символически даетъ всю картину эволюціи человѣчества. Въ заключеніе я сказала о работѣ просвѣтленнаго духа, борящагося черезъ вѣка на пути своего восхожденія къ Богу, и закончила собраніе словами изъ „Голоса Безмолвія“:

„Облекись въ постоянство, подобно тому, кто терпитъ до конца. Твои тѣни живутъ и исчезаютъ, „познающій въ тебѣ“— пребываетъ во вѣки: онъ—тотъ, который былъ, есть и будетъ, для котораго часъ не пробьетъ никогда“.

Залъ собранія (гостинная С. В. Т., любезно предоставленная ею въ пользованіе Отдѣла) былъ убранъ бѣлыми цвѣтами. Въ большое венеціанское окно смотрѣли кипарисы, а между ними синѣли вдали крымскія горы, озаренныя вечерней зарей...

9 апрѣля, Ялта.

Вчера у насъ было закрытое Собраніе Отдѣла. Ц. Л. Гельмбольдтъ и я, мы сдѣлали докладъ о работѣ Р. Т. О-ва. Вечеръ закончился музыкой и мы разошлись въ тихомъ, глубокомъ настроеніи.

Сейчасъ уѣзжаемъ изъ Ялты.

12 апрѣля, Кіевъ.

Изъ Ялты мы [1]) ѣхали сперва моремъ, (до Севастополя), затѣмъ поѣздомъ. Въ Харьковѣ насъ встрѣтили дорогіе члены В. и А. Молокины и Б. Ю. Калларъ. В. и А. Молокины привели на вокзалъ свою маленькую 3-хлѣтнюю дѣвочку, которая привѣтствовала насъ бѣлыми цвѣтами. Въ Полтавѣ насъ встрѣтила нашъ членъ Е. Дандре. Она съ нами проѣхала до слѣдующей станціи, и мы провели этотъ часъ въ оживленной, задушевной бесѣдѣ.

Въ пятницу вечеромъ мы пріѣхали въ Кіевъ. Насъ встрѣтила группа теософовъ, и среди радостныхъ привѣтствій мы были одарены цѣлымъ снопомъ душистыхъ цвѣтовъ.

Рано утромъ я была уже на Владимірской горкѣ и любовалась разлившимся Днѣпромъ. Все цвѣтетъ, каштаны распустились и тополи наполняютъ воздухъ нѣжнымъ ароматомъ. Красиво возвышается Андрей Первозванный надъ зеленымъ берегомъ голубой рѣки...

Со вчерашняго дня началась работа. Днемъ я принимала членовъ, желавшихъ лично побесѣдовать со мною; вечеромъ у насъ было закрытое Собраніе, на которомъ мы съ Ц. Л. Гельмбольдтъ сдѣлали общій докладъ о работѣ Р. Т. О-ва. Въ заключеніе я прочла прелестную работу Е. В. Тимофеевской: „О служеніи". Члены просили меня поиграть, и нашъ вечеръ закончился музыкой. Тихо и радостно разошлись мы послѣ этого глубокаго вечера.

Хорошо было встрѣтить на собраніи пріѣхавшую изъ Греціи Н. К. Гернетъ, и Московскаго члена, С. Э. Линеву, извѣстную собирательницу русскихъ пѣсенъ.

12 апрѣля, вечеромъ, Кіевъ.

Небольшое, но уютное и нарядное помѣщеніе Кіевскаго Отдѣла полно жизни.

Сегодня засѣдало Правленіе. Мы обсуждали рядъ дѣловыхъ вопросовъ. Позже приходили отдѣльные члены для бесѣдъ.

---

[1]) Ц. Л. Гельмбольдтъ и я.

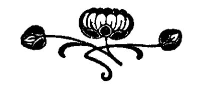
Вечеромъ открытое Собраніе привлекло довольно большую аудиторію. Мой докладъ „Путь внутренняго совершенствованія человѣка“ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Среди гостей былъ рѣчистый ораторъ, засыпавшій насъ вопросами. Что такое Истина и возможно ли ее познать? Зачѣмъ выдвигать идею долга, когда есть любовь? Не ставитъ ли Индія выше всего качество раджасъ, которое соотвѣтствуетъ западной идеѣ „la grande passion“? О какой миссіи и назначеніи человѣка говоритъ Теософія? Не можетъ ли и профессіональный воръ вообразить себѣ, что его миссія—похищать чужую собственность? Не фантазія ли вопросъ о высшей жизни для человѣка, проводящаго свою жизнь въ изнуряющемъ, физическомъ трудѣ?

Вопросы эти вызвали отвѣтную рѣчь докладчика, въ которой было выяснено истинное пониманіе „миссіи“ человѣка, какъ его высшаго назначенія, въ связи съ раскрытіемъ „высшаго Я“. Указано было также, что грѣхъ и зло міра побѣждаются только тогда, когда душа, преодолѣвъ и тамасъ и раджасъ, обрѣтаетъ совершенную гармонію сливаясь съ волею Того, Кто послалъ насъ въ міръ. Что касается до Истины, то она не можетъ еще во всей полнотѣ раскрыться воплощенному, но она раскрывается намъ все больше, и больше по мѣрѣ того, какъ мы ростемъ и къ ней двигаемся...

Съ глубокимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слушали собравшіеся поясненія предложенныхъ вопросовъ въ свѣтѣ науки Духа. Въ миломъ помѣщеніи Кіевскаго Отдѣла долго еще шла задушевная бесѣда съ друзьями Теософіи...

На слѣдующее утро, въ 9 час., большая группа теософовъ провожала скорый•поѣздъ, уносившій представителя движенія и и Ц. Л. Гельмбольдтъ въ Сѣверную Пальмиру. Уютное купе украсилось бѣлой сиренью, нарциссами и вѣтками вишневаго дерева. Еще разъ мелькнули дорогія лица, принесшія свой братскій привѣтъ отъѣзжающимъ, и поѣздъ тронулся. Понемногу яркіе пейзажи юга смѣнялись болѣе задумчивыми картинами природы, и утро слѣдующаго дня озарило, болотистыя луговины съ елями и мелкимъ кустарникомъ. Въ оврагахъ сверкалъ еще не растаявшій снѣгъ, а вѣтеръ, качавшій голыя деревья, встрѣчалъ насъ ледянымъ своимъ дыханіемъ. Далеко назадъ остался югъ съ лучезарными своими красками. Насъ привѣтствовалъ суровый сѣверъ съ хмурой своей загадочной улыбкой.

Alba.

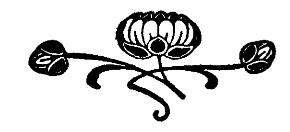


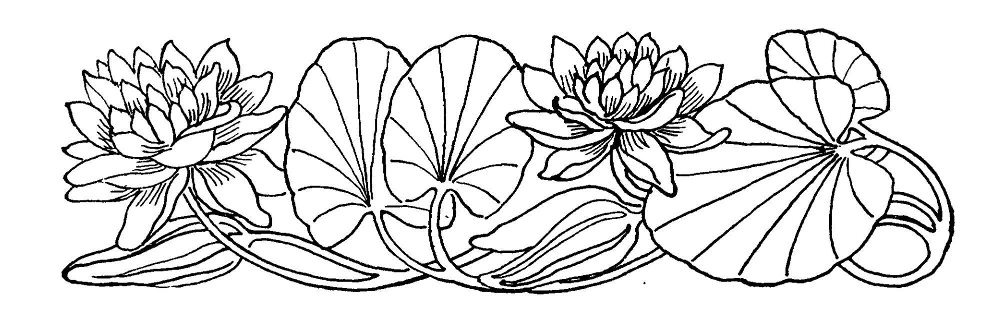
* * *

Какъ молньи тучи разсѣкая
Въ ночи удушливой сверкнутъ,
И воды на земь ниспадая,
Ей сѣмя злачное несутъ,
Такъ мысли молніей сѣкутъ
Въ душѣ застывшей скорби лаву,
И слезы бисеромъ текутъ,
Духовную являя славу.
Какъ неба сводъ лучемъ разсвѣта
Горитъ душа тѣмъ мигомъ свѣта
И неустанно ждетъ обѣта
На Слово Словомъ возсіять
И плотью—Словомъ вѣщимъ стать!

Е. Лубны-Герцыкъ.

15 января,
1913 г.





Утерянная радость.

Оливъ Шрайнеръ

Весь день Жизнь просидѣла на морскомъ берегу—тамъ, гдѣ играетъ солнечный свѣтъ.

Весь день мягкій вѣтеръ игралъ ея волосами, и юное, юное лицо смотрѣло на воду.

Она ждала, она ждала, но не знала чего.

Весь день волны набѣгали на песокъ и скатывались назадъ и съ ними катились красныя раковины.

Жизнь сидѣла въ ожиданіи весь день съ отблескомъ солнца въ глазахъ. Она здѣсь просидѣла до тѣхъ поръ, пока утомившись, не опустила голову на колѣни и не заснула, и во снѣ она все еще ждала. Раздался шорохъ, прозвучали чьи-то шаги на берегу, Жизнь проснулась и услышала. Чья-то рука коснулась ее, и сильная дрожь ее охватила.

Она подняла голову, встрѣтилась со странно и широко раскрытыми глазами Любви и Жизнь поняла, почему она здѣсь сидѣла и кого она здѣсь ждала.

И Любовь притянула къ себѣ Жизнь, и отъ этой встрѣчи родилось рѣдкое и прекрасное существо—Радость.

Первая—Радость была ея имя. Свѣтъ солнца, сіяющій подъ веселыми волнами, не такъ счастливъ.

Расцвѣтающая роза въ своемъ отвѣтѣ первой ласкѣ солнца не такъ прекрасна.

Нѣжный пульсъ ея бился быстро, она была такой теплой, такой мягкой, она никогда не говорила, не смѣялась, и играла на солнцѣ: и Любовь и Жизнь сильно радовались. Онѣ объ этомъ не шептали, но каждая въ глубинѣ сердца говорила: она будетъ нашимъ на вѣкъ.

Затѣмъ пришло время черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ (Любовь и Жизнь не измѣряютъ времени), когда это существо стало не тѣмъ, чѣмъ было.

Оно все еще играло и смѣялось и срывало красныя ягоды, но иногда маленькія руки опускались устало и дѣтскія глаза смотрѣли печально на воду.

И Жизнь и Любовь не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза, не смѣли сказать: что съ нашей Радостью.

Сердца шептали про себя: ничего, завтра она снова будетъ смѣяться. Но завтра и послѣ завтра приходили, они продолжали свой путь и ребенокъ игралъ возлѣ нихъ, но дѣлался все печальнѣй.

Однажды Жизнь и Любовь легли отдохнуть и заснули. Когда онѣ проснулись—она ушла. Лишь рядомъ съ ними на травѣ сидѣлъ маленькій чужестранецъ съ широко раскрытыми глазами, очень нѣжными и грустными. Никто не замѣчалъ его. Онѣ пошли отдѣльно другъ отъ друга и горько плакали:—о наша Радость, о утерянная Радость. Неужели мы тебя никогда не увидимъ.

Маленькій чужестранецъ съ нѣжными грустными глазами просунулъ свои ручки въ ихъ руки и притянулъ ихъ ближе другъ къ другу. И Жизнь и Любовь продолжали итти съ нимъ вмѣстѣ дальше. Когда Жизнь съ тоскою оглядывалась на него, она видѣла отраженіе своихъ слезъ въ его кроткихъ глазахъ. И когда Любовь, безумная отъ страданій, восклицала: я устала, я устала, я дальше не могу итти, свѣтъ остался позади, впереди мракъ одинъ—тогда маленькій розовый мальчикъ указывалъ на свѣтъ солнца, догоравшаго на холмахъ, и всегда большіе глаза его были грустны и задумчивы, и всегда тихая улыбка была на маленькихъ его смѣлыхъ губахъ.

Когда Жизнь рѣзала ноги свои объ острые камни, онъ утиралъ кровь ея своей одеждой и цѣловалъ раненныя ноги. Когда въ пустынѣ Любовь падала, изнемогая (ибо даже Любовь иногда изнемогаетъ), онъ бѣжалъ босыми ножками по горячему песку, и даже здѣсь ,въ пустынѣ, онъ находилъ воду въ расщелинахъ скалъ и ею орошалъ уста Любви. Онъ не былъ бременемъ для нихъ, онъ былъ имъ только помощью на пути. Когда они пришли къ темному оврагу, гдѣ со скалъ сваливались льдины—ибо Любовь и Жизнь должны пройти черезъ странныя пустынныя мѣста—тамъ, гдѣ холодно, и гдѣ густо лежитъ снѣгъ, онъ взялъ ихъ замерзающія руки, прижалъ ихъ къ бьющемуся своему сердечку, согрѣлъ ихъ и нѣжно повелъ дальше.

И когда они затѣмъ пришли въ страну солнцъ и цвѣтовъ— большіе глаза странно сверкнули и личико расцвѣло въ улыбку. Весело смѣясь онъ побѣжалъ по мягкой травѣ. Онъ принесъ меду имъ изъ дупла въ своей ручкѣ. Собралъ и принесъ воды въ листьяхъ лиліи и съ нѣжнымъ смѣхомъ убралъ ихъ головы цвѣтами. Онъ касался ихъ такъ же, какъ когда-то ихъ касалась Радость. Но его пальчики были нѣжнѣе.

Такъ они шли черезъ темныя и свѣтлыя мѣста, между ними всегда шло это маленькое улыбающееся, мужественное существо. Иногда онѣ вспоминали свою сіяющую первую Радость и шептали: о, еслибъ имъ только найти ее снова.

Наконецъ они пришли къ мѣсту, гдѣ сидитъ Размышленіе. Это странная старуха, которая всегда держитъ подбородокъ въ рукѣ, опираясь на колѣно, и которая ловитъ свѣтъ прошлаго, чтобы озарять имъ будущее.

Жизнь и Любовь воскликнули: о мудрая, скажи намъ, когда мы впервые встрѣтились, у насъ было очаровательное сіяющее существо, Радость, Радость безъ единой слезы—солнца свѣтъ безъ единой тѣни. О, за какой грѣхъ мы ее потеряли, куда идти намъ, чтобы найти его?

А мудрая старая женщина отвѣтила: „ради того, чтобы вернуть его, отдадите ли вы то существо, что шествуетъ съ вами теперь".

И въ ужасѣ Любовь и Жизнь воскликнули—нѣтъ!

Отдать это существо?—сказала жизнь. А кто же исцѣлитъ меня, когда поранятъ меня терніи, и кто положитъ свои нѣжныя руки на мою голову, когда она будетъ мучительно болѣть, кто въ холодную ночь согрѣетъ мое остывшее сердце?

И Любовь воскликнула: „лучше мнѣ умереть, безъ Радости я могу жить, но безъ этого существа я не могу. Лучше мнѣ умереть, чѣмъ потерять его".

Мудрая старуха отвѣтила: О, безумныя и слѣпыя, вѣдь то, что у васъ было когда то, вы имѣете теперь. Когда Любовь и Жизнь впервые встрѣчаются, рождается сіяющее существо безъ единой тѣни. Когда путь становится каменистымъ и тѣни сгущаются, когда дни становятся тяжелыми, а ночи холодными и длинными, тогда оно начинаетъ измѣняться. Любовь и Жизнь не хотятъ видѣть этого и знать. Но настаетъ день и онѣ вдругъ восклицаютъ: „о Боже, Боже мы потеряли его, гдѣ оно"! Онѣ не понимаютъ, что онѣ не могли бы съ собой взять смѣющееся су-

щество въ пустыню, морозъ и снѣгъ, если бы оно не измѣнилось. Онѣ не знаютъ, что съ ними рядомъ идетъ все та же Радость, ставшая старше. Серьезное, нѣжное, кроткое существо, безстрашное въ самой жгучей пустынѣ, излучающее тепло средь самыхъ холодныхъ снѣговъ, называется Сочувствіемъ.

Это есть Совершенная любовь.

Перев. **А.**



Только Господь Богъ есть Богъ, а нѣтъ никого кромѣ Него.

(Второзаконіе).

А Господь есть Истина; Онъ есть Богъ живый и Царь вѣчный.

(Пр. Іеремія).

Я сказалъ: вы боги, и сыны Всевышняго— всѣ вы.

(Пс.).

Чѣмъ кто согрѣшаетъ, тѣмъ и наказывается

(Прем. Солом.).

Сѣйте себѣ въ правду и пожните милость,

(Пр. Осіи).

Не одинъ-ли у всѣхъ насъ Отецъ? Не одинъ-ли Богъ сотворилъ насъ?

Почему-же мы вѣроломно наступаемъ другъ противъ друга, нарушая тѣмъ завѣтъ отцовъ нашихъ?

(Малах.).

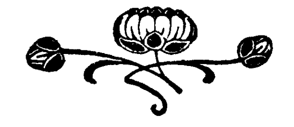


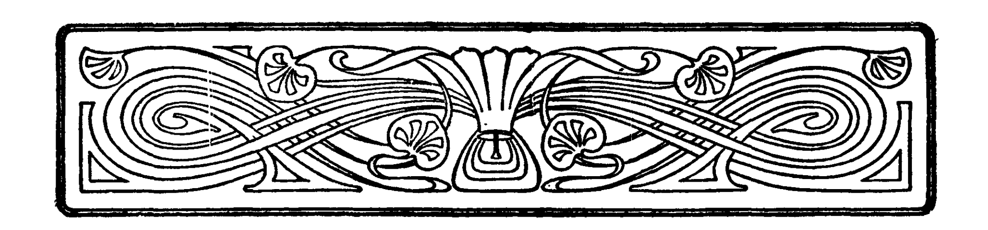


Ельникъ.

Скорѣй, скорѣй въ зеленый стройный рядъ,
Я съ вами, наконецъ, родныя ели!
Люблю простой, изящный вашъ нарядъ,
Задумчивый, какъ вешній звукъ свирѣли.
Вокругъ, приникнувъ, дремлетъ тишина,
Чуть слышится дыханье сонной вѣтки,
Пушистая чаруетъ пелена,
Раскинувшись по струямъ темной сѣтки.
Таинственный, но близкій сердцу міръ
Люблю любовью дѣтской и спокойной.
Покой, желанье жить и сладкій миръ
Мнѣ льется въ душу съ этой вѣтки стройной.
Волнуетъ сердце чувствомъ красоты
Намъ ласка дѣтская любовью ясной,—
Такъ, вѣстницы любви и простоты,
Вы вѣчной свѣжестью своей прекрасны.

Е. Лусемъ.





О служенiи *).

При Россiйскомъ теософическомъ обществѣ образовался кружокъ, который называется „Лигой радости и служенiя". Его уставъ помѣщенъ въ Вѣстникѣ Теософiи за февраль 1914 г.

Образовался онъ для того, чтобы внести хоть немного радости въ жизнь уличныхъ дѣтей, больныхъ и нѣкоторыхъ другихъ обездоленныхъ. Другой можетъ быть болѣе важной задачей кружка является коллективная разработка тѣхъ вопросовъ служенiя, которые каждому приходится въ жизни рѣшать единолично.

Въ истекшемъ году была попытка создать Лигу радости, какъ нѣчто самостоятельное. Одновременно другая группа лицъ хотѣла создать кружокъ, который вдохновлялся бы одной идеей служенiя. Лига радости и служенiя объединяетъ то и другое начинанiе, но конечно для желающихъ примкнуть къ ней не обязательно принять сразу ту и другую идею кружка—достаточно сочувствовать одной изъ нихъ, чтобы сдѣлаться членомъ кружка.

На предварительномъ совѣщанiи С. П. Тимофеевская обратилась къ присутствующимъ съ призывомъ работы для тѣхъ, чья темнота сознанiя лежитъ пятномъ на нашей совѣсти. Сущность ея обращенiя сводится къ тому, чтобы мы, не теряя времени, зажигали огоньки дѣятельной и продуманной любви въ той обстановкѣ, въ которой мы живемъ.

„Каждому проходящему по улицамъ Петербурга, говоритъ она, приходится наталкиваться на жалкую фигуру голоднаго, полуодѣтаго человѣка, съ измученнымъ лицомъ, робко протягивающаго руку и вмѣстѣ съ тѣмъ, озирающагося: нѣтъ ли гдѣ по близости городового. Невыразимо тяжелое чувство собственной безпомощности и вины воз-

*) Докладъ, прочитанный въ закрытомъ собранiи Россiйскаго Теософическаго общества.

никаетъ при этомъ, а если еще встрѣчаются дѣти или матери съ грудными дѣтьми на рукахъ, то эта безпомощность доходитъ до отчаянія, а затѣмъ видъ роскошныхъ магазиновъ окончательно убиваетъ.

И только придя домой опомнишься и одумаешься. Но не радостнѣе и не успокоительны эти думы". „Теософія", продолжаетъ она „говоритъ, что придетъ время, когда не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, когда мы всѣ будемъ настоящими братьями".

Далѣе авторъ предлагаетъ ускорить приближеніе этого братства усиленной работой любви.

„Каждому, зажегшему въ своемъ сердцѣ огонекъ любви, этотъ огонекъ покажетъ, что ему сдѣлать, освѣтитъ все, научитъ, какъ къ кому подойти, не задѣвая самолюбія, не оскорбляя, не осуждая.

Огонекъ подскажетъ одному дать хорошую книгу, съ другимъ поговорить. Попадутся и такіе субъекты, съ которыми не мало нужно будетъ любви и терпѣнія. Но огонекъ будетъ разгораться, и все больше и больше людей будетъ грѣться около него. Главное свойство этого огонька будетъ то, что его и видно не будетъ, и знать его будутъ только тѣ, кто нуждаются въ немъ. Будутъ также и такіе, которые, согрѣвшись у этого огонька, зажгутъ свою собственную свѣчечку и понесутъ ее дальше. Подумайте, если много такихъ огоньковъ загорится въ Петербургѣ.

Пройдетъ нѣкоторое время, думаю недолгое. И придутъ къ намъ маленькимъ скромнымъ работникамъ большіе люди, морально и матеріально. Они зажгутъ большіе костры, которые освѣтятъ пріюты и школы для дѣтей, работные дома и популярныя лекціи для взрослыхъ".

На томъ же собраніи Л. П. Статсбадеръ предложила включить въ задачи кружка идею взаимопомощи.

А. В. Унковская высказала ту мысль, что трудъ радости требуетъ большой продуманности, требуетъ развитія художественнаго чутья.

Трудъ радости долженъ облагородить и внести красоту въ самыя обыденныя формы, среди которыхъ мы живемъ. Мы должны приложить усилія къ тому, чтобы отстоять радостность въ самихъ себѣ, а также приложить усилія, чтобы была гармонична обстановка нашихъ жилищъ и самая наша внѣшность.

Кружокъ предполагаетъ имѣть дѣловыя собранія и нѣсколько свободныхъ бесѣдъ посвященныхъ вопросамъ служенія. Мы хотѣли бы коснуться такихъ вопросовъ, какъ служеніе въ семьѣ, переоцѣнить отношенія къ прислугѣ и заняться разработкой ближайшихъ и доступныхъ для кружка видовъ служенія.

Въ виду недостатка средствъ, служеніе свое мы можемъ начать только съ тѣхъ формъ дѣятельности, которыя въ Теософическомъ обществѣ являются уже традиціонными.

На Пасху предполагается сдѣлать обходъ больныхъ Обуховской больницы съ цвѣтами, чаемъ и конфектами, сдѣлать розговѣнье для дѣтей улицы и вечеръ для прислуги.

Въ Обуховской больницѣ на Рождество больные хроники ждали тѣхъ, которые каждый годъ приносятъ имъ цвѣты. Было бы очень желательно расширить этотъ праздникъ и принести игрушекъ больнымъ дѣтямъ.

На нашей рождественской елкѣ были вполнѣ удовлетворены 65 человѣкъ дѣтей.

Праздникъ для прислуги состоялъ въ елкѣ для нихъ и чаѣ. Благодаря единодушнымъ усиліямъ участниковъ этого вечера, натянутости не было и наши гости были очень довольны. Въ заключеніе они пропѣли намъ нѣсколько хорошихъ русскихъ пѣсенъ.

Наша прислуга, помогая намъ въ повседневной жизни, имѣетъ конечно право на то, чтобы мы, приложивъ нѣкоторый трудъ, дали бы ей хоть два вечера въ году радостнаго и хорошаго отдыха.

Мнѣ кажется, что работа лиги, даже въ настоящемъ ея видѣ, не есть уклонъ отъ общей теософической работы.

Устройство такихъ праздниковъ требуетъ большой продуманности, для того, чтобы углубить ихъ значеніе, сдѣлать ихъ полнѣе и радостнѣе.

И еще одно большое значеніе этихъ праздниковъ, какъ показалъ опытъ, состоитъ въ томъ, что къ нимъ съ большимъ интересомъ и бо́льшою по́льзой для себя подходятъ наши дѣти.

Дальнѣйшая дѣятельность кружка выработается, вѣроятно, въ какую либо одну опредѣленную форму: можетъ быть это будетъ удешевленная вегетаріанская столовая, можетъ быть воскресная школа.

Пожертвованія можно дѣлать всегда на имя Общества. Пожертвованія вещами, книгами и игрушками можно направлять къ С. П. Тимофеевской: Литейный 15. кв. 33.

Въ программу кружка входитъ теоретическая разработка вопросовъ служенія, поэтому въ своемъ сообщеніи я позволяю себѣ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ служенія въ освѣщеніи Евангелія.

Наканунѣ крестныхъ страданій Спасителя одинъ изъ учениковъ Его обратился къ нему съ просьбой:

„Господи, покажи намъ Отца—и довольно съ насъ“.—Спаситель отвѣтилъ: „Видѣвшій Меня—видѣлъ Отца—какъ же ты говоришь „покажи намъ Отца. (Іоаннъ 14. 8, 9).

Такъ въ явленіи Богочеловѣка Спаситель утверждаетъ самое высокое явленіе міру Отца.

И единый съ Отцомъ пришелъ, чтобы служить людямъ.

„Сынъ человѣческій" говоритъ Онъ „пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ".

И предъ нами встаетъ непрерывное въ теченіе трехъ лѣтъ Его служеніе людямъ.

Его осаждаютъ больные тѣломъ и Онъ исцѣляетъ ихъ, служа такимъ образомъ страдающему человѣческому тѣлу.

Но исцѣляя недугъ, Онъ несетъ обновленіе и миръ духу человѣка, такъ какъ „Онъ исцѣлилъ всего человѣка".

Его осаждаютъ любопытныя, легко слушающія и легко забывающія слово Его толпы народа.

Имъ несетъ Онъ благую вѣсть любви, милосердія и мира.

Съ Нимъ также тѣ, кто призналъ Его Мессіей, тѣ которые хотятъ идти путемъ Его и Онъ оживляетъ ихъ.

„Сынъ оживляетъ кого хочетъ". (Іоаннъ, 5. 21).

И еще Спаситель говоритъ такъ: „Я пришелъ, чтобы имѣли жизнь и имѣли ее съ избыткомъ. (Іоаннъ, 10. 10).

Это оживленіе—есть обращеніе въ самыя сокровенныя глубины человѣческаго я.

Въ немъ есть призывъ къ раскрытію этого я.

„Отвергнись себя" взываетъ Спаситель къ человѣку, способному отдѣлить свое высшее я отъ низшаго.

Онъ взываетъ къ человѣку, единому въ своемъ устремленіи къ Богу, человѣку свободному отъ привычныхъ вліяній тѣхъ близкихъ, съ которыми онъ сжился. (Лука, 14. 26).

Онъ взываетъ къ переоцѣнкѣ жизни и къ переоцѣнкѣ самой души.

„Сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу ради Меня, сбережетъ ее". (Матѳей, 10. 39).

И образъ Богочеловѣка встаетъ предъ нами единый съ Отцемъ.

Онъ одинъ въ пустынѣ во всемъ величіи своей аскезы, опредѣляющій свою борьбу съ княземъ міра сего и побѣждающій его.

Онъ одинъ пришедшій къ людямъ, чтобы отдать за нихъ душу.

Онъ одинъ въ рѣшеніи своемъ взойти на крестъ; одинъ въ страданіяхъ суда и Галгофы и одинъ въ сознаніи своей побѣды.

Единый съ Отцомъ. Онъ такъ говоритъ ученикамъ о своей побѣдѣ подъ міромъ: „вы разсѣетесь каждый въ свою сторону и Меня оставите одного, но Я не одинъ, потому что Отецъ со мною. Сіе сказалъ Я вамъ, что бы вы имѣли во Мнѣ миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ. (Іоаннъ, 16. 32).

Имъ, которыхъ далъ Ему Отецъ, раскрылъ Онъ высоты духовности. Имъ далъ Онъ пережить себя во славѣ, имъ далъ Онъ познаніе любви и радости его совершенной и имъ далъ Онъ то познаніе истины, которое сдѣлало ихъ свободными.

Лучи любви и свѣта, зажегшіе души апостоловъ, лились на все человѣчество, но не всѣ раскрыли себя навстрѣчу имъ.

Многіе же раскрылись только на мгновеніе. Ими озарились нѣкоторые изъ тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, которымъ легче было признать Спасителя сквозь призму ихъ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ, чѣмъ тѣмъ, чьи очи навѣки остались ослѣпленными ложной мудростью.

Чутко и любовно звучитъ поддержка Спасителя тѣмъ, кто рѣшается подойти къ нему ближе „вѣруй только", „дерзай", „прощаются тебѣ грѣхи твои".

„Кто прикоснулся къ моей одеждѣ" обращается Спаситель къ толпѣ, такъ какъ почувствовалъ силу исшедшую отъ Него. (Маркъ, 5. 30).

Онъ не можетъ не дать своей силы тому, кто дерзновенный въ своемъ устремленіи захочетъ коснуться Его.

„О женщина" говоритъ Онъ хананеянкѣ—„велика вѣра твоя—да будетъ по желанію твоему". (Матѳ., 15. 28).

Получить „по желанію", „по неотступности" могутъ даже тѣ, кто призналъ Господа сквозь призму своихъ физическихъ страданій.

Предъ нами встаетъ образъ Спасителя и грѣшницы, которую хотѣли побить камнями.

Онъ, спасшій ей жизнь а не осудившій ее злымъ человѣческимъ судомъ остался съ нею одинъ.

Имъ полна душа ея и Спаситель велитъ женщинѣ начать новую жизнь.

Вплоть до послѣднихъ минутъ Его служенія проходитъ эта бережность обращенія съ личностью.

„Другъ" говоритъ Спаситель Іудѣ „для чего ты пришелъ". (Матѳей, 26. 50).

Слугѣ, ударившему Его на судѣ Спаситель говоритъ „если Я сказалъ худо покажи, что худо, а если хорошо, что ты бьешь меня. (Іоаннъ, 18. 23).

Не удостаивающій отвѣтомъ своихъ суровыхъ обвинителей Спаситель обращается къ совѣсти раба, можетъ быть случайнаго участника Его страданій.

Смущенному и колебкющемуся Пилату Спаситель говоритъ: „болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ. (Іоаннъ, 19. 11).

Такъ бережно обращается спаситель съ личностью. Глубоко проникая въ душу человѣка Онъ всегда щадитъ ея право самодѣятельности.

Предъ нами встаютъ образы тѣхъ, кто ожили, чья самодѣятельность шла навстрѣчу любви Спасителя.

Ожилъ мытарь, выработавшійся въ апостола.

Ожила блудница, осмѣлившаяся переступить порогъ богатаго дома, чтобы омыть слезами ноги Спасителя.

Даже калѣки и одержимые находили въ себѣ силы, чтобы воздать хвалу Ему.

„Я видѣлъ тебя подъ смоковницей“, говоритъ Спаситель будущему апостолу, и пораженный проникновеніемъ въ душу человѣкъ въ восторгѣ отвѣчаетъ: „Равви, ты сынъ Божій, ты царь Израилевъ“. (Іоаннъ, 1. 48, 49).

Оживить свою душу и близкихъ—развѣ это не самая большая задача каждаго изъ насъ. Каждый, осуществляющій въ своей жизни служеніе, хочетъ всегда создать нѣчто большее, тѣмъ то, что обыкновенно удается ему и тяжело звучатъ слова людей: „ничего не вышло“.

Мы часто даже не можемъ опредѣлить, что такое это „ничего“. Мы только чувствуемъ, что не вышло что-то большое, чего въ тайникахъ души мы такъ хотѣли.

Предъ нами, какъ грустная тѣнь, проходитъ образъ богатаго юноши, у котораго ничего не вышло изъ встрѣчи его съ Господомъ.

„Учитель благій“ говоритъ юноша, „что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную“. Юноша говоритъ, что уже исполнилъ отъ юности всѣ заповѣди. (Лука, 18. 18).

Спаситель, намѣчая ему слѣдующую ступень эволюціи—велитъ перемѣнить образъ жизни. Смущенный юноша уходитъ.

Спаситель не принялъ его исповѣданія. На обращеніе „учитель благій“—онъ отвѣчаетъ: „что называешь меня благимъ, никто не благъ, какъ только одинъ Богъ“.

Очевидно въ содержаніе своего обращенія юноша не вложилъ любви и вѣры раскрывшейся души.

Исповѣданіе Спаситель принялъ отъ того апостола, который возлюбилъ Его больше другихъ, несмотря на всѣ свои отреченія. Исповѣданіе принялъ Онъ отъ блудницы, возлившей на ноги Его драгоцѣнное мvро, и отъ той мудрой дѣвушки, которая оставивъ все, умѣла слушать Его.

Исповѣданіе въ мимолетномъ порывѣ, въ крикѣ „Осанна въ вышнихъ", Онъ принялъ отъ той толпы, которой такъ много послужилъ.

Душа, нашедшая своего Господа и ожившая не можетъ не исповѣдывать Его, хотя бы это былъ только мимолетный порывъ.

Мнѣ думается, что моментъ исповѣданія жилъ въ сердцахъ, соприкоснувшихся со Спасителемъ, какъ моментъ величайшаго счастья ихъ жизни. Ихъ души, озаренныя близостью къ нимъ высочайшей сущности, полны были живымъ ощущеніемъ любви Его и несли Ему ликующую пѣсню души своей,—свое исповѣданіе.

Міръ ожилъ подъ вліяніемъ благой вѣсти и радостность исповѣданія имѣетъ однимъ изъ обоснованій то, что высокая духовная сущность, взывая къ вѣрѣ людской, сама приноситъ въ міръ глубокую вѣру въ человѣка и даруетъ человѣку исповѣданіе его духовныхъ силъ.

Она хранитъ его личность и въ самый смертный часъ свой, самыхъ мучителей своихъ озаряетъ свѣтомъ прощенія въ словахъ: „прости имъ Отче, ибо не вѣдаютъ, что творятъ".

Предъ нами прошли различныя степени исповѣданія.

Группа богатырей духа, которымъ „дано было отъ Отца", прошедшая всю школу Его, познавшая всѣ мудрость и любовь Его проноситъ свое исповѣданіе чрезъ всю послѣдующую жизнь и самую смерть.

Другіе способны только на минутный порывъ,

Но нѣтъ такихъ, которые не были бы призваны къ исповѣданію.

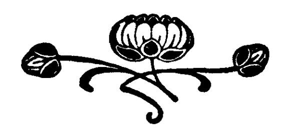
Пусть же развиваются и постигаютъ безконечныя высоты духа тѣ, которымъ много дано, которые могутъ высоко держать надъ міромъ свои свѣтильники, но каждый, какъ бы ограничены ни были его способности, является отвѣтственнымъ за брата, остающагося слѣпымъ и глухимъ къ порыву исповѣданія.

Въ словахъ Спасителя міру прозвучалъ призывъ къ раскрытію духовнаго я, призывъ къ самодѣятельности, къ творчеству личнаго Богопознанія, такъ какъ только сознавшій свое право на индивидуальное Богопознаніе можетъ быть свободенъ въ свѣтѣ

озарившей его истины. Эта свобода налагаетъ на насъ величайшую отвѣтственность за тотъ духовный обликъ, который несемъ мы, желающіе служить людямъ, такъ какъ этотъ духовный обликъ есть самый большой факторъ въ работѣ оживленія людей.

Объединимся же въ радостной увѣренности собственнаго возрожденія и возрожденія окружающихъ насъ людей, зная что нѣтъ человѣка, который хотя бы въ мимолетномъ порывѣ ожившей души не могъ бы присоединиться къ клику человѣчества: „Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне“.

Е. Тимофеевская.



И встрѣтили его ангелы Божіи: Іаковъ,—увидѣвъ ихъ, сказалъ: „Это ополченіе Божіе“.

(Бытіе).

Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ. Хвалите Его, всѣ ангелы Его, Хвалите Его, всѣ воинства Его.

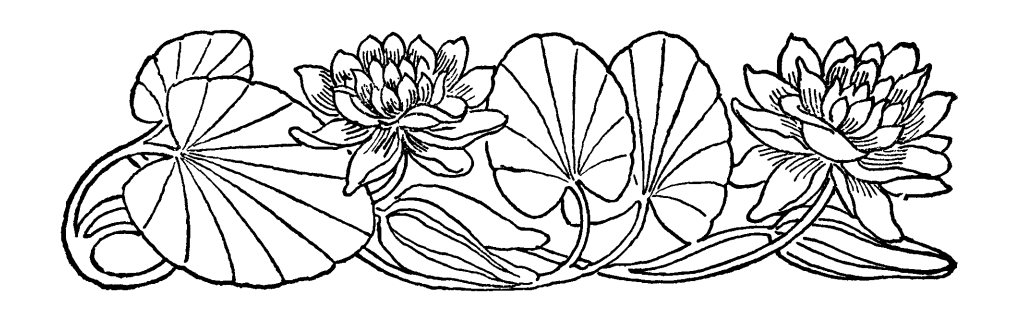
(Псал.).

Духъ Господа Бога на Мнѣ.

Вотъ Отрокъ Мой, Котораго я держу за руку, избранный Мною, къ Которому благоволитъ душа Моя. Положу Духъ Мой на него.

(Пр. Исаія).





Обозрѣніе теософической литературы.

Ч. Ледбитеръ выясняетъ намъ въ апрѣльскомъ номерѣ „Theosophist'a въ статьѣ: „Теософическое отношеніе къ жизни", въ чемъ состоитъ это отношеніе и чѣмъ оно отличается отъ настроенія людей, не принимающихъ теософическихъ доктринъ. Это теософическое настроеніе—первое, въ чемъ нуждается теософъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ его послѣ всего остального, вслѣдствіе того, что оно не усваивается чтеніемъ и его нельзя выучить какъ урокъ; это нѣчто такое, до чего человѣкъ постепенно дорастаетъ путемъ изученія имъ Теософіи и, главнымъ образомъ, путемъ усилій осуществлять ее на практикѣ".

Теософія есть философія, религія и наука; философія—потому что она даетъ намъ цѣлесообразную и удовлетворительную теорію состава и смысла вселенной; религія —потому что она говоритъ о Богѣ, объ его отношеніи къ человѣку и о волѣ Его относительно нашего прогресса; наука, — потому что она полагаетъ свои ученія не только какъ отвлеченныя теоріи, а какъ заключенія, выведенныя изъ многократно наблюдаемыхъ фактовъ.

„Религія, говоритъ авторъ, стоитъ обыкновенно въ сторонѣ отъ жизни, и мало кто серьезно пытается провести въ жизни ея ученія. Христіанинъ, исполняющій заповѣди Христа, является величайшею рѣдкостью. То же самое наблюдается и среди другихъ вѣроисповѣданій. Въ области же науки наблюдается обратное. Человѣкъ, знающій опредѣленный научный фактъ, какъ напримѣръ что огонь жжетъ, дѣйствуетъ сообразно съ этимъ фактомъ. Между тѣмъ, человѣкъ можетъ исповѣдывать самыя возвышенныя религіозныя убѣжденія и дѣйствовать прямо противоположно имъ. Это странное явленія происходитъ отъ того, что вѣра людей бываетъ лишь очень поверхностна.

Теософъ и отличается отъ не теософа тѣмъ, что его философія, наука и религія настолько глубоко проникаетъ въ его сознаніе, что онъ всю свою жизнь перестраиваетъ сообразно съ ихъ велѣніями. И въ виду того, что эти велѣнія являются законами природы, человѣкъ, пріобрѣвшій теософическое настроеніе и міровоззрѣніе, не можетъ уже утратить ихъ, хотя это, конечно, не исключаетъ возможности частыхъ неудачъ при осуществленіи намѣченнаго идеала".

Пріобрѣтается же теософическое настроеніе путемъ внѣдренія въ глубину сознанія трехъ великихъ истинъ: Богъ добръ, человѣкъ безсмертенъ; и что онъ посѣетъ, то и пожнетъ. Если эти истины проведены черезъ сознаніе, онѣ неминуемо измѣняютъ отношеніе къ цѣлому ряду явленій, причиняющихъ тяжкія нравственныя страданія и порождаютъ ясное и спокойное состояніе духа.

Г. Санджива Рао въ статьѣ: „Воспитаніе" занимается вопросомъ о воспитаніи мальчиковъ въ переходный возрастъ и дѣлитъ дѣтей согласно ихъ темпераменту, на три категоріи, требующія различнаго къ себѣ отношенія.

Первый типъ включаетъ мальчиковъ съ властнымъ характеромъ, дѣятельныхъ, энергичныхъ, коноводовъ во всевозможныхъ затѣяхъ. Для нихъ чрезвычайно полезенъ спортъ, физическій трудъ, и наряду съ этимъ слѣдуетъ предоставлять имъ организаціонную работу, представительство, защиту младшихъ мальчиковъ, вообще веденіе отвѣтственныхъ дѣлъ. Воспитатель долженъ ставить идеаломъ передъ ними дисциплину, послушаніе, лояльность, вѣрность, какъ подготовленіе къ роли лидеровъ въ будущемъ.

Они должны читать біографіи великихъ героевъ, приносившихъ большія жертвы, предпочитавшихъ идти на мученія, чѣмъ произнести ложь.

Вторая категорія включаетъ мальчиковъ, наиболѣе страдающихъ во время переходнаго возраста, глубоко и сильно чувствующихъ и склонныхъ къ сентиментальности. Рѣзкость ихъ отталкиваетъ; зато они привязываются къ тѣмъ, кто съ ними мягокъ и добръ. Довѣріе и уваженіе къ нимъ со стороны воспитателя вызываетъ въ нихъ расцвѣтъ всего лучшаго, что есть въ ихъ душѣ. Конкретный идеалъ привлекаетъ ихъ больше отвлеченнаго совершенства, и пищей которой, должны питаться эти дѣти, являются поэзія, литература, біографіи святыхъ и подвижниковъ.

Третій типъ — интеллектуальный, для развитія котораго ненеобходимо поощреніе умственныхъ интересовъ.

Неудовлетворительность результатовъ воспитательной системы въ наше время зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что воспитатели не даютъ достаточной пищи идеальнымъ стремленіямъ мальчиковъ и они, не находя во внѣшнемъ мірѣ осуществленіе сокровеннымъ порывомъ сердца, обращаются къ болѣе низкимъ эмоціямъ и становятся суровыми, циничными и холодными или же проявляютъ склонность вдаваться въ эксцессы сексуальнаго характера.

Органъ Теософическаго о-ва въ Бирмѣ,—„The Message of Theosophy" даетъ цѣлый рядъ статей мистическаго содержанія. Въ одной изъ нихъ, озаглавленной „Совершенное мышленіе или настроеніе", авторъ ясно опредѣляетъ, что такое настроеніе: „Прежде всего,—говоритъ авторъ,—правильное мышленіе есть свойство спокойно и ясно отворачиваться отъ всего, что можетъ предложить намъ міръ". Иногда это называется отреченіемъ, что совершенно неправильно, такъ какъ подъ отреченіемъ подразумѣвается страданіе; тогда какъ человѣкъ, правильно мыслящій, ни отъ чего не отрекается, скорѣй мірскія заботы и стремленія сами отпадаютъ отъ него, и человѣкъ чувствуетъ себя точно путешественникъ, съ плечъ котораго скатилась тяжесть, задерживавшая его на пути. Процессъ этотъ сопровождается только радостью, подобно тому какъ человѣкъ, бережно хранившій горку мѣдныхъ монетъ, радуется, когда взамѣнъ ихъ ему даютъ такую же горку золота.

Человѣкъ, который пріобрѣлъ это совершенное мышленіе и настроеніе несомнѣнно страдаетъ, но страдаетъ онъ уже не за себя, а за тѣхъ людей, которые находятся еще въ тискахъ ими же созданныхъ горестей и гнетущихъ заботъ; онъ весь полонъ стремленіемъ облегчить эти страданія и помочь людямъ выпутаться изъ обволакивающихъ ихъ сѣтей.

И тутъ съ нимъ происходитъ перемѣна; до тѣхъ поръ потокъ его энергіи направленъ былъ на удовлетвореніе личныхъ его желаній, хотя бы и очень утонченныхъ; онъ вращался въ замкнутомъ кругу личной жизни, и какъ вода въ пруду склоненъ былъ вызывать къ жизни вредныя произрастанія; по мѣрѣ же культивированія правильнаго настроенія энергія эта, заключенная въ узкій кругъ личныхъ интересовъ начинаетъ освобождаться и направляться на путь служенія интересамъ всего міра, стремясь придвинуть его хотя бы на одинъ шагъ ближе къ цѣли.

При этомъ человѣкъ работаетъ, главнымъ образомъ въ мірѣ мысли, причемъ она нерѣдко работаетъ невидимая для міра. Ему надлежитъ совершенствовать, укрѣплять, очищать міръ идей, слу-

жащій основаніемъ міра дѣйствій, составляющаго достояніе мірянина, завершающаго въ немъ свою миссію, не менѣе необходимую для стройности міровой жизни. Человѣку, достигшему правильнаго мышленія, надлежитъ вливать въ текучія воды потока мысли, формующаго вселенную, всю свѣжесть и чистоту, которую онъ вырабатываетъ въ себѣ, съ тѣмъ, чтобы воды эти стали чище и свѣжѣе; ему надлежитъ оставаться любящимъ среди ненавидящихъ; безстрашнымъ среди боязливыхъ; цѣломудреннымъ среди развратныхъ, не для себя, а для того лишь, чтобы помочь имъ сбросить съ себя путы ненависти, страха и разврата и вкусить всей сладости свободы.

Итакъ, резюмируетъ авторъ, правильное мышленіе и настроеніе во всей своей полнотѣ есть отказъ отъ всего личнаго, въ связи съ любовнымъ отношеніемъ ко всему сущему, и работа въ области причинъ, т. е. въ царствѣ мысли.

Послѣдній номеръ *Vâhan'*а, органа англійскаго Теософическаго о-ва, отмѣчаетъ образованіе въ Лондонѣ интересной Лиги, служащей несомнѣнно знаменіемъ временъ. Она называется „Лигой европейскаго единства“, основана сэромъ Максомъ Вехтеромъ и имѣетъ своей цѣлью образованіе федераціи изъ европейскихъ государствъ и обращеніе коллоссальныхъ суммъ, истрачиваемыхъ на вооруженіе, на осуществленіе реформъ.

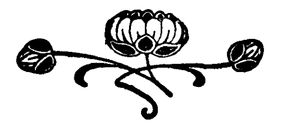
„Bolletino della Sezione teosofica italiana“ даетъ намъ подробный разборъ книги католическаго священника Гратри, профессора въ Сорбоннѣ и члена Французской Академіи, озаглавленной: „Les Sources“—„Источники“. Она содержитъ настолько интересныя и родственныя теософіи мысли, что мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя цитаты изъ нея. Первая глава ея называется „Безмолвіе и утренняя работа“, и въ ней авторъ развиваетъ ту мысль, что, обладаніе мудростью пріобрѣтается цѣною тяжелыхъ жертвъ. Надо быть готовымъ пожертвовать всѣмъ безъ исключенія во имя справедливости и истины. И кто готовъ это сдѣлать, тотъ долженъ сказать твердо и опредѣленно: „Учитель, говори, я слушаю тебя“. Но слушать можетъ только тотъ, кто способенъ *молчать.* А кто изъ насъ умѣетъ молчать?“ Человѣкъ образованный цѣлый день слушаетъ другихъ или самъ говоритъ, и даже, когда онъ одинъ, его одиночество наполнено цѣлой арміей книгъ, мыслей своихъ и чужихъ, безпокойныхъ и назойливыхъ вибрацій ежедневной прессы. Надо въ себѣ водворить безмолвіе и тишину, и въ этой тишинѣ раздастся голосъ и возстанутъ картины, полныя истинной мудрости. Все слышанное и видѣнное надо сейчасъ же записывать, не довѣряясь своей памяти, такъ какъ память обманчива и невѣрна.

Надо къ тому же чтобы духъ, душа и тѣло, приведенные къ единой гармоніи, уподобились послушному орудію внутренняго вдохновенія—вдохновенія, которое само всегда на лицо, но рѣдко находитъ орудія свои готовыми.

Большое значеніе придаетъ авторъ и сну, утверждая, что во снѣ духъ работаетъ и разрѣшаетъ вопросы, которые мы не въ силахъ разрѣшать бодрствующимъ сознаніемъ.

Онъ совѣтуетъ также читать вдумчиво и медленно и резюмируетъ свой трудъ слѣдующими словами: „Водворить безмолвіе въ собственной душѣ, прислушиваться въ себѣ къ Богу, говорящему во всякомъ человѣкѣ; освободиться отъ страстей и стать выше предразсудковъ вѣка, чтобы приблизиться къ Богу и къ сердцу человѣчества, дисциплинировать и гармонировать духъ, душу и тѣло, посвящать исканію истины свои силы, способности, время, не пренебрегая и сномъ; растить въ себѣ рѣшимость, стать работникомъ на нивѣ Божіей, познавать человѣчество и его страданія; стремиться облегчить эти страданія, познать планъ Бога относительно людей; создать сравнительную науку — науку ближайшаго великаго вѣка; подниматься по каждой линіи науки къ центру сравненія; всюду находить Бога и Его животворящій свѣтъ; разливать этотъ свѣтъ по всѣмъ каналамъ науки, по всѣмъ фибрамъ духа; освобождать, согрѣвать сердца этимъ новымъ импульсомъ; поднять, посредствомъ болѣе просвѣщеннаго воспитанія, грядущія поколѣнія—такова задача того, кто въ наше время хочетъ стать ученикомъ единаго Бога и единаго Учителя, живущаго въ насъ“.

В. Пушкина.

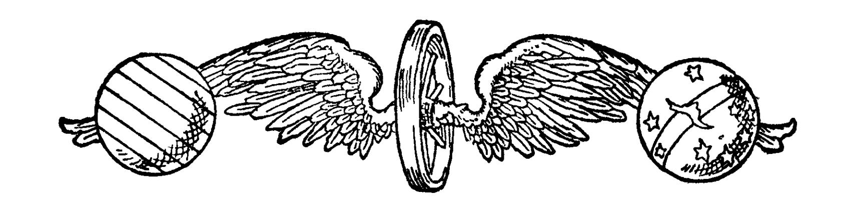


Кто взойдетъ на гору Господню и кто станетъ на святомъ мѣстѣ Его?

Тотъ, у котораго руки неповинны и сердце чисто.

(Псалтирь).





Хроника теософическаго движенія.

⚌ Президентъ международнаго общества А. Безантъ пріѣзжаетъ въ Англію 20 мая новаго стиля. По этому случаю въ Лондонѣ готовится торжественная встрѣча съ подношеніемъ адреса отъ имени всѣхъ предсѣдателей и секретарей Т. О. въ Англіи.

⚌ Вышелъ отчетъ 38-го года дѣятельности Всемірнаго Теософическаго О-ва. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что жизнь бьетъ ключемъ въ Т. О-вѣ, которое растетъ съ каждымъ годомъ. Въ теченіе настоящаго года вступило новыхъ членовъ 4073 человѣка; такимъ образомъ въ настоящее время О-во насчитываетъ всего 22.744 члена. Они распредѣляются по странамъ такимъ образомъ:

въ Америкѣ	4145.
„ Индіи	5890.
„ Англіи	2280.
„ Австраліи	1208.
„ Голландіи	1172.
„ Франціи	1327.
„ Новой Зеландіи	824.
„ Скандинавіи	760.
„ Италіи	312.
„ Германіи	218.
„ Кубѣ	743.
„ Венгріи	133.
„ Финляндіи	518.
„ Россіи	300.
„ Богеміи	152.
„ Южной Африкѣ	239.
„ Шотландіи	414.
„ Швейцаріи	188.
„ Бельгіи	183.
„ Голландскихъ колоніяхъ	562.
„ Бирмѣ	159.

въ	Австріи	101.
„	Норвегіи	219.
„	другихъ странахъ	708.

Въ рѣчи, обращенной къ представителямъ разныхъ національныхъ обществъ А. Безантъ отмѣтила этотъ ростъ, и сказала: „Отчеты всѣхъ національныхъ обществъ носятъ на себѣ печать, силы и энтузіазма. Но важнѣе всего единство и гармонія всего движенія. Никогда еще въ прошломъ онѣ не были выражены въ такой мѣрѣ и обозрѣвая, какъ общество прошло спокойно и стойко черезъ бури 1913 года, мы можемъ чувствовать увѣренность, что будущее его обезпечено: намъ нечего болѣе тревожиться за него, какія бы испытанія не готовило грядущее.

— Кромѣ публичныхъ лекцій, которыя А. Безантъ будетъ читать въ Лондонѣ въ теченіе мая и іюня, еще намѣченъ цѣлый рядъ лекцій въ другихъ городахъ: Шеффильдѣ, Іоркѣ и др.

— Недавно мы сообщали объ уходѣ съ физическаго плана двухъ ветерановъ теософіи: коменданта Курмъ, редактора Révue Theosophique (Lotus bleu), основаннаго нѣкогда Е. П. Блаватской, и извѣстнаго піонера теософическаго движенія г-жи Изабеллы Куперъ—Оклей. Въ Vahan'ѣ есть замѣтка біографическаго свойства:

„Въ Т. О-во г-жа Куперъ-Оклей вступила въ 1884 году, вскорѣ послѣ своей встрѣчи съ Е. П. Блаватской, съ которой она нѣкоторое время жила въ Индіи. Съ 1888 года она уже совершенно отдала себя теософической работѣ. Съ этого момента она начинаетъ свои странствованія. Она ѣдетъ работать туда, гдѣ она нужна. Она работала въ Австраліи, помогла основаться движенію въ Италіи, послѣдніе годы своей жизни она отдала теософической работѣ въ Венгріи. У нея былъ настоящій организаціонный талантъ и полная преданность дѣлу. Она оставила нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій въ области мистики и интересную монографію, посвященную графу Сенъ-Жерману.

— Годовое общее собраніе Т. О-во во Франціи назначено на 15 марта. Къ этому дню пріурочено вскрытіе бюллетеней по избранію Президента Т. О-ва.

— Въ Портъ-Саидѣ открылся новый французскій теософическій центръ.

— Въ Тунисѣ образовалась федерація нѣсколькихъ центровъ. Съѣздъ федераціи назначенъ на Пасху.

— Въ Швейцаріи годовое собраніе имѣло мѣсто въ Женевѣ въ концѣ января. Г-жа Е. Стефани была снова избрана генеральнымъ секретаремъ.

— Въ Аѳинахъ на этихъ дняхъ открылся первый греческій теософическій центръ „Гермесъ". На открытіи его была наша соотечественница Н. К. Гернетъ.

— Большіе успѣхи дѣлаетъ Т. О-во въ Норвегіи, съ г-жею Эва Блютъ во главѣ. Еще прошлою весною въ Норвегіи было всего 7 центровъ. Въ настоящее время уже имѣется 12 теософическихъ центровъ. Главная квартира переносится изъ Христіаніи въ живописный Люсакаръ, который стоитъ въ сосновомъ лѣсу. Здѣсь устраивается залъ собраній, вегетаріанскій пансіонъ, гимнастическій залъ и здѣсь же канцелярія О-ва. Сильно помогъ движенію г-нъ Веджвудъ, бывшій представитель Теософическаго О-ва въ Англіи, прочитавшій въ Христіаніи въ теченіе зимы 12 лекцій.

— 22 іюня открываются лѣтніе теософическіе курсы въ Weisser Hirsch близъ Дрездена.

— 14 марта въ залѣ Тенишевскаго училища состоялось публичное собраніе Т. О-ва. П. И. Тимофеевскій прочиталъ докладъ: Теософія, и Теософическое Общество. Кореферентами выступали: В. Г. Розенталь (творчество Е. П. Блаватской); Ц. Л. Гельмбольдтъ, (работа Г. Олькотта) и А. А. Каменская (творчество А. Безантъ). Этотъ вечеръ собралъ многочисленную аудиторію и прошелъ очень оживленно.

— 27 февраля А. А. Каменская выѣхала въ сопровожденіи А. В. Унковской и Ю. Ф. Львовой въ Ригу, 28 февраля была прочитана лекція А. А. Каменской „О красотѣ человѣческой души", причемъ лекція сопровождалась музыкальными и свѣтовыми иллюстраціями. 2 марта А. А. Каменская читала вмѣстѣ съ А. В. Унковской: „Гармоническое развитіе ребенка и новые методы преподаванія въ искусствѣ".

— 19-го марта А. А. Каменская поѣхала въ Калугу. 21-го марта на открытомъ собраніи Отдѣла она читала докладъ: „Путь внутренняго совершенствованія человѣка".

— 17 марта женское В. Б. общество устроило собраніе, посвященное память А. П. Философовой. Читали доклады: Н. Манасеина, А. Тыркова, А. Милюкова, А. Кони и А. Каменская, Т. Щепкина-Куперникъ и С. Лаврентьева прочли стихотворенія.. Собраніе началось двумя прекрасными музыкальными номерами изъ Бетховена.

— Въ Воронежѣ 8 марта А. Г. Молокинъ прочелъ лекцію объ основныхъ положеніяхъ Теософіи.

— 16 марта П. И. Тимофеевскій прочиталъ въ Москвѣ лекцію на тему: Теософія и Теософическое Общество.

— Въ Одессѣ и въ Кіевѣ Е. В. Родзевичъ прочитала въ мартѣ лекцію на тему: Что даетъ Теософія.

— Товарищъ предсѣдательницы Кіевскаго отдѣла Е. М. Кузьминъ былъ недавно приглашенъ прочитать двѣ лекціи объ искуствѣ въ Архангельскъ. На возвратномъ пути онъ заѣзжалъ въ Калугу и прочиталъ на открытомъ собраніи лекцію объ индусской символикѣ. Лекція сопровождалась свѣтовыми картинами.

— 28 марта А. Каменская проѣхала въ Ялту для открытія новаго Отдѣлъ Р. Т. О-ва. 7 апрѣля состоялось торжественное открытіе отдѣла. 8 апрѣля было первое закрытое собраніе отдѣла, на которомъ сдѣлали докладъ о работѣ Р. Т. о-ва А. Каменская и Ц. Л. Гембольдтъ. Предсѣдательницей избрана С. В. Татаринова, а секретаремъ В. И. Потѣхинъ.

— 10 апрѣля, А. Каменская и Ц. Л. Гельмбольдтъ прибыли въ Кіевъ. 11 Апрѣля, на закрытомъ собраніи Кіевскаго Отдѣла Р. Т. о-ва, А. Каменская и Ц. Гельмбольдтъ сдѣлали общій докладъ о работѣ Р. Т. О-ва. 12 Апрѣля состоялось открытое собраніе Р. Т. о-ва А. Каменская сдѣлала сообщеніе: „Путь внутренняго совершенствованія человѣка“. Послѣ доклада были горячія пренія.

13 Апрѣля утромъ А. Каменская и Ц. Гельмбольдтъ вернулись въ Петербургъ.

— Въ Ростовскомъ отдѣлѣ Р. Т. О-ва за послѣдніе два мѣсяца былъ рядъ открытыхъ собраній, на которыхъ затрагивались слѣдующія темы:

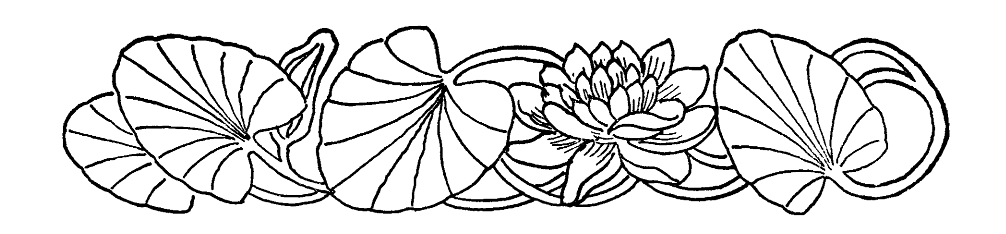
Философскія теченія Индіи (К. Латынинъ.
Рожденіе духа (К. Латынинъ).
Смерти нѣтъ (М. Федорова).
Религіозныя проблемы (М. Федорова).
Атлантида (К. Латынинъ).
Объ аскетизмѣ (К. Латынинъ).
Цѣль жизни (К. Латынинъ).

Кромѣ того, въ Отдѣлѣ идетъ правильная работа кружковъ членовъ собирающихся не менѣе двухъ и трехъ разъ въ недѣлю.

— 25 апрѣля, день „Бѣлаго Лотоса“, во всѣхъ отдѣлахъ Р. Т. О-ва состоялись торжественныя собранія, посвященныя памяти Е. П. Блаватской. Этимъ днемъ заканчивается ежегодно рабочій сезонъ Теософическаго Общества.

Alba.





Хроника жизни.

Относительно братца Іоанна Чурикова и его колоніи въ Вырицѣ былъ рядъ статей С. Животовскаго („Биржевыя Вѣдомости“), въ которыхъ, между прочимъ, передана и „исторія братца Іоанна“. „Она такъ проста и такъ типична для нашей жизни,—пишетъ Животовскій—исторія этого незауряднаго, хотя и простого русскаго человѣка“.

Вооружившись крестомъ и словомъ Божіимъ, онъ роздалъ свое имущество и пошелъ помогать немощнымъ. Дѣлалъ это, какъ умѣлъ, въ простотѣ душевной. И простой народъ, который такъ нуждается въ духовномъ утѣшеніи, отдалъ ему свое сердце.

И за это Іоаннъ Чуриковъ несъ обычныя гоненія. Домъ умалишенныхъ, заточеніе въ Суздальскомъ монастырѣ, тюрьмы, и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего, угроза въ будущемъ—отлученіе отъ церкви.

А, въ результатѣ, послѣ каждой репрессіи,—страшно увеличивающаяся популярность. И народная волна несется къ нему тѣмъ сильнѣй, чѣмъ грознѣе разражается надъ нимъ буря.

— Это такъ и должно быть,—говорятъ поклонники.—Вонъ, вѣдь, и угодники Божьи терпѣли гоненія...

И начинаютъ приводить примѣры.

Когда я спросилъ у братца Іоанна, что его толкнуло на его дѣятельность и почему онъ пришелъ именно въ Петербургъ,—онъ самъ о себѣ сказалъ слѣдующее:

— Я—изъ крестьянъ Самарской губерніи. Отецъ мой занимался торговлей и я тоже сначала пошелъ по той же дорогѣ.

И не разъ я въ ту пору слышалъ:

— Что же ты, Иванъ Алексѣевичъ, про Бога все говоришь, а деньгу любишь и людей обсчитываешь?

Вотъ въ эту пору и заболѣла моя жена. Поѣхалъ я тогда въ Петербургъ къ покойному батюшкѣ о. Іоанну Кронштадтскому просить молитвы для жены. А когда вернулся,—жена и померла. Тутъ я и по-

нялъ, что это Господь Богъ покаралъ меня за мои дѣла нечестивыя. Роздалъ я тогда все свое имущество, надѣлъ на себя вериги и пошелъ въ Петербургъ.

Тогда братцу Іоанну было 34 года. Поселился онъ на Петербургской сторонѣ, у нѣкоего Василія Сергѣева, заготовлявшаго палатки для арміи; работалъ у него и въ то же время, гдѣ только приходилось, читалъ проповѣди о вредѣ пьянства и о необходимости воздержанія.

Человѣкъ, глубоко вѣрующій, несомнѣнно съ поэтической душой, рѣшивши начать новую жизнь съ евангельскаго завѣта: „раздай все имѣніе твое ближнимъ...", во всѣхъ случаяхъ жизни искалъ поэтическаго объясненія въ библейскихъ и евангельскихъ изреченіяхъ.

И это создало ему поклонниковъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастало. Мало-по-малу, создалось никѣмъ не основанное, но нравственно связанное общество чуриковскихъ трезвенниковъ, которые ходили къ братцу на его простыя, но понятныя простому люду собесѣдованія.

Явилась необходимость въ большой аудиторіи, и собесѣдованія братца были перенесены въ Обухово, въ спеціально устроенный для этого залъ.

Чурикова, между прочимъ, обвиняютъ въ томъ, что онъ допускаетъ возможность спасенія и внѣ православія.

И онъ, дѣйствительно, не разъ молился и за евреевъ, и лютеранъ, татаръ и даже за китайца. И нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и китаецъ, увѣровавшіе въ молитву братца, крестились и перешли въ лоно православной церкви.

— Да какже мнѣ не любить и инославныхъ,—говоритъ Чуриковъ,—когда и они выказываютъ христіанскую любовь и сочувствіе къ дѣлу отрезвленія народа.

Вотъ, когда мы строили домъ въ Обуховѣ, мѣстный арендаторъ кирпичнаго завода, еврей, отпустилъ намъ кирпичи по своей цѣнѣ. А въ Вырицѣ владѣлецъ бетоннаго завода Мандельштамъ, тоже еврей, ничего не хотѣлъ взять съ насъ за составленіе схемы при постройкѣ водокачки.

О созиданіи Вырицкой колоніи Животовскій пишетъ такъ:

Вырица—дачная мѣстность. И знаютъ ее по безчисленнымъ рекламамъ, и въ газетахъ, и на театральныхъ занавѣсахъ, щедро распространяемымъ какими-то спекулянтами, продающими на льготныхъ условіяхъ участки земли. Какъ приманка—покупателямъ обѣщаны трамвай, общественный клубъ съ буфетомъ и театромъ, скетингъ-ринкъ, „танцулька" и купальни. Словомъ, всѣ радости жизни типичной петербургской дачной мѣстности.

И вдругъ, еще въ 1905 году, пришли и сюда какіе-то странные люди.

Это были братецъ Іоаннъ и его ближайшіе сподвижники-трезвенники.

А пришли они сюда потому, что началось въ Россіи освободительное движеніе. Ворвалась въ сонную русскую жизнь—политика.

А эта иностранка не по душѣ пришлась чуриковцамъ, только потому, что слишкомъ просты и консервативны были они по своей натурѣ.

На Петербургской сторонѣ ихъ собранія были закрыты,—вотъ они и рѣшили удалиться отъ кипѣвшаго тогда въ политическихъ страстяхъ Петербурга.

Сначала пріѣхали въ Ковшовку.

Братцу Іоанну не понравилось:

— Рѣки нѣтъ. А безъ воды живой и жизнь не настоящая...

Пошли пѣшкомъ въ Вырицу. Здѣсь Оредежъ течетъ. За рѣкой бугоръ, а за бугромъ лѣса. Понравилось. Купили сначала десятину для дома братца и тѣхъ, кто пришелъ съ нимъ. Раздѣлили десятину поровну и построили дома. Это и было началомъ.

И закипѣла жизнь муравейника, девизомъ котораго было:

— Трудъ и трезвость.

Вмѣсто общественнаго клуба—выросъ теремъ братца Іоанна, въ которомъ пѣлись хоромъ молитвы и происходили религіозно-нравственныя бесѣды.

Вмѣсто скетингъ-ринка явился другой спортъ, результатомъ котораго получились, созданные руками трезвенниковъ, ихъ женъ и дѣтей, мостъ черезъ Оредежъ, артезіанскіе колодцы, снабжающіе всю колонію водой, правильныя улицы, керосино-калильное освѣщеніе, фруктовые сады вмѣсто сосноваго лѣса, и проч., и проч.

А теперь, когда я вмѣстѣ съ братцемъ Іоанномъ поднялся на башню водокачки, то черезъ открытыя окна ея увидѣлъ цѣлый благоустроенный городокъ, какіе приходилось видѣть въ культурныхъ центрахъ Европы. Чуриковъ большой почитатель Петра Великаго.

— Я его люблю за то,—говоритъ онъ,—что по подобію Господа Создателя, сотворившаго воду и землю, Петръ созидалъ и Петербургъ.

И когда я стою на этой башнѣ, мнѣ вспоминаются слова Петра: „Отсель грозить мы станемъ Шведу“...

Только я прибавлю: нашимъ хорошимъ примѣромъ.

А примѣръ, дѣйствительно, достойный подражанія. Не получивъ отъ правительства ни гроша на борьбу съ пьянствомъ, Чуриковъ подобралъ людей изъ канавъ. Въ полномъ смыслѣ этого слова—отрепье рода человѣческаго. Тѣхъ, кто упалъ низко, никогда уже не поднимаются.

И онъ поднялъ ихъ. Въ буквальномъ смыслѣ воскресилъ къ новой и честной жизни исключительно своимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ, вѣрою въ свою молитву. И съ этими людьми онъ заложилъ городъ трезвости, въ которомъ теперь уже 65 дворовъ и 300 десятинъ земли, принадлежащей трезвенникамъ.

„Езекія укрѣпилъ городъ свой и провелъ внутрь его воду, пробилъ желѣзомъ скалу и устроилъ хранилище для воды“.

Этотъ текстъ украшаетъ внутреннюю стѣнку водокачки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у артезіанскаго колодца работаютъ два нефтяныхъ двигателя.

И это огромная каменная башня съ ея машинами и сложными механизмами создалась тоже изъ разныхъ отбросовъ, ненужныхъ, продававшихъ въ ломъ желѣзныхъ трубъ и отдѣльныхъ машинныхъ частей...

Братецъ Іоаннъ оказался прекраснымъ электротехникомъ и механикомъ. И подъ его личнымъ наблюденіемъ, въ огромной механической мастерской, находящейся въ подвальномъ помѣщеніи его дома, изъ разныхъ обломковъ создаются сложныя электрическія батареи, аккумуляторы, двигатели и прочее...

Животовскій слыхалъ искренніе возгласы благодарныхъ за свое спасеніе людей и отъ посѣщенія колоніи и дома Ивана Чурикова вынесъ отрадное чувство, такъ какъ видѣлъ своими глазами то добро, которое сдѣлалъ Иванъ Чуриковъ. „Если бы ему рясу, говоритъ Житовскій, онъ былъ бы священникомъ въ духѣ и силѣ живого священства, а не чиновникомъ духовнаго вѣдомства“.

По слухамъ, въ послѣднее время въ высшихъ духовныхъ кругахъ отношенія къ дѣлу Чурикова радикально измѣнились, какъ передаетъ газета Новь,—рѣшено не примѣнять къ нему строгихъ репрессій, а наоборотъ, употребить всѣ усилія чтобы вернуть Чурикова въ лоно православной церкви, какъ полезнаго дѣятеля въ дѣлѣ народнаго отрезвленія.

— **Женщины-избиратели.** Въ то время какъ суффражистки въ Англіи всякими дозволенными и недозволенными способами добиваются полученія избирательныхъ правъ, вызывая въ однихъ удивленіе, въ другихъ—негодованіе, многія изъ ихъ заокеанскихъ единоплеменницъ уже давно пользуются этими правами. Въ выпущенной по этому вопросу книжкѣ („Woman suffrage in practice“ 1913) международнымъ союзомъ для борьбы за избирательныя права женщинъ приводятся интересныя данныя относительно избирательныхъ правъ женщинъ въ Европѣ, Австраліи, Америкѣ, Азіи и Южной Африкѣ, причемъ эти свѣдѣнія касаются не только парламентовъ, но и другихъ представительныхъ учрежденій публичнаго характера. Первая на этотъ путь вступила въ Австраліи

Новая Зеландія, гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ (19-го сентября 1893 г.) прошелъ законъ, распространившій на женщинъ избирательныя права; въ 1894 г. ея примѣру послѣдовала Южная Австралія, а затѣмъ и въ остальныхъ колоніяхъ федеративной республики женщины были облечены избирательными правами. Въ этомъ смыслѣ высказался и федеративный парламентъ.

Авторъ цитируемой книги, отмѣчая тотъ фактъ, что Новая Зеландія является піонеромъ въ области соціальнаго законодательства, видитъ въ этомъ до извѣстной степени вліяніе женщинъ-избирателей, такъ какъ дѣятельность ново-зеландскаго парламента особенно за этотъ послѣдній періодъ (1893—1912 гг.) направлена на улучшеніе общаго положенія народа.

Въ доказательство авторомъ приводится цѣлый рядъ законовъ, принятыхъ парламентомъ въ теченіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ.

Нужно отдать справедливость, что женщины не злоупотребляли своимъ положеніемъ и сравнительно немногіе законы преслѣдуютъ исключительно интересы женщинъ: они вносятъ тѣ или другія благопріятныя для женщинъ реформы въ области семейнаго права или уравниваютъ женщинъ съ мужчинами въ размѣрѣ вознагражденія за равный трудъ (equal pay for equal work), или допускаютъ женщинъ къ такимъ профессіямъ, которыя раньше составляли монополію мужчинъ, какъ, напр., юридическая практика.

Несравненно больше вниманія удѣляется дѣтямъ. Здѣсь обращена забота на дѣтей, покинутыхъ родителями, въ смыслѣ ихъ обязательнаго обезпеченія, и на дѣтей внѣбрачныхъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ дѣтямъ выдается пенсія, которая совершенно не связана съ служебной дѣятельностью отца. Однако законодатель заботится не объ однихъ только здоровыхъ дѣтяхъ,—тѣхъ дѣтяхъ, которыя представляютъ изъ себя будущее каждой страны,—больныя, съ физическими недостатками, преступныя, однимъ словомъ, въ полномъ смыслѣ несчастныя дѣти являются также предметомъ его нѣжнаго вниманія; не забыты имъ старость и инвалидность, и въ своихъ мѣропріятіяхъ онъ неоднократно старается облегчить положеніе старыхъ, больныхъ, вообще физически или умственно безпомощныхъ людей, то увеличивая имъ пенсію, то назначая къ нимъ особыхъ попечителей.

Въ то же время въ области рабочаго законодательства цѣлый рядъ мѣропріятій направленъ къ охранѣ труда какъ дѣтей и женщинъ, такъ и взрослыхъ рабочихъ, причемъ особенно обращается вниманіе на безопасность работы на фабрикахъ и заводахъ, а съ другой стороны—на вознагражденіе рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ

случаевъ; въ интересахъ же рабочаго устанавливается минимумъ заработной платы. Предупреждается и продажа семейной собственности за долги. Борьбѣ съ алкоголизмомъ отведено тоже значительное мѣсто.

Таково направленіе законодательства въ Австраліи за послѣднее время. Конечно, очень трудно учесть, насколько здѣсь сказывается вліяніе женщинъ-избирателей,—можно только предположительно утверждать, что, напримѣръ, женщинѣ болѣе свойственна нѣжная забота о дѣтяхъ, состраданіе къ несчастнымъ и т. д. Но окончательныхъ выводовъ здѣсь не приходится дѣлать, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ колоній онѣ пользуются только активнымъ избирательнымъ правомъ, но не пассивнымъ (т. е. онѣ могутъ избирать, но не могутъ быть выбранными). Поэтому особенное значеніе пріобрѣтаютъ отзывы тѣхъ лицъ, которыя, въ силу своего положенія, являются болѣе освѣдомленными по данному вопросу. Въ вышеуказанной книгѣ и приводится рядъ цитатъ такихъ общественныхъ дѣятелей, высказавшихся при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ относительно предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. Мы приводимъ тѣ изъ нихъ, которыя являются наиболѣе рѣшительными. Такъ, генеральный агентъ Новой Зеландіи шесть лѣтъ спустя послѣ того, какъ женщины получили избирательныя права, на одномъ митингѣ (29-го іюня 1899 г.) въ Лондонѣ по поводу этой реформы сказалъ слѣдующее: „Мы тоже слышали эти сказки о покинутыхъ мужьяхъ, объ оставленныхъ на произволъ судьбы дѣтяхъ, о заброшенномъ домѣ, о плохой кухнѣ и о потерянныхъ женщинами свойственныхъ имъ прелести, мягкости, очарованіи. Ни одно изъ этихъ печальныхъ послѣдствій не имѣло мѣста; общественная жизнь въ Новой Зеландіи не измѣнилась, и если во время выборовъ та лэди, рядомъ съ которой сидитъ за обѣдомъ мужчина, можетъ на основаніи личнаго опыта разсуждать о политическихъ вопросахъ дня, то, конечно, отъ этого обѣдъ не будетъ ни болѣе скучнымъ, ни менѣе интереснымъ. Но что въ высшей степени поражаетъ и что болѣе всего должно быть отмѣчено, такъ это—та продуманность, тотъ глубокій здравый смыслъ, который высказала женщина при исполненіи своихъ гражданскихъ обязанностей“...

По этому же вопросу премьеръ-министръ Новой Зеландіи пишетъ (отъ 17-го октября 1907 г.): „Мы въ Новой Зеландіи не находимъ, чтобы наши женщины утратили свою красоту и грацію или манкировали своими обязанностями по отношенію къ дому и дѣтямъ оттого, что разъ въ три года онѣ дѣлаютъ отмѣтку карандашомъ на избирательномъ бюллетенѣ. Наоборотъ, женщины-избиратели опредѣленно оказали облагораживающее вліяніе на самый процессъ выборовъ. Обычное при прежнихъ выборахъ сквернословіе, драка смѣнились теперь

той степенной важностью, которая приличествуетъ народу при осуществленіи имъ самаго высокаго народнаго права... И только принявъ во вниманіе тѣ неудобства, которыя, особенно для женщинъ, представляютъ и дурная погода (напр., въ дикихъ и уединенныхъ сельскихъ округахъ), и дальность разстоянія отъ мѣста, гдѣ происходятъ выборы, и затрудненіе въ подысканіи лица, которое могло бы присмотрѣть за дѣтьми и хозяйствомъ, и т. д., и т. д.,—можно понять, что эти цифры въ отчетахъ о выборахъ показываютъ, какъ высоко цѣнятъ женщины свои избирательныя права" (министръ имѣетъ въ виду выборы 1905 г., гдѣ процентъ женщинъ, явившихся на выборы, равнялся 82,23% всего числа ихъ, занесенныхъ въ избирательные списки).

Но не только относительно Новой Зеландіи, но и вообще о женщинахъ-избирателяхъ федеративной австралійской республики слышатся аналогичные отзывы; такъ, женщины, по словамъ однихъ оказали самое благотворное вліяніе на области индустріальнаго законодательства, внесли чистую струю въ парламентъ; самые выборы не представляютъ уже изъ себя болѣе буйныхъ скопищъ, какими они являлись въ прежніе дни (премьеръ-министръ федеративной республики). Наконецъ, епископъ Сѣвернаго Квинслэнда отмѣчаетъ тотъ фактъ, что женщины всегда проваливали кандидатуру тѣхъ лицъ, которыя завѣдомо вели предосудительный образъ жизни.

Это обстоятельство показываетъ, какое сильное вліяніе оказывали женщины на выборъ депутатовъ, а, слѣдовательно, косвенно и на характеръ послѣдующаго законодательства, даже и тамъ, гдѣ онѣ могли быть только избирателями.

Таковы отзывы тѣхъ лицъ, которымъ есть полное основаніе довѣрять, такъ какъ они имѣютъ возможность ознакомиться и съ документами, относящимися до выборовъ, и съ дѣйствительнымъ положеніемъ по личнымъ наблюденіямъ.

Но еще большее значеніе представляетъ слѣдующая резолюція федеративнаго парламента (декабрь 1906 г.): Реформа оправдала всѣ возлагаемыя на нее надежды; она воспитала въ женщинахъ сознаніе ихъ общественныхъ обязанностей; она способствовала проведенію законовъ соціальнаго характера и законовъ, регулирующихъ семейныя отношенія; опытъ Австраліи убѣдилъ обѣ палаты, что предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ есть не болѣе какъ примѣненіе въ области публичнаго права того принципа, который далъ самые лучшіе результаты въ области семейныхъ отношеній,—взаимное сотрудничество мужчины и женщины на общее благо.

А черезъ четыре года въ австралійскомъ сенатѣ была единогласно принята резолюція въ томъ смыслѣ, что распространеніе на женщинъ

избирательныхъ правъ имѣло самые благопріятные результаты, что женщины выказали себя при этомъ не менѣе дальновидными и проницательными, чѣмъ мужчины.

„И такъ какъ,—говорится въ ея заключеніи,—реформа не принесла ничего, кромѣ хорошаго, то мы почтительно, но въ то же время и горячо утверждаемъ, что всѣ народы съ представительнымъ образомъ правленія поступятъ безусловно правильно, предоставивъ женщинамъ избирательныя права“.

(Изъ газ. „Русск. Вѣдомости“, статья Л. Бубновой).

— Въ Нью-Іоркѣ происходилъ конгрессъ антививисекторовъ. На конгрессѣ произошелъ инцидентъ. Сынъ раввина произнесъ рѣчь, въ которой говорилось, что антививисектисты, удѣляющіе столько вниманія живосѣченію животныхъ, проходятъ мимо такого факта, какъ живосѣченіе еврейскаго народа. Онъ требовалъ, чтобы конгрессисты высказались должнымъ образомъ противъ тѣхъ мѣръ, которыя предпринимаются противъ евреевъ во всѣхъ странахъ. Рѣчь его, изобилующая фактами, произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ.

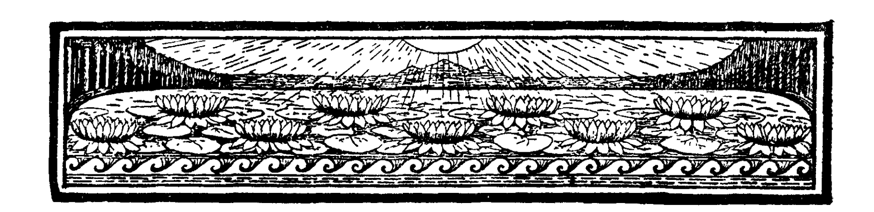
Н. Т.



Вотъ постъ, который Я избралъ: разрѣши оковы неправды, развяжи узы ярма и угнетенныхъ отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо: раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого, одѣнь его и отъ единокровнаго твоего не укрывайся.

(Пр. Исаія).





Побѣда истины приходитъ незамѣтно.

Характерны для времени мечты и мысли его людей. Весеннее нынѣ царитъ не только въ природѣ, но и въ нашихъ душахъ. Не всѣ чувствуютъ это? А такъ хочется передать всѣмъ это осущеніе счастья, надежды, даже увѣренности, что близится время, когда всѣ будутъ чувствовать эту радость, этотъ покой любви и знанія.

А иные ужъ говорятъ, что это время пришло, что мы и не замѣтили, какъ зацарило солнце...

Д. Овсянико-Куликовскій въ Вѣстникѣ Европы (мартъ) пишетъ по поводу позитивизма, отвергающаго всякую метафизику:

„Это можетъ показаться *отсталостью, возвратомъ вспять,* къ тѣмъ временамъ, когда положительная философія Ог. Конта и др. (Литтре, Вырубовъ, Милль, Спенсеръ,) была новымъ словомъ „смѣною идеалистической и матеріалистической метафизикѣ... Но это было бы попятнымъ движеніемъ, если бы позитивизмъ былъ *окончательно сданъ въ архивъ*... Но вѣдь этого нѣтъ.

Какъ въ свое время позитивизмъ *вовсе не упразднилъ метафизическихъ системъ,* а только (вмѣстѣ съ родственнымъ ему по духу контіанствомъ) *на время* заслонилъ собою или затормозилъ работу метафизической мысли, такъ и потомъ, когда *обнаружился поворотъ* въ сторону метафизики, возродившіяся и вновь возникшія метафизическія системы не упразднили позитивизма, а только на время *подорвали его престижъ и авторитетъ*.

Но нынѣ, несмотря на *распространеніе и популярность метафизическихъ и мистическихъ воззрѣній*... можно предвидѣть, что метафизика и мистика принуждены будутъ отступить по всей линіи...

У страха глаза велики. Вотъ почему рисуется эта наша популярность до того, что представляется и желанное наше паденіе и уступка позитивизму. Оказывается, мы уже побѣдили! Но мы сами не замѣтили этой Пирровой побѣды, или не хотимъ ею удовольствоваться. Авторъ чувствуетъ это и потому такъ продолжаетъ:

Нѣтъ основаній думать, что число лицъ, нуждающихся въ метафизикѣ и склонныхъ къ мистическимъ гаданіямъ—пойдетъ на убыль. Прежде эти идеи были необходимостью, теперь онѣ становятся роскошью, игрой ума и чувства, и въ будущемъ, когда насущныя задачи прогресса будутъ въ общемъ разрѣшены, *люди отъ метафизической роскоши и отъ мистической игры не откажутся.* Нельзя упускать изъ виду успѣховъ индивидуализма, психическую и интеллектуальную дифференціацію личностей, которая въ будущемъ достигнетъ размѣровъ нынѣ невѣдомыхъ... Объ этомъ въ слѣдующей бесѣдѣ, на тему „о *философскомъ и религіозномъ замиреніи*".

Вотъ какъ мирно пишутъ позитивисты! Это ли не побѣда? Но мы страстно будемъ искать все большихъ доказательствъ побѣды Истины, а съ нею и счастья человѣческаго. „Позитивизму" въ этомъ году вообще не очень льстятъ. Вотъ другія мечты, Антона Крайняго (День № 77 „отклики)".

Вопросъ о литературѣ очень занималъ въ эту зиму... Спорящіе раздѣлились на два лагеря: *символистовъ* и *позитивистовъ*. „Позитивисты" остались въ меньшинствѣ и журналъ „Современный міръ" идетъ смѣло противъ всѣхъ... Онъ выключилъ изъ состава литературы приблизительно весь ея составъ, и затѣмъ говоритъ, что литература падаетъ. И правъ. Г. Кранихфельдъ увѣренъ, что „идущій пролетаріатъ" не одобритъ современной литературы. И поэтому увѣренъ, что она плоха. Тутъ что же спорить? Тутъ не много поспоришь... Позитивисты сторонники „механическаго міропониманія" спорятъ объ искусствѣ съ художниками; это отчетливо опредѣлила г-жа Ортодоксъ... На что собственно нападаетъ Львовъ-Рогачевскій? (жур. „Современникъ)". Если на символистовъ, то почему онъ ополчается все время на крайній индивидуализмъ, на безпочвенную мистику, на уединенные туманы?.. Въ этотъ, какъ будто литературный споръ замѣшано столько метафизики... Искусство дѣлается оселкомъ, на которомъ точатъ ножи люди двухъ различныхъ міропониманій: *символическаго, реальнаго* и *механическаго, матеріальнаго*... Позитивисты остались въ бѣдномъ меньшинствѣ не даромъ... Они хотятъ войти въ область искусства, храня весь свой позитивизмъ, т. е. хотятъ не только „того, чего нѣтъ на

свѣтѣ“, но чего никогда не было, не будетъ, и не должно быть. Никогда искусство не было позитивистическимъ... Позитивисты творя, переходя порогъ искусства, именно этотъ свой багажъ оставляютъ за порогомъ. Такова природа искусства. Вѣдь оно—(кто будетъ спорить?) всегда *немножко чудо.* Гг. Ортодоксы успѣшно могутъ строить свою жизнь по механическому способу, если имъ это нравится; но чуть захотятъ переступить завѣтный порогъ,—имъ будетъ предложено или отдать механику на сохраненіе и войти налегкѣ, или остаться за порогомъ. „Священная жертва Апполону“ съ механикой несовмѣстима...

Вотъ теорія и критика. Посмотримъ же на самое дѣло, что печатаютъ нынѣ? Не буду говорить о новой газетѣ „Новь“, смѣло открывшей свои страницы теософамъ и интересующимся теософіей.

Также не буду лишній разъ рекомендовать журнала „Бюллетени литературы и жизни“, чутко откликающагося на все истинное новое и сильное въ духовномъ мірѣ, и потому друга Теософіи.

Не нуждается въ упоминаніи и такое большое явленіе какъ „Русская Мысль“, въ каждомъ номерѣ которой всегда есть что-нибудь интересное и полезное для теософа. Напомню только, что въ ноябрѣ 1913 г. здѣсь напечатана статья Вячеслава Иванова: *О Діонисѣ орфическомъ,* которую должны прочесть всѣ, заинтересовавшіеся статьей въ „Вѣстникѣ Теософіи“ (Августъ) Орфическія мистеріи и гимнами Орфея. Въ сентябрѣ и октябрѣ „Русской Мысли“ статья Ѳ. Зѣлинскаго. *Мира. Идея рока въ древней и новой трагедіи.*

Есть новый журналъ: „Ежемѣсячный“ журналъ литературы, науки и общественной жизни. Въ № 1 (январь) интересна статья Д. Коновалова: *Религіозныя движенія въ Россіи.* I. *Секта хлыстовъ.*

Секта хлыстовъ существуетъ въ Россіи съ XVII в. Тогда хлыстовъ называли; духомольцами, христовцами, христомужами, иконоборцами, учениками Капитона. Объ этомъ Капитонѣ старообрядческій писатель Семенъ Денисовъ говоритъ: „предивный отецъ Капитонъ живяше, иже пророческихъ дарованій преизобильно почерпе богатствъ. *Предняя яко задняя, дальняя яко ближняя* непогрѣшительно *возвѣщаше,* иже богоизбранному Михаилу царю всероссійскому знаемъ и любимъ бяше за великое святости, ему же и *многое откровеніе* сокровенно возвѣщаше. Тому мнози *ученицы* бяху, чюднаго житія его подражатели“.

Въ XVIII в. эта секта стала называться Наговщина (отъ Ивана Нагого), христовщина, квакеры и хлыстовщина.

Всѣ эти названія всегда означали секту *энтузіастическаго* характера (боговдохновеннаго) хлыстовскій христосъ Перфилъ Катасоновъ пишетъ: „человѣкъ, рѣшившійся жить по пути праведному долженъ не ѣсть мяса, не пить вина, постъ долженъ быть всѣмъ членамъ, какъ-то: постъ дать языку, т. е. не ругаться, постъ рукамъ, чтобы не захватывали чужое добро, постъ глазамъ, чтобы не завидовали, постъ мыслямъ, чтобы онѣ не мыслили ничего дурного (сравни Манихейскія печати устъ, рукъ и лона)... Вѣра хлыстовъ въ *переселеніе душъ* основывается на показаніи „богородицы“ Евфиміи Силантьевой Базаевой: „Душа изъ человѣка по смерти переходитъ снова въ человѣка, а пожалуй и въ звѣря“ (слѣдствіе о хлыстахъ въ селѣ Обуховѣ, Самарской губ. 1864 г.).

Въ той же книгѣ статья Мейера *о Героклитѣ;* въ № 2 (февраль) Мейера: *Софисты и Сократъ* и продолженіе статьи Коновалова. Религіозныя движенія въ Россіи. II. *Василій Радаевъ*. Это очень интересный документъ—исповѣдь „боговдохновеннаго учителя“, тонкій самоанализъ его.

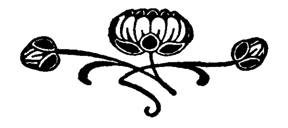
„Во мнѣ своей воли нѣтъ, а во всемъ дѣйствуетъ во мнѣ Духъ Святый“...

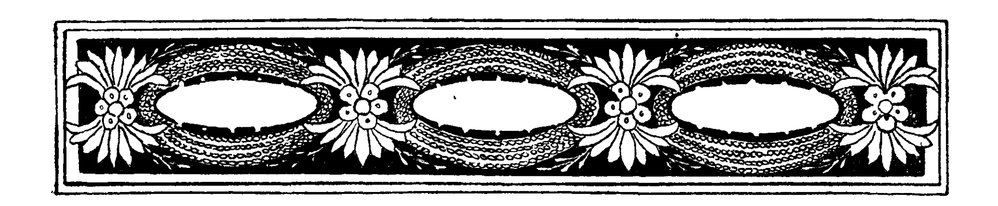
говоритъ онъ. Длинно приводить эту его автобіографію. Въ ней повѣствуется образнымъ языкомъ психологія его пророчествъ исцѣленій, борьбы съ овладѣвающей имъ силой, толкающей его дажа на преступленія. Характерно появленіе такихъ статей и серіозный тонъ изслѣдователя не позволяющаго себѣ неумѣстныхъ, невѣжественныхъ комментарій на таинственныя явленія съ точки зрѣнія позитивизма.

Свѣтлое время мы переживаемъ. Время не только роста мистическаго опыта и работы метафизической мысли, по истинной научности въ историческихъ изысканіяхъ научности, не омраченной узкими тенденціями матеріализма и позитивизма.

Благословеніе чувствуется на всей такой работѣ. Спокойное достоинство и ясный, счастливый взглядъ, высоко поднятая голова, съ довѣріемъ вопрошающая небо и Бога—вотъ образъ новаго царя вселенной, новаго ученаго и философа Европы.

Таосъ.





Научный отдѣлъ.

Природа иллюзіи.

Михаилъ Гебель.

. . . Творца мысли, того, который зарождаетъ иллюзіи.
Умъ есть великій убійца Реальнаго.

Голосъ Безмолвія.

Поводомъ къ настоящей статьѣ послужилъ слѣдующій отрывокъ на страницѣ 96-ой книги А. Безантъ „Древняя Мудрость“.

„Физіологи говорятъ намъ, что если мы обрѣжемъ палецъ, мы чувствуемъ боль вовсе не тамъ, гдѣ показалась кровь — въ дѣйствительности мы чувствуемъ ее въ мозгу, и лишь помощью воображенія передается она на мѣсто порѣза; ощущеніе боли въ пальцѣ, говорятъ они, лишь иллюзія, оно прилагается воображеніемъ къ точкѣ соприкосновенія съ предметомъ, причинившимъ поврежденіе; точно такъ же и человѣкъ съ отрѣзаннымъ членомъ почувствуетъ боль въ этомъ членѣ или, вѣрнѣе, въ пространствѣ, которое было занято ампутированнымъ членомъ. Подобно этому и единое „Я“, Внутренній Человѣкъ, чувствуя боль и наслажденіе въ точкахъ соприкосновенія окружающихъ его оболочекъ съ внѣшнимъ міромъ, начинаетъ принимать оболочку за себя самого, не сознавая, что—онъ единое дѣйствующее лицо во всѣхъ тѣлахъ своихъ“.

Смотря сквозь красное стекло на зеленый предметъ, мы видимъ его чернымъ. Что же дѣйствительность? И то и другое; зеленый предметъ дѣйствительно черный, если смотрѣть на него сквозь красное стекло. Но представьте себѣ, что мы не сознаемъ краснаго стекла передъ своими глазами; мы будемъ увѣрены, что этотъ предметъ не можетъ имѣть другого цвѣта. Эта-то *увѣренность* и есть иллюзія. Какъ только мы узнаемъ, что у насъ передъ глазами стекло, показывающее намъ все въ другихъ цвѣтахъ, иллюзія прекращается. Мы можетъ быть и не оты-

мемъ стекла отъ глазъ, но мы будемъ знать, что цвѣтъ предмета другой. Изъ этого видно, что ощущенiе боли не можетъ быть иллюзiей, мы дѣйствительно ощущаемъ боль. Иллюзiей будетъ какое-либо *ошибочное представленiе* (продуктъ ума), которое мы свяжемъ съ ощущенiемъ боли.

Физiологи ошибаются, говоря, что мы при порѣзѣ ощущаемъ боль въ мозгу. Они основываются на томъ соображенiи, что на мѣстѣ порѣза ощущенiе боли не возникаетъ, тутъ происходитъ только разрушенiе ткани и раздраженiе затронутыхъ нервовъ, которые передаютъ его въ мозгъ. Но вѣдь и мозгъ ни что иное, какъ нервная ткань; единственное, что произойдетъ въ мозгу, это — повторенiе раздраженiя, идущаго отъ поврежденныхъ нервовъ. Намъ возразятъ: но въ мозгу пребываетъ наше сознанiе, и тамъ-то и возникаетъ ощущенiе боли. — Во-первыхъ, сознанiе не пребываетъ въ мозгу; оно безусловно связано съ физическимъ мозгомъ, но не пребываетъ въ немъ такъ, чтобы, взявъ въ руки голову человѣка, вы имѣли бы между рукъ и его сознанiе. Во-вторыхъ, наше сознанiе воспринимаетъ уже возникшее ощущенiе боли. Слѣдовательно оно возникаетъ раньше, чѣмъ достигаетъ сознанiя, и послѣ того, какъ мозгъ повторилъ раздраженiе. Въ первый моментъ порѣза мы наблюдаемъ раздраженiе нервовъ и повторенiе этого раздраженiя въ мозгу, въ этотъ моментъ ощущенiе боли возникнуть не можетъ.

Какъ мы знаемъ, человѣкъ обладаетъ нѣсколькими проводниками, образующими непрерывную цѣпь между сознательной сущностью человѣка [1]) и физическимъ мiромъ. Каждое тѣло реагируетъ соотвѣтственно своей природѣ; физическое—движенiемъ, эфирное — ощущенiемъ, астральное—желанiемъ, ментальное—мыслью. Всякое воздѣйствiе извнѣ вызываетъ въ физическомъ тѣлѣ (именно въ мозгу) вибрацiи извѣстной силы, которыя передаются послѣдовательно высшимъ проводникамъ и доходятъ до безсмертной сущности. „Я", вибрируя въ отвѣтъ на раздраженiе, вызываетъ въ своихъ проводникахъ вибрацiи, которыя мы воспринимаемъ какъ мысль, желанiе, ощущенiе и движенiе. *Мы воспринимаемъ реагированiя нашихъ проводниковъ.*

Теперь попрошу читателя произвести небольшой опытъ. Попробуйте вы себѣ представить, что ощущаете боль, не представляя себѣ, *гдѣ* вы ее ощущаете. Вы увидите, что это невозможно; непремѣнно вы представите себѣ боль въ рукѣ, плечѣ, наконецъ во всемъ тѣлѣ.

---

[1]) Безсмертное „Я", монада, Atma-Buddhi-Manas.

Съ другой стороны, принявъ въ соображеніе природу ощущенія, мы должны согласиться, что оно существуетъ только въ нашемъ сознаніи, какъ реагированіе эфирнаго тѣла и что по отношенію къ нему непримѣнимо опредѣленіе *здѣсь* или *тамъ*.

Посмотримъ, возможно ли вообще ощущеніе боли, не связанное съ опредѣленіемъ, *гдѣ* она. Мы убѣдились на опытѣ, что для насъ это невозможно.

Возьмемъ животное, интеллектъ котораго не развитъ; условимся, что оно не способно связать два воспріятія. Какъ восприметъ оно порѣзъ? Оно будетъ ощущать боль, можетъ быть даже видѣть рану, но оно не будетъ сознавать, что между этими двумя воспріятіями существуетъ какая-либо связь; оно будетъ воспринимать чистое ощущеніе боли *безъ* опредѣленія въ ранѣ.

Здѣсь необходимо убѣдиться, что въ умѣ животнаго не возникаетъ вопросъ: *гдѣ* боль. Понятіе мѣста „здѣсь" и „тамъ" имѣетъ въ основѣ ассоціацію двухъ ассоціацій: муха — рука — муха—столъ, здѣсь—тамъ; мы же условились, что наше животное неспособно къ ассоціаціи.

Мы видимъ, что вполнѣ возможно ощущеніе боли *безъ* опредѣленія, *гдѣ* она. Ощущеніе боли *гдѣ-либо* безсмыслица, это ясно; но чѣмъ же объяснить себѣ, что мы не только говоримъ безсмыслицу, но и не можемъ себѣ представить что-либо другое. Это услуга *ума*; стремясь къ точному опредѣленію, онъ задаетъ рядъ вопросовъ: какой, кто, гдѣ, когда, какъ, почему и т. д. — вопросы, убивающіе Реальное, не поддающееся разсудочному познаванію. Опредѣливъ, что причина боли рана, онъ создаетъ ассоціацію: боль — рана; и когда возникаетъ роковой вопросъ: *гдѣ* боль, онъ заключаетъ, что боль въ ранѣ.

Здѣсь слѣдуетъ убѣдиться, что ассоціація „боль—рана" создается раньше, чѣмъ въ умѣ слагается понятіе мѣста. Ассоціація требуетъ отъ ума способности связать два воспріятія; понятіе же мѣста—болѣе высокой: связать двѣ ассоціаціи.

Кто хочетъ знать дѣйствительность, долженъ освободиться отъ иллюзіи, что боль необходимо *гдѣ-либо* ощущать. Иначе — умъ не знаетъ границъ — онъ придетъ къ выводу, что мы ощущаемъ боль въ окружающемъ насъ пространствѣ, и лишь помощью воображенія ощущеніе боли передается на мѣсто порѣза.

Теперь посмотримъ, какъ человѣкъ приходитъ къ выводу: я—оболочка. Объясненіе Безантъ невѣрно. Подумайте, можетъ ли „Я", Мыслитель, Вѣчный Человѣкъ, можетъ ли онъ чувствовать

и дѣлать выводы. Мыслитель есть „Я“ [1]) въ „тѣлѣ причинности“. „Тѣло причинности“ реагируетъ знаніемъ, „Я“—самосознаніемъ. Изъ этого видно, что Мыслитель не можетъ сдѣлать выводъ, это дѣло *ума*. Мыслитель же можетъ только *подтвердить* или *отбросить* этотъ выводъ на основаніи своего *опыта*.

Человѣкъ реагируетъ какъ ощущеніемъ, желаніемъ и т. д., такъ и самосознаніемъ; онъ говоритъ: я. Умъ стремится опредѣлить, *кто* — я, и дѣлаетъ выводъ: я — физическое тѣло. Мыслитель, *не имѣя опыта*, молчитъ, и эта формула остается дѣйствительной, пока Мыслитель не узнаетъ [2]), что она ошибочна. Въ исканіи „я“ умъ дѣлаетъ выводъ за выводомъ, пока человѣкъ не узнаетъ, что нѣтъ того, указавъ на что можно было бы сказать: *это*—я; есть только тѣло, реагированія котораго мы воспринимаемъ, какъ самосознаніе.

Итакъ умъ въ своемъ стремленіи опредѣлить *гдѣ* боль, *кто* я и т. д., создаетъ иллюзіи, мѣшающія намъ видѣть природу всѣхъ явленій, ихъ суть. Иллюзія не ощущеніе боли, а наше *ошибочное представленіе*, что боль необходимо *гдѣ-либо* ощущать.

Безантъ въ книгѣ „Сила мысли“ называетъ умъ „творцомъ иллюзіи“ въ томъ смыслѣ, что онъ даетъ отображенія внѣшняго вида предмета, а не сущности его. Но развѣ эти *отображенія* иллюзіи? Иллюзія не въ томъ, что мы видимъ тѣни Реальности, а въ томъ, что мы Ее хотимъ знать *какой-либо*. Этимъ мы спускаемся въ область *ума*, который даетъ лишь „тѣни тѣней“ Реальнаго.

Что касается примѣра съ ампутированнымъ членомъ, то онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Дѣло въ томъ, что нашъ мозгъ ни что иное, какъ автоматъ. Раздражите нервъ на поверхности тѣла, или тотъ же самый нервъ, *на пути* отъ кожи къ мозгу, въ обоихъ случаяхъ мозгъ будетъ раздражаться *одинаково*, и человѣкъ восприметъ „боль на поверхности тѣла“. При ампутированіи ноги будутъ повреждены нервы, ведущіе отъ ноги, и мозгъ, автоматически раздражаясь, заставитъ паціента воспринимать „боль въ ногѣ“. Здѣсь воображеніе не имѣетъ мѣста; паціентъ можетъ *видѣть*, что ноги нѣтъ, и все-таки онъ будетъ воспринимать „боль въ ногѣ“, пока поврежденные нервы не успокоятся. Это — недоразумѣніе, кажущійся „обманъ чувствъ“. Аналогичны

---

[1]) Монада Atma-Buddhi.

[2]) Переживая рядъ смертей.

этому переживанія человѣка, насильственно лишеннаго физическаго проводника. Жизненныя силы, которыя при нормальныхъ условіяхъ израсходовались бы къ концу срока его жизни, теперь заставляютъ вибрировать его астральное и ментальное тѣла и воспроизводить въ его сознаніи картины послѣднихъ минутъ на землѣ. Человѣкъ можетъ быть и сознаетъ, что онъ не на землѣ, но вибраціи въ его проводникахъ будутъ продолжаться, пока остатокъ жизненныхъ силъ не израсходуется.



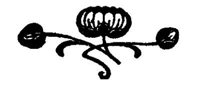
Не дѣлай другому того, чего не дѣлаешь себѣ.

Какъ ты избѣгнешь грѣхъ? Подумай о трехъ вещахъ: откуда ты пришелъ, куда ты идешь и передъ кѣмъ ты предстанешь.

Равви Симонъ сказалъ: Міръ стоитъ на 3-хъ столбахъ: законѣ, поклоненіи и милосердіи.

Равви Еліазаръ сказалъ: Милосердіе больше жертвоприношеній.

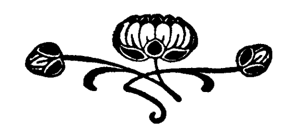
(Талмудъ).





Вопросъ. Чѣмъ объяснить непонятное обвиненіе, что Теософическое Общество есть антихристіанское движеніе?

Отвѣтъ. Такія обвиненія объясняются тѣмъ, что Т. О. есть движеніе новое и молодое. Его не достаточно еще знаютъ. Нужно помнить, что человѣческая мысль, какъ и всякая иная сила, течетъ по линіи наименьшаго сопротивленія и имѣетъ тенденцію кристаллизоваться въ принятыхъ и опредѣленныхъ формахъ. Всякое расширеніе и углубленіе пониманія Истины требуетъ новаго усилія духа, новой работы сознанія, пересмотра, а можетъ быть и перестройки стараго воззрѣнія, т. е. новаго, огромнаго труда. Это и вызываетъ въ обществѣ недоброжелательное и враждебное отношеніе ко всему новому. Кромѣ того, историческое христіанство окрасилось понемногу духомъ нетерпимости, вызывающаго гордое обособленіе отъ всѣхъ остальныхъ религій и требующаго признанія исключительной цѣнности своей системы среди всѣхъ остальныхъ. Поэтому, провозглашеніе единой Божественной Мудрости, лежащей въ основѣ *всѣхъ* религій, и свободное толкованіе духовныхъ истинъ были истолкованы, какъ антихристіанское настроеніе. Наше воинственное время полно жестокой нетерпимости, а Теософія призываетъ быть терпимыми даже съ нетерпимыми.





„Роза и Крестъ".

Александра Блока.

Альманахъ Сиринъ. Сборникъ первый. При чтеніи „Розы и Креста" Александра Блока невольно вспоминается опредѣленіе, которое Эдуардъ Шюре даетъ идеѣ розенкрейцерства:

„Розенкрейцеровская идея", говоритъ онъ, „стремится вернуть знаку Креста силу и магію, которыя самъ Христосъ ему далъ, выростивъ изъ его стержня цвѣтокъ новыхъ временъ. Вотъ почему она окружаетъ Крестъ Розами.

Крестъ остается для посвященнаго знакомъ божественной жертвы Человѣка-Бога и всѣхъ героевъ Слова. Но онъ становится для него также и знакомъ божественнаго знанія, потому что свѣтъ мудрости изливается изъ его пламенѣющаго центра. Розенкрейцеры равно вѣрятъ и въ Крестъ и въ Розу. Они говорятъ: *Per Rosam ad Crucem—per Crucem ad Rosam*. Черезъ Любовь къ Знанію,—черезъ Знаніе къ Жизнѣ и Красотѣ.

Внѣшняя сторона драмы Блока выражена въ интересныхъ образахъ жестокаго и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтательнаго средневѣковья. Свирѣпый и комически-недалекій графъ, коварный капелланъ, придворная дама, играющая два фронта, пажъ Алисканъ, ничтожный и невѣрный юноша безъ храбрости и безъ рыцарскихъ качествъ, но прекрасный лицомъ,—раскрываютъ передъ нами свою душевную скудость и свое полное безраличіе къ мечтѣ. Въ противовѣсъ имъ можно поставить трехъ другихъ дѣйствующихъ лицъ драмы: странника-пѣвца Гаэтана, жену графа Изору и рыцаря Бертрана. Эти трое объединены одной общей чертой: каждый изъ нихъ стоитъ въ томъ или иномъ

отношенiи къ пѣснѣ о Радости-Страданьи, къ пѣснѣ, завѣты которой идутъ отъ феи.

„Сдайся мечтѣ невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу законъ непреложный—
Радость—Страданье одно!
Путь твой грядущiй—скитанье,
Шумный поетъ океанъ.
Радость, о, Радость—Страданье.
Боль неизвѣданныхъ ранъ“.

поется въ этой пѣснѣ. Каждый изъ трехъ мечтателей поетъ отрывки изъ пѣсни, фей каждый вкладываетъ въ нихъ свое пониманiе. И въ томъ, какъ различные люди воспринимаютъ одну и ту же пѣсню,—кроется внутренняя сторона драмы, именно то, что углубляетъ образы людей до выразительности символовъ.

„Никѣмъ не тронется сердце твое,
Оно во власти моей“.

сказала фея пѣвцу-Гаэтану. Вотъ почему онъ свободно блуждаетъ по землѣ и поетъ, служа для людей „зовомъ безцѣльнымъ“. Выцвѣлъ уже знакъ креста на его груди, побѣлѣли его волосы, но не ослабѣлъ его голосъ и юношески горитъ его взоръ.

Не такова Изора. Она способна томиться о своей мечтѣ, она видитъ ее во снѣ, узнаетъ звуки ея голоса. Но въ жизни отличить своей мечты отъ красиваго обмана она не умѣетъ. Для нее мечта воплощена во внѣшнiе образы и, если эта мечта является въ жизнь не такой или не совсѣмъ такой, какой она ей представлялась, Изора не узнаетъ ее и предпочитаетъ ей реальность красиваго трафарета. Смутно чувствуя что-то въ словахъ „Радость—Страданье—одно“, она еще не можетъ вмѣстить этихъ словъ, ей еще далеко до креста, хотя ея обманное счастье вводитъ ее уже на крестный путь.

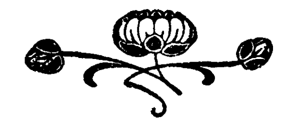
По иному озаренъ мечтой Бертранъ, рыцарь—Несчастiя, центръ и герой драмы. Сердце его не во власти феи, но отдано земной Изорѣ. И онъ не свободенъ, какъ пѣвецъ-Гаэтанъ, но связанъ службой при замкѣ и рыцарской клятвой. Въ награду за все это онъ не получаетъ ничего, кромѣ насмѣшекъ и угрозъ отъ графа и, въ лучшемъ случаѣ, довѣрiе отъ Изоры, которая позволяетъ ему способствовать своему счастью съ другимъ. На его груди не крестъ, а увядшая, черная, какъ кровь, роза. Охваченный „болью неизвѣданныхъ ранъ“ онъ умираетъ на своемъ сторожевомъ посту, радостно глядя на крестъ, который „сверкаетъ надъ вьюгой“.

Паразительная картина смерти рыцаря, приносящаго свою жизнь въ жертву своей рыцарской чести и своей любви. Въ эти послѣднія минуты его умудряетъ смерть, и онъ получаетъ посвященіе Розенкрейцера.

„Смерть, умудряешь ты сердце...
Я понялъ, понялъ, Изора!
Сердцу законъ непреложный—
Радость-Страданье—одно".

Счастливый рыцарь—Несчастіе умираетъ въ минуту высшаго напряженія своей Радости Страданья. Первая половина пути—*per Rosam ad Crucem*—пройдена. Рыцарь умеръ, но когда-нибудь и гдѣ-нибудь ему остается пройти вторую половину рыцарскаго пути—*per Crucem ad Rosam,* черезъ Знаніе къ Жизни и Красотѣ.

М. Станюковичъ.



Три свѣта свѣтятъ въ Святомъ Вышнемъ, которые соединяются въ Одно, и Они—основы Торы, а Тора открываетъ дверь всѣмъ... Придите и видьте Тайну Слова!.. 3 исходятъ изъ Одного, Одинъ существуетъ въ 3-хъ... Все есть Одно.

(Талмудъ).

Въ началѣ была Воля Царя, предшествующая всякому существованію, которое перешло въ бытіе черезъ эманацію изъ этой Воли. Она начертала и запечатлѣла формы всѣхъ вещей, которыя долженствовали проявиться изъ скрытаго вида въ явный, въ вышнемъ ослѣпительномъ свѣтѣ Квадранта.

(Zohar).

Всѣ души подлежатъ круговороту, но люди не знаютъ путей Святого Единаго, да будетъ Онъ Благословенъ!..

(.).



Эволюція Символизма.

Е. Блаватской.

Теогонія Боговъ-созидателей.

Чтобы вполнѣ усвоить себѣ идею, лежащую въ основѣ всякой древней космологіи, необходимы изученіе и сравнительный анализъ всѣхъ древнихъ великихъ религій; только такимъ путемъ основная идея можетъ стать ясной. Если бы точная наука могла парить столь высоко и прослѣдить дѣятельность природы до ея конечныхъ и первоначальныхъ источниковъ, она назвала бы эту идею Іерархіей Силъ. Первоначальное трансцендентное и философское міропониманіе было едино. Но по мѣрѣ того, какъ системы съ каждымъ вѣкомъ стали все болѣе и болѣе отражать идіосинкразіи народовъ, и какъ послѣдніе, раздѣляясь, разбились на отдѣльныя группы, эволюціонируя каждая въ своемъ собственномъ національномъ или племенномъ руслѣ, главная идея понемногу стала затемняться въ силу преизбытка человѣческаго воображенія. Тогда какъ въ нѣкоторыхъ странахъ, разумныя силы природы были предметомъ божескаго почитанія, врядъ ли заслуженнаго ими, въ другихъ—какъ напр. теперь въ Европѣ и въ иныхъ *цивилизованныхъ* странахъ—сама мысль о томъ, что эти силы одарены разумомъ, кажется нелѣпой и считается *ненаучной*. Поэтому мы съ облегченіемъ читаемъ мнѣнія, подобныя тѣмъ, что мы находимъ во вступленіи къ книгѣ *Asgard and the Gods*: „Разсказы и преданія нашихъ сѣверныхъ предковъ", изданной В. С. В. Ансономъ, и гдѣ онъ говоритъ:

„Хотя въ Средней Азіи, или на берегахъ Инда, въ странѣ пирамидъ и на греческомъ и итальянскомъ полуостровахъ, и даже на сѣверѣ, куда переселились Кельты, Тевтоны и Славяне, религіозныя понятія народовъ и облеклись въ различныя формы, но *общее ихъ происхожденіе* еще замѣтно. Мы отмѣчаемъ эту связь между разсказами о Богахъ и глубокимъ смысломъ, содержащимся въ нихъ, и ихъ значеніе, дабы читатель увидѣлъ, что передъ нимъ открывается не

волшебный міръ, созданный горячечнымъ воображеніемъ, но что... *Жизнь и Природа* составляли основу существованія и дѣятельности этихъ божествъ“ [1]).

И хотя ни одному оккультисту или изслѣдователю восточнаго эзотеризма невозможно согласиться со странной мыслью, что „религіозныя міровоззрѣнія самыхъ знаменитыхъ народовъ древности стоятъ въ связи съ началами цивилизаціи среди Германскихъ расъ“ [2]), ему все же отрадно встрѣтить выраженіе такихъ истинъ, какъ нижеслѣдующая: „Эти повѣствованія не безмысленныя сказки, выдуманныя для забавы праздныхъ людей; они воплощаютъ глубокую религію нашихъ предковъ“ [3]).

Это совершенно вѣрно,—и не только религію, но и исторію, въ виду того, что слово миѳъ, по гречески μῦθος, означаетъ устное преданіе, передаваемое изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе; и даже въ современной этимологіи этотъ терминъ означаетъ сказанное повѣствованіе, содержащее какую-нибудь значительную истину; разсказъ о какомъ-нибудь необыкновенномъ лицѣ, чья біографія разрослась чрезмѣрно, благодаря поклоненію послѣдовательныхъ поколѣній подъ вліяніемъ богатаго народнаго воображенія, но который не является исключительно вымысломъ. Подобно нашимъ предкамъ, первобытнымъ Арійцамъ, мы твердо вѣримъ въ индивидуальность и разумъ не одной только силы, производящей явленія въ природѣ, а многихъ.

Съ теченіемъ времени, архаическое ученіе потускнѣло; и народы болѣе или менѣе потеряли изъ виду Высшее и Единое начало всего сущаго и стали переносить отвлеченные аттрибуты Безпричинной Причины на произведенныя послѣдствія, въ свою очередь ставшія причинами, созидательными силами Вселенной; великіе народы поступали такъ изъ боязни осквернить идею; меньшіе потому что либо они ее не уразумѣли, либо не обладали достаточнымъ философскимъ пониманіемъ, чтобы сохранить ихъ во всей ихъ неприкосновенной чистотѣ. Но всѣ они, за исключеніемъ послѣднихъ Арійцевъ, ставшихъ теперь европейцами и христіанами, сохранили это поклоненіе въ своихъ космогоніяхъ.

Какъ указываетъ Томасъ Тайлоръ [4]), самый интуитивный изъ всѣхъ переводчиковъ греческихъ отрывковъ, ни одинъ народъ не считалъ Единый Принципъ непосредственнымъ создателемъ

---

1) Стр. 3.
2) Ibid, стр. 2.
3) Ibid, стр. 21.
4) См. The Monthly Magazine, апрѣль, 1797 г.

видимаго міра, потому что ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ думать, что чертежникъ и архитекторъ своими руками выстроили зданіе, которымъ онъ любуется. По свидѣтельству Дамасція въ его сочиненіи „О Первыхъ Принципахъ" (Περὶ Πρώτων Ἀρχῶν), они называли ихъ „*Невѣдомой Тьмой*". Вавилоняне обходили этотъ принципъ молчаніемъ. „Къ этому Богу—говоритъ Порфирій въ своемъ сочиненіи: „О воздержаніи" (Περὶ ἀποχῆς τῶν ἐμψύχων)—который превыше всего, не слѣдуетъ обращаться ни съ внѣшней, ни съ внутренней рѣчью".

Гезіодъ начинаетъ свою Теогонію словами:

„Изъ всѣхъ предметовъ прежде всего былъ произведенъ Хаосъ" [1]), что позволяетъ предполагать, что Источникъ или производитель долженъ былъ быть обойденъ благоговѣйнымъ молчаніемъ. Гомеръ въ своихъ поэмахъ поднимается не выше Ночи, которую онъ описываетъ Зевсу, склоненной въ благоговѣйномъ поклоненіи.

Согласно всѣмъ древнимъ теологамъ и доктринамъ Пиѳагора и Платона, Зевсъ, или непосредственный создатель міра, *не высшій* Богъ; подобно тому, какъ и сэръ Кристофоръ Вренъ въ своемъ физическомъ, человѣческомъ образѣ не есть Разумъ, живущій въ немъ и создавшій его великія произведенія искусства. Потому Гомеръ обходитъ молчаніемъ не только Первое Начало, но и тѣ два принципа, что непосредственно слѣдуютъ за первымъ: Эфиръ и Хаосъ Орфея и Гезіода и Конечность и Безконечность Пиѳагора и Платона [2]). Проклъ говоритъ объ этомъ Высшемъ Принципѣ, что онъ „Единый изъ Единыхъ и выше первѣйшаго Адита.... неисповѣдимѣе всякаго Безмолвія и оккультнѣе всякой Сущности.... скрытый среди постижимыхъ Боговъ" [3]).

Къ тому, что писалъ Т. Тайлоръ въ 1797 г., можно добавить еще кое-что, а именно, что „евреи повидимому не поднялись выше.... непосредственнаго строителя Вселенной", такъ какъ „Моисей вводитъ тьму надъ поверхностью бездны, не намекая даже на существованіе источника ея бытія" [4]). Никогда евреи въ

---

[1]) Ἤτοι μὲν πρώτιστα Χάος γένετ' I, 166; γένετο обозначало въ древности „былъ произведенъ", а не просто „былъ" (см. Тайлоръ „Введеніе къ Пармениду Платона, стр. 260).

[2]) Капила осыпаетъ насмѣшками смѣшеніе между „Конечнымъ" и „Безконечнымъ" въ своихъ спорахъ съ Браманами и Іогами, утверждающими, что они видятъ въ своихъ мистическихъ видѣніяхъ „Наивысшаго".

[3]) Ibid.

[4]) См. статью Тайлора въ его *Monthly Magazine*, цитированную въ *Platonist*, февраль 1887 г. изд. Т. М. Джонсономъ, Оссеола, Миссури.

своей Библіи—чисто эзотерической, символической книгѣ,—такъ не унизили свое метафорическое божество, признавая Іегову своимъ единымъ, живымъ и *личнымъ* Богомъ.

Этотъ Первый, или скорѣе Единый Принципъ назывался „Небеснымъ Кругомъ", символизированнымъ іерограммой въ видѣ точки внутри круга или равносторонняго треугольника, причемъ точка изображаетъ Логосъ. Такъ въ Ригъ-Ведѣ, гдѣ Брама даже не названъ, Космогоніи предшествуетъ Гираніагарбха, „Золотое Яйцо" и Праджапати (впослѣдствіи Брама), отъ котораго исходятъ всѣ іерархіи „создателей". Монада или Точка есть начало и единица, отъ котораго происходитъ вся числовая система. Эта точка— Первая Причина, но *То*, отъ чего она исходитъ или скорѣе, чье выраженія она составляетъ,—Логосъ, обходится молчаніемъ. Въ свою очередь, всемірный символъ, *Точка внутри круга* не была еще Строителемъ, а лишь причиной этого Строителя; и послѣдній относился къ ней точно такъ же, какъ точка относилась къ окружности Круга, не поддающагося опредѣленію, какъ говоритъ Гермесъ Трисмегистъ. Порфирій утверждаетъ, что Монада и Діада Пиѳагора тожественны съ Безконечнымъ и Конечнымъ Платона, въ его „Филебѣ", или съ тѣмъ, что Платонъ называетъ ἄπειρον и πέρας. Одна лишь Діада, Мать, вещественна, тогда какъ Монада является „Источникомъ всякаго единства и мѣрою всего существующаго" [1]); Діада, Мулапракрити, покровъ Парабрамана, является такимъ образомъ Матерью Логоса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Дочерью его,—т. е. объектомъ его перцепціи, произведеннымъ производителемъ и второстепенной причиной его. По Пиѳагору, Монада возвращается въ Безмолвіе и Тьму, какъ только она произвела Тріаду, отъ которой происходятъ остальныя 7 чиселъ изъ десяти, что лежатъ въ основѣ Проявленной Вселенной.

Въ Сѣверной Космогоніи повторяется то же самое.

„Въ началѣ была великая Бездна (Хаосъ), не существовали ни День, ни Ночь; Бездна была Джинунгагапъ, зіяющая пропасть безъ начала, безъ конца. Все—Отецъ, Несозданный, Невидимый, пребывалъ въ глубинѣ Бездны (Пространствѣ) и *пожелалъ*, и что Онъ пожелалъ, получило бытіе" [2]).

Какъ и въ Индусской Космогоніи, эволюція Вселенной дѣлится на два акта, именуемые въ Индіи твореніемъ Пракрати и Падма. Прежде, чѣмъ теплые лучи, изливающіеся изъ Лучезар-

---

[1]) Vit Pythag., стр. 47.

[2]) Asgard and the Gods., стр. 22.

наго Жилища, вызываютъ жизнь въ Великихъ Водахъ пространства, показываются Элементы Перваго Творенія, и изъ нихъ образуется Исполинъ Имиръ или Ергельміръ (буквально кипящая глина), Первичная Матерія, дифференцированная изъ Хаоса. Затѣмъ появляется Корова Аудумла, Питательница[1]), отъ которой родится Бури, Производитель, чей сынъ Бёръ (Борнъ) отъ Бестлы, дочери Исполиновъ - Морозовъ, сыновъ Имира, имѣлъ троихъ сыновей: Одинъ, Уили и Уи или Духъ, Воля и Святость. То было, когда тьма еще царила въ пространствѣ, когда Азы, созидательныя силы, или Дхіанъ-Чоханы, еще не эволюировали и Иггдразиль, Дерево Міра, Времени и Жизни еще не выросло и не было еще Валгаллы или Залы Героевъ. Скандинавскія легенды о мірозданіи, о нашей землѣ и о нашемъ мірѣ, начинаются съ установленія Времени и съ человѣческой жизни. Все предшествовавшее имъ—Тьма, гдѣ обитаетъ Все—Отецъ, Причина всего сущаго. Какъ замѣчаетъ издатель книги „Asgard and Gods", хотя эти легенды и содержатъ идею объ этомъ Все—Отецъ, первоначальной Причинѣ всего, „о немъ почти не упоминается въ поэмахъ", не потому, полагаетъ онъ, что до проповѣди священныхъ писаній мысль „не могла подняться до ясной концепціи Вѣчнаго", но въ силу его глубокаго эзотерическаго характера. Потому всѣ Боги-Создатели или *Личныя* Божества появляются во второй стадіи Космической эволюціи. Зевсъ родился *изъ* и *въ* Кроносѣ—Времени. Такъ и Брама является эманаціей и произведеніемъ Кала, „Вѣчности и Времени"; Кала—одно изъ именъ Вишну. Отсюда и Одинъ—Отецъ *Боговъ* и *Азовъ*, какъ Брама—*Отецъ Боговъ и Асуровъ*; отсюда и двуполый характеръ всѣхъ главныхъ Боговъ-Созидателей, отъ второй Монады Грековъ до Сефиры Адама Кадмона, Брамы или Праджапати-Вакъ въ Ведахъ, и двуполаго существа Платона, составляющаго лишь разновидность индусскаго символа.

Лучшее метафизическое опредѣленіе первичной Теогоніи въ духѣ Ведантистовъ, содержится въ „Примѣчаніяхъ къ Бхагавадъ Гитѣ", Т. Субба Роу. Парабраманъ, Невѣдомый и Непостижимый, какъ говоритъ лекторъ своимъ слушателямъ:

„Не Эго, и не Не-Эго, и не сознаніе... онъ даже и не Атма, но не будучи самъ объектомъ познанія, онъ, однако, способенъ поддержать и произвести всякаго рода предметы и всякаго рода бытіе, становящіеся объектомъ знанія... (Онъ есть) единая сущность и изъ нея получаетъ бытіе центръ энергіи... (который онъ называетъ Логосомъ [2]).

---

[1]) Вакъ,—„мелодичная корова, дающая пищу и воду", „питаніе и поддержку", какъ описано въ Риг-Ведѣ.

[2]) The Theosophist, февраль, 1887, стр. 302—3.

Этотъ Логосъ есть Шабда Браманъ Индуса, котораго онъ даже не хочетъ назвать Ишварой („Господь“, Богъ), изъ боязни, чтобы этотъ терминъ не произвелъ путаницы въ умахъ. Это Авалакитешвара буддистовъ, Слово христіанъ въ его дѣйствительномъ *эзотерическомъ* значеніи, а не въ теологическихъ искаженіяхъ.

„Это первый Иніата или Эго въ Космосѣ и всякое другое Эго... есть лишь отраженіе и проявленіе его... Онъ существуетъ въ скрытомъ состояніи въ лонѣ Парабрамана, во время Пралайи... (Въ теченіе Манвантары) онъ имѣетъ свое сознаніе и свою индивидуальность... (онъ центръ энергіи, но) подобные центры энергіи почти неисчислимы въ лонѣ Парабрамана. Не слѣдуетъ думать, что (даже) этотъ Логосъ (создатель, или что онъ) единственный центръ энергіи... Число ихъ почти безконечно... (Это) первое Эго, появляющееся въ Космосѣ, и конецъ всякой эволюціи. (Это отвлеченное Эго)... Онъ *первое* проявленіе (или аспектъ) Парабрамана... Когда онъ начинаетъ жить, какъ сознательное существо... съ его объективной точки зрѣнія Парабраманъ является ему какъ Мулапракрити. Прошу это помнить... потому что въ этомъ корень всѣхъ затрудненій относительно Пуруши и Пракрити, испытываемыхъ различными писателями о Ведантской философіи... Это Мулапракрити матеріально для него (Логоса), какъ всякій матеріальный предметъ матеріаленъ для насъ. Это Мулапракрити настолько же не Парабраманъ, насколько совокупность свойствъ колонны не является самой колонной. Парабраманъ—безусловная и абсолютная реальность, а Мулапракрити нѣчто въ родѣ покрывала, наброшеннаго на него. Парабраманъ самъ не можетъ быть виденъ въ настоящемъ своемъ образѣ. Логосъ видитъ его чрезъ наброшенное на него покрывало и покрывало это есть мощное разлитіе космической матеріи... Парабраманъ, появившись съ одной стороны, какъ Эго, съ другой—какъ Мулапракрити, дѣйствутъ какъ единая энергія черезъ Логоса“ [1]).

Лекторъ прекраснымъ сравненіемъ разъясняетъ, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ дѣйствіемъ что-то, что есть *Ничто*, хотя оно вмѣстѣ съ тѣмъ и *Все*. Онъ сравниваетъ Логосъ съ Солнцемъ, чрезъ которое изливается свѣтъ и теплота, но чья энергія, свѣтъ и теплота существуютъ въ какихъ-то неизвѣстныхъ условіяхъ въ пространствѣ, и разлиты въ пространствѣ лишь какъ видимый свѣтъ и теплота, причемъ солнце является лишь агентомъ ихъ. Это первая троичная ипостась. Четверица же составляется съ прибавленіемъ животворящаго свѣта, изливаемаго Логосомъ.

Еврейскіе каббалисты объяснили это способомъ, эзотерически совпадающимъ съ толкованіемъ Ведантистовъ. Айнъ Суфъ, учили они, не можетъ быть постигнутъ, ему не можетъ быть отведено

---

[1]) Ibid. стр. 304.

опредѣленное мѣсто, и онъ не можетъ быть названъ, хотя онъ и Безпричинная Причина всего. Отсюда и его имя Айнъ Суфъ, обозначающее отрицаніе, Неисповѣдимый, Непостижимый, Безымянный". Они поэтому изображали его посредствомъ безконечнаго круга, сферы, причемъ человѣческій интеллектъ, при величайшемъ даже напряженіи, могъ видѣть лишь его куполъ. По словамъ одного лица, весьма основательно разгадавшаго многое въ каббалистической системѣ, въ одномъ изъ ея смысловъ, а именно, въ ея числовомъ и геометрическомъ эзотеризмѣ:

„Закройте глаза и изъ вашего собственнаго сознанія постарайтесь думать наружу до послѣднихъ предѣловъ во всѣхъ направленіяхъ. Вы увидите, что равныя линіи или лучи сознанія простираются равномѣрно во всѣ направленія, такъ что крайнее усиліе воспріятія закончится въ *куполѣ сферы*. Ограниченіемъ этой сферы явится неизбѣжно большой кругъ и прямые лучи мысли въ любомъ направленіи должны образовать прямые радіусы круга. Это, слѣдовательно, *должно быть*, человѣчески говоря, крайней, всеобъемлющей концепціей *проявленнаго* Айнъ Суфа, формулирующаго себя въ видѣ геометрической формулы и именно круга, съ его элементами дугообразной окружности и прямолинейнаго діаметра, раздѣленнаго на радіусы. Изъ этого слѣдуетъ, что геометрическая фигура является первымъ познаваемымъ средствомъ общенія между Айнъ Суфомъ и человѣческимъ разумомъ" [1]).

Этотъ Большой Кругъ, сводимый восточнымъ эзотеризмомъ къ точкѣ въ Безпредѣльномъ Кругѣ и есть Авалокитешвара, Логосъ или Слово, о которомъ говоритъ Т. Субба-Роу. Но этотъ Кругъ или проявленный Богъ столь же неизвѣстенъ намъ, иначе какъ черезъ его *проявленную* вселенную, сколь и *Единый*, хотя онъ и удобопонятнѣе или скорѣе доступнѣе высшему нашему пониманію. Этотъ Логосъ, покоющійся во время Пралайи въ лонѣ Парабрамана, подобно тому какъ наше „Эго, находится (въ насъ) въ латентномъ состояніи во время Сушупти", или Сна, и не можетъ познать Парабрамана иначе какъ подъ видомъ Мулапракрити—этотъ послѣдній, будучи космическимъ покровомъ, т. е. „мощнымъ развитіемъ космической матеріи"—является такимъ образомъ лишь органомъ въ космическомъ творчествѣ, чрезъ который изливаются Сила и Премудрость Парабрамана, *неизвѣстнаго Логосу, какъ онъ неизвѣстенъ намъ.*

Вслѣдствіе того, что Логосъ такъ же неизвѣстенъ намъ, какъ Парабраманъ въ дѣйствительности неизвѣстенъ Логосу, восточный эзотеризмъ и Каббала для того, чтобы ввести Логосъ въ границы нашего пониманія, облекли отвлеченный синтезъ въ кон-

---

[1]) The Masonic Review, іюнь, 1886 г.

кретные образы, т. е. въ отраженіе или многообразные аспекты этого Логоса или Авалокитешвары, Брамы, Ормузда, Озириса, Адама Кадмона, назовите его любымъ изъ подобныхъ именъ; эти аспекты или манвантарическія эманаціи суть Дхіанъ-Чохан'ы, Элогимы, Девы, Амшеспенд'ы и т. д. Метафизики согласно Субба Роу, видятъ корень и зародышъ послѣднихъ въ первомъ проявленіи Парабрамана, „высшей Троицѣ, доступной нашему пониманію", которая и есть Мулапракрити,—Покровъ, Логосъ, и Сознательная Энергія послѣдняго, или его Сила и Свѣтъ, именуемые въ Бхагавадъ-Гитѣ Дайвипракрити; или „Матерія, Сила и Эго, или единый корень Самого, причемъ всѣ другіе виды Эго составляютъ лишь проявленіе и отраженіе его".

Только при этомъ свѣтѣ, ментальнаго и физическаго сознанія *практическій* оккультизмъ можетъ сдѣлать Логосъ видимымъ, посредствомъ геометрическихъ фигуръ, при близкомъ изученіи раскрывающихъ не только научное объясненіе реальнаго, объективнаго существованія [1]) „Семи сыновъ Божественной Софіи", составляющій Свѣтъ Логоса, но и доказывающихъ, съ помощью не найденныхъ еще ключей, что, относительно человѣчества эти „Семь Сыновъ" и ихъ безчисленныя эманаціи,—центры олицетворенной энергіи, являются положительной необходимостью. Отстраните ихъ и Тайна Бытія и человѣчества *не только никогда не будетъ разгадана, но къ ней нельзя будетъ даже близко подойти.*

Все создано чрезъ этотъ свѣтъ. Этотъ корень ментальнаго „я" является также корнемъ физическаго „я", потому что этотъ Свѣтъ есть измѣненіе въ нашемъ проявленномъ мірѣ Мулапракрити, носящаго въ Ведахъ названіе Адити. Въ своемъ третьемъ аспектѣ онъ превращается въ Вакъ [2]), въ Дочь и Мать Логоса, подобно тому, какъ Изида является дочерью и матерью Озириса-Горуса, и Мутъ—дочерью, супругой и матерью Аммона въ египетскомъ лунномъ глифѣ. Въ Каббалѣ Сефира—то же самое, что Шекина и въ другомъ синтезѣ является супругой, дочерью и матерью Небеснаго человѣка, Адама Кадмона и даже тождественна съ нимъ, какъ Вакъ тождественна съ Брамой и называется женскимъ Логосомъ. Въ *Ригь-Ведѣ*, Вакъ есть „Мистическая Рѣчь",

---

[1]) Объективнаго — въ мірѣ Майа, конечно, но столь же реальнаго, какъ мы сами.

[2]) Въ періодъ космическаго проявленія, Дайвипракрити слѣдовало бы называть, строго говоря, не матерью, а дочерью Логоса". (Примѣчанія къ Бхагавадъ Гитѣ", op. cit.; стр. 305).

чрезъ которую человѣку сообщаются оккультныя знаніе и мудрость, потому и говорятъ, что Вакъ „вошла въ Риши". Она „рождена богами"; она—Божественная Вакъ, „Царица Боговъ" и она, подобно Сефирѣ и Сефиротамъ, пріобщена къ Праджапатамъ въ ихъ творческомъ трудѣ. Кромѣ того, она носитъ названіе „Матери Ведъ", такъ какъ чрезъ нея (какъ чрезъ Мистическую Рѣчь) Брама сообщилъ ихъ и чрезъ ея силы онъ создалъ Вселенную", т. е. чрезъ Рѣчь и слово, синтезированныя въ „Словѣ" и числахъ [1]).

Но когда о Вакъ говорятъ, какъ о дочери Дакша, „Бога, живущаго во всѣхъ кальпахъ", то тѣмъ самымъ обнаруживается ея иллюзорный характеръ; въ періодъ Пралайи, она исчезаетъ, поглощенная Единымъ, всепожирающимъ Лучемъ.

Однако во всемірномъ эзотеризмѣ, какъ въ восточномъ такъ и въ западномъ, существуютъ два различныхъ аспекта во всѣхъ этихъ олицетвореніяхъ женскихъ силъ въ природѣ или нуменальной и феноменальной природы. Одинъ изъ нихъ—чисто метафизическій, какъ его описываетъ ученый авторъ „Примѣчаній къ Бхагавадъ-Гитѣ"; другой—земной и физическій и вмѣстѣ съ тѣмъ *божественный* съ точки зрѣнія практическаго, человѣческаго пониманія и оккультизма. Это все символы и олицетворенія Хаоса, Великой Бездны или Первичныхъ Водъ въ пространствѣ, непроницаемая завѣса между *непознаваемымъ* и Логосомъ Творчества. „Соединившись чрезъ свой умъ съ Вакъ, Брама (Логосъ) создалъ Первичныя Воды". Въ Катха Упанишадѣ это выражено еще яснѣе.

„Праджапати былъ этотъ міръ. *Вакъ* была второю послѣ него. Онъ соединился съ ней... она произвела эти созданія и снова вошла въ Праджапати".

Это связываетъ Вакъ и Сефиру съ богиней Кванъ-Іинъ, „Милосердной Матерью", Божественнымъ Гласомъ Души, даже въ экзотерическомъ буддизмѣ, и съ женскимъ аспектомъ Кванъ-Шай-Іина, Логоса, Слова созданія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ Голосомъ, ясно говорящимъ посвященному, согласно эзотерическому Будхизму. Отсюда и появились Батъ-Коль, Filia Vocis, Дочь Божественнаго Голоса Евреевъ, отвѣчающая съ милосерднаго сѣдалища за завѣсой Храма.



[1]) Мудрецы, подобно Станлей Джевонсу, изъ современныхъ намъ, придумавшіе методъ облеченія непостижимаго въ конкретную форму, могли достигнуть этого, только прибѣгая къ числамъ и геометрическимъ фигурамъ.

Издательница А. А. Каменская. Редакторъ Ц. Л. Гельмбольдъ.

Порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ читать книги по Теософіи:

Краткій очеркъ Теософіи. *Ледбитера.*

Что такое Теософія? *Каменской.*

№ 1. Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ. *Е. П.*

№ 3. Перевоплощеніе. *Е. П.*

№ 2. Законъ причинъ и послѣдствій. *(Карма). Е. П.*

№ 4. Сила мысли и мысле-образы. *Е. П.*

№ 5. Законы высшей жизни. *А. Безантъ*

Цѣль и путь. *Кузьмина.*

Задачи Теософіи. *Alba.*

У ногъ Учителя. *Кришнамурти.*

Невидимые помощники. *Ледбитера.*

Въ преддверіи храма. *А. Безантъ.*

Братство религій. *А. Безантъ.*

Великіе посвященные. *Эд. Шюре.*

Четвертое измѣреніе. *П. Успенскаго.*

Свѣтъ на пути. *М. Колинзъ.*

Мистеріи древности и Христіанство. Д-ра *Штейнера.*

Забытая сторона христіанства, *Д. Страндена.*

Tertium organum. *П. Успенскаго.*

Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ. *Паскаля.*

Сокровенная философія Индіи. *Брамана Чаттерджи.*

Теософія и новая психологія. *А. Безантъ.*

Путь къ посвященію. Д-ра *Штейнера.*

Древняя мудрость. *А. Безантъ.*

Путь ученичества. *А. Безантъ.*

Голосъ Безмолвія. *Е. П. Блаватской.*

Бхагавадъ Гита.

Біографія Е. П. Блаватской, *Вопросы Теософіи сб. II.*

Спб. Городская Типографія, Садовая 55, уг. Вознесенскаго.